
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 45 (2054)

6 НОЯБРЯ 1966

44-й год издания

БОГАТЫРСКА

7 ноября 1941 г. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.



Николай БЫКОВ

В этот лес они пришли с Красной площади. Был ноябрь 1941 года. На раскисшие дороги, на мокрые деревья валил снег. Красноармейцы спали на ходу, потому что шли долго — день и ночь и еще один день... Теперь, в такой же несветлый осенний день 1966 года, они доехали сюда за час с небольшим. С Красной площади до Красной Поляны. Они — это четыре старых, искалеченных войной солдата. Звания у них разные — сержанты, старшина, генерал... Седина одна, и одно железо рвало их тела, и одной дорогой они пришли тогда, 7 ноября 1941 года, в этот тихий лес.

Мокрая трава спуталась на дне окопа, мокрые черные ветки склонились над холодным бруствером. У ног подмосковных берез — осколки, осколки...

Молчит лес. Молчат четверо. Лес не узнал их: здесь прошли тысячи молодых, в серых шинелях. Сначала шли к Москве, потом — из Москвы. Многие остались здесь, в этом лесу, навсегда. Эти четверо вернулись сюда через двадцать пять лет. И они не узнали леса, вернее, в каждом лесу за Лобней угадывали тот, единственный, в котором рыли ячейки и траншеи, в котором валились с ног от усталости, а позднее и от голода, в котором хоронили товарищей и били, били пришельцев с запада. Это было и в том лесу, и в том, и в том, самом дальнем, что молчит под снежной тучей далеко-далеко.

У ног молодых белоствольных берез — осколки, осколки...

В истории 129-й стрелковой Орловской Краснознаменной ордена Кутузова дивизии записано: «7 ноября 41 г. Москва. Участие в параде войск Красной Армии на Красной площади...».

Тогда дивизия называлась еще 2-й Московской стрелковой. Прошло всего-то недели три, как она сформировалась из ополченцев Москвы. И в нее влились добровольцы с Северного Кавказа. Одиннадцать из этих добровольцев и сегодня живут на Ставрополье.

Было так. В августе в Ессентуках и в Кисловодске прошли партийные собрания. Повестка дня: Родина в опасности! Решение — коммунисты, вперед!.. И вот сто коммунистов и комсомольцев из Кисловодска и двести из Ессентуков записались добровольцами. Их направили на курсы политруков. Армия ждала комиссаров. Но черный вал войны катился стремительно к Москве. Учиться было некогда. И тогда в высоком звании политбойцов их перебросили в Москву.

А потом новые шинели, шапки, валенки, новенькие винтовки в руку и — становись! Был рассвет 7 ноября. Поротно шли пустынными улицами, вдоль примолкнувших домов никогда прежде не виденной Москвы. На Красную площадь. И снова начинал полюбившуюся песню запевала Алексей Карпенко:

Никогда мы не сдадим
Красную столицу,
Все моторы заведем —
Прямо на границу!

В каждом полку была одна полуторка, три — в дивизии. Бойцы шагали, сомкнув ряды, и грозная песня, как знамя, взлетала над щетиной винтовок.

— А снег лепил и лепил,— вспоминает Александр Павлович Зотов.

Она им и запомнилась, праздничная столица, суровой тишиной, первым густым снегом, которого не видели в Ессентуках.

С площади — на фронт. Так и уходили — поротно. И снова любимая, до сих пор любимая песня: «...Никогда мы не сдадим красную столицу...» Над площадью, над краснозвездными ушанками — рука гражданина нижегородского Минина, отца русского ополчения. Красная площадь, улица Горького, мимо Белорусского вокзала—раз-раз-раз, два, три. Запевай!.. Потом одни — по Дмитровскому шоссе, другие — на Можайск. И все навстречу врагу. Шли долго и далеко, всю ночь шли Москвой. Велика столица! Уже серел рассвет, когда Максим Коляда, замполитрука роты, заметил, что Москва осталась позади. А в медленно светлевшем небе метался фашист, отбившийся от стаи. Его терпеливо и точно вели лучи прожекторов. Частили зенитки. Красноармейцы ликовали и, задравши головы, сбивались с шага. Наконец удар, черные брызги там, высоко, вверху, и восторженный рев: «Есть!.. Готов!.. Уй, ты!..» И снова — запевай!

— Подъем душевный был,— вспоминает теперь Зотов, кисловодский художник.— Был большой подъем! Ну-ка, пройти по Красной площади, видеть священные камни, знать, что к ним, к твоему дому, лезет чужеземец... Мы были молоды, и мы ведь все были коммунисты, нам-то уж никак нельзя было ждать, пока принесут повестку...

И вот спустя четверть века четыре уцелевших в той войне солдата снова пришли на окраину Лобни, в тот лес и к тому окопу в Озерецком, где насмерть бились они и их товарищи. Ничто не забыто, никто не забыт. Комдив генерал Василий Андреевич Смирнов привычно, как и тогда, ставит боевую задачу: «Превосходящие силы противника вышли на рубеж Красная Поляна, Горки, Озерец-

Красная площадь, 1966 г. Слева направо: А. Д. Карпенко, В. А. Смирнов, А. П. Зотов, М. М. Коляда.



кое... К исходу дня...» И быть может, только сейчас три солдата поняли, какое дело сделали они всей дивизией тогда, в ноябре—декабре сорок первого. Здесь было острие немецкого кинжального удара. Танки рвались к Лобне. До Москвы оставались считанные километры и грудью красноармейцев закрытое Дмитровское шоссе. Вот она, изба на западной окраине старой Лобни, дальше которой немцы не прошли.

— Здесь легла наша четвертая рота,— говорит, теребя седой ус, Александр Павлович Зотов.

Молчит новый лес. Страшные шрамы на земле — позаросшие траншеи. И у ног берез — осколки, осколки... Александр Павлович рассказывает о подвиге роты, о том, что из ста семидесяти трех человек остались семь, и еще о том, как погибли двадцать восемь пулеметчиков.

— Не помним их имена,— с болью говорит Зотов.— А надо бы знать каждого... Каждого назвать стране поименно! Их было двадцать восемь, пулеметный взвод.

— Но шли танки — напролом. Они не отступили. И вот сейчас ни одного имени не осталось. Только безымянный гипсовый солдат на перекрестке дорог...

Следопыты из 615-й московской школы, где формировалась 2-я дивизия, ищут, ищут. Они прошли боевым путем дивизии до Польши. Открывая все новые имена героев, ребята слагают стихи: «Ринулись ввысь самолеты, двинулся танковый строй...» В солдатских глазах — слезы: хорошо декламируют дети, и великое дело делают пионеры... Они, ветераны дивизии, и не замечают маленького несоответствия («двинулся танковый строй...»). Ведь это стихи, и потом ребятам никогда не понять, как было страшно ждать с винтовкой в руках скрежещущую стальную коробку в том рваном лесу. Но ждали, и поднимались навстречу смерти, и разили ее, жгли, заставляли повернуть назад. Заставили. Дальше Химок и Лобни враг не прошел.

— Не прошел все-таки фашист!

Они часто собираются вместе, старые политбойцы. Их осталось девять. Да в Кисловодске двое. Федор Иванович Огарков и еще один Федор Иванович — Тонких, один из первых ессентукских комсомольцев; Михаил Николаевич Антонец, в семье которого дрались все — отец, и мать, и два сына, который прошел с дивизией от Красной площади до Берлина и был на Эльбе; Алексей Дмитриевич Карпенко, бывший запевала и боевой старшина, ныне колхозник; Василий Ляпякин и его товарищ по батарее Григорий Лукьянченко, познавший ярость артналетов и горечь фашистской неволи; кисловодский однополчанин Александр Иванович Шевченко; и новые добрые друзья «Огонька»: художник Александр Павлович Зотов и Максим Михайлович Колядá, тот самый Колядá, который жарко говорил о ненависти к врагу, о готовности драться до победы на общем собрании коммунистов дивизии, состоявшемся в Доме культуры в Долгопрудном. Вот и все, кто остался... Коммунисты, добровольцы, наши защитники (у некоторых, к слову, нет даже медалей за оборону столицы)...

— До Берлина мало кто дошел,— с болью замечает генерал Смирнов.— Дивизия понесла огромные потери под Москвой, потом она держала тяжелейшую оборону под Старой Руссой, а там страшная река Ловать, потом ее бросили на выручку Орла, и дивизия стала Орловской, а в Москве в честь нее прогремел первый салют! Потом Бобруйск, Пруссия, выход на Эльбу... Тяжелый, но славный путь! Только вот не всем посчастливилось пройти его...

...Мы сидим в уютной комнате у Федора Ивановича Тонких... Случилось так, что на время погас электрический свет. Зажгли пока керосиновую лампу. И стало еще уютнее, почти по-фронтовому. Старики, внешне никак не похожие на стариков, вспоминали войну, часто смеялись шуткам Карпенко, часто замолкали надолго. И страшно мне было видеть раны этих ничем не сломленных людей. Раны, которыми они гордятся... А потом, как всегда у них, как повелось, видно, уже давно-дáвно, грянула бывшая строевая, ныне — в запасе — застольная песня:

Никогда мы не сдадим
Красную столицу!..

И снова, уже на ярко освещенной улице всегда праздничного курортного города, наказывали троим, едущим в Москву:

— Поклонитесь Красной площа-



В СОЗВЕЗДИИ СВОБОДНЫХ И

В канун великого нашего праздника, 49-й годовщины Октября, на древней земле Советской Грузии состоялось большое торжество: к знамени республики был прикреплен орден Ленина. Это вторая высшая награда, которой Грузия удостоена за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве.

В Тбилиси для вручения Грузинской ССР ордена Ленина прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Вместе с ним приехал первый секретарь Московского горкома партии Н. Г. Егорычев.

1 ноября в Тбилиси, во Дворце спорта, состоялось торжественное собрание представителей трудящихся республики. Грузия ныне — это край металлургов и химиков, автомобилестроителей и текстильщиков, прославленных чаеводов и виноградарей, всемирно известных ученых и деятелей культуры. Они собрались здесь, в празднично украшенном дворце, они от имени всех своих земляков принимали высокую награду Родины.

Торжественное заседание открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе. От имени ЦК Компартии Грузии, правительства республики, от имени грузинского народа он приветствовал Л. И. Брежнева. Он говорил о том, что грузинский народ, все трудящиеся республики тесно сплочены вокруг Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, что в братской семье советских народов они вдохновенно трудятся во имя торжества коммунизма и готовы полностью претворить в жизнь решения XXIII съезда КПСС.

Тепло встреченный участниками торжественного заседания с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Затем с речью выступил первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе.

От имени Московского го-



ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ ВСТРЕЧИ, ТОРЖЕСТВА

В минувшую неделю, в преддверии годовщины Октября, в разных городах страны руководители партии и правительства встречались с тружениками советской земли. Встречи эти были и деловые: разговор шел о практических делах шахтеров и металлургов — и торжественные: авиаторам вручался орден Ленина.

В Донецк прибыл член Политбюро ЦК КПСС Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. В областном комитете партии состоялась беседа А. Н. Косыгина с руководителями областных партийных, советских и хозяйственных организаций. Затем Председатель Совета Министров посетил шахту «Октябрьская» треста «Куйбышевуголь», где с прибывшими с ним лицами и руководящими работниками республики и области непосредственно в забое ознакомился с организацией и техникой добычи угля в комплексно-механизированной лаве.

В беседе с работниками угольной промышленности и угольного машиностроения были обсуждены предложения о перспективах дальнейшего развития комплексной механизации добычи угля.

1 ноября А. Н. Косыгин и сопровождавшие его лица выехали в город Жданов, на металлургический завод имени Ильича. В городском комитете КП Украины состоялось совещание партийно-хозяйственного актива предприятий металлургической промышленности Донецкой области. На совещании выступил тепло встреченный собравшимися Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

* * *

Первого ноября в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное собрание, посвященное вручению ордена Ленина Московскому транспортному управлению гражданской авиации. На собрании с речью выступил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

РАВНЫХ

родского комитета партии, исполкома Моссовета, от имени всех москвичей сердечные поздравления братскому грузинскому народу передал первый секретарь МГК КПСС Н. Г. Егорычев.

...В эти солнечные осенние дни в столице республики, как никогда, празднично и весело. Торжества в Тбилиси еще и еще раз продемонстрировали великую силу братской дружбы советских народов.

На снимке: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев прикрепляет орден к знамени республики.

Телефото В. Соболева (ТАСС).

ди, побывайте там, где умирали наши, где мы победили!

Трое из ветеранов 2-й Московской дивизии встретились в Москве со своим командиром, и снова, как и четверть века назад, 7 ноября 1941 года, проделали солдатский путь от Красной площади до Красной Поляны, до мест, где они остановили фашистскую военную машину. Только теперь они не шли пешком. И было несветлое осеннее утро. И чистые стекла голубели в окнах помолодевшей Москвы. И новые кварталы Бескудникова, Лианозова, Лобни провожали их. И новый лес встретил их у старых траншей. И были теплыми от солнца стволы тихих берез... А у ног их, в мокрой траве — осколки, осколки...

Лес, каких в России тысячи. Богатырская застава.



З. ХИРЕН

Перелистывая свои записи военных лет, я наткнулся на одну, сделанную со слов генерал-майора Кузьмы Романовича Синилова. Запись эта была сделана вскоре после опубликования постановления Государственного Комитета Обороны о введении с 20 октября 1941 года в Москве и в прилегающих к городу районах осадного положения. Тогда же Синилов и был назначен военным комендантом столицы.

Человек, которому было тогда не до излияния своих чувств и переживаний, сообщил, однако, мне, корреспонденту «Красной звезды», детали, о которых в то время както не принято было говорить.

Запись, о которой здесь пойдет речь, была сделана после военного парада 7 ноября 1941 года. Почти весь октябрь пленные, тогда еще довольно наглые и самоуверенные, без устали повторяли, что война кончится 7 ноября, со вступлением германской армии в Москву. Напомнил об этом в начале нашей беседы Синилов, добавив, что в оккупированных районах Подмосковья немцы даже успели отпраздновать взятие Москвы.

Москва тем временем продолжала жить своей привычной, напряженной жизнью. Отбив очередной воздушный налет, зенитные батареи запасались снарядами. Как в мирное время хлебные автобусы со свежими батонами мчались по утрам от булочной к булочной, так и сейчас чуть ли не эти же самые автобусы, но уставленные железными лотками со снарядами, мчались от батареи к батарее. Случалось, что боеприпасы кончались еще до окончания налета, и тогда приходилось срочно посылать за ними на склад, а то и непосредственно на завод.

В этой вот обстановке Синилову объявили о предстоящем 7 ноября параде. Звучало это почти неправдоподобно. Войск в городе было мало, да и те с минуты на минуту должны были уйти на фронт. Воздушные налеты, производившиеся прежде только по ночам, участились и в дневное время. К военным парадам обычно начинали готовиться за полтора-два месяца, а тут сообщили за три дня, предупредив притом: никому ничего не говорить. Но как же не говорить, когда те, кому предстояло выйти на Красную площадь, никогда прежде в Москве не бывали, совершенно не ориентировались! О параде же Синилов мог сообщить командирам частей лишь в два часа ночи 7 ноября, а начало было назначено на 8 часов утра.

И вот, рассказывая тогда обо всем этом, Синилов не скрывал охватившей его в ту пору некоторой растерянности. Ведь в эти-то как раз дни шла интенсивная подготовка войсковых частей и ополченцев к отправке на фронт, а тут понадобилось внимание сосредоточить и на параде.

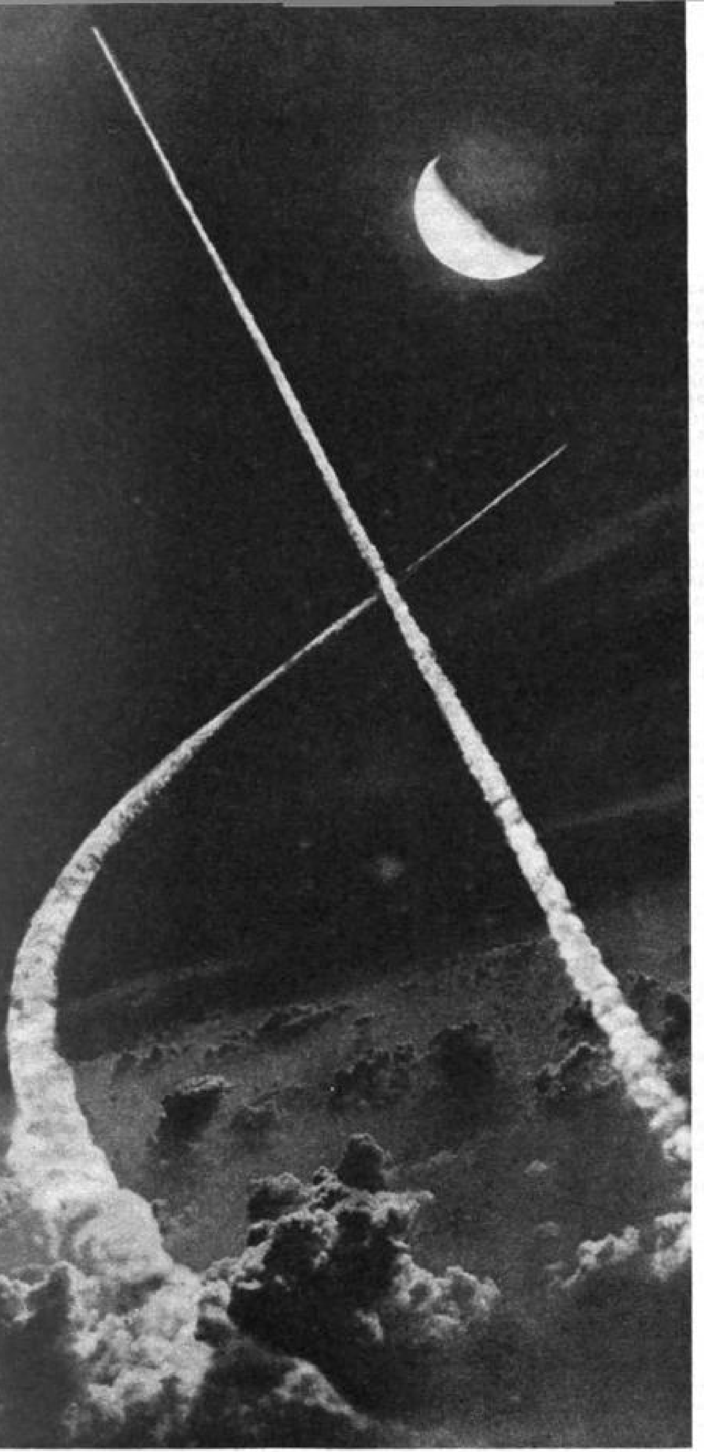
Накануне, 6 ноября, стояла хотя и несколько облачная, но вполне летная погода. Это не могло не тревожить коменданта да и всех остальных военачальников, отвечавших за небо Москвы. В ночь на 7 ноября пошел густой, мокрый снег, а к утру разыгралась метель. Объезжая войсковые части, Синилов то и дело поглядывал на небо и радовался. Кроме войсковых частей, в параде участвовало свыше двадцати батальонов ополченцев. Многие из них не успели еще получить обмундирование, оружие, в руках они держали тощие котомки. Рядом с курсантами военных училищ эти люди выглядели странно. Военную технику рассредоточили: танки и орудия стояли на Манежной площади, на улице Горького, на Моховой, на улице Герцена, на Пушкинской, на площади Свердлова. Ведь погода могла в любую минуту улучшиться, и тогда не исключено было воздушное нападение врага. Войска шли торжественным маршем. Даже както не верилось: когда это они научились так четко шагать? Метель, спасавшая нас от воздушного нападения, создавала в то же время очень неблагоприятные условия для продвижения танков и артиллерии. Перед парадом все подъемы и спуски возле кремлевских проездов и проезда Исторического музея были посыпаны песком. Но пехота унесла этот песок на своих сапогах. Кроме того, остатки песка сдуло сильным ветром и занесло снегом. Опасались, что машины будут буксовать. И действительно, случалось, что артиллерийская прислуга буквально на руках выносила орудия. После метели начался гололед. Одним словом, в препятствиях недостатка не было.

Танки и орудия двигались по Красной площади. И тут произошло нечто совершенно необыкновенное. Перед самым Мавзолеем один из КВ решительно развернулся и помчался в обратную сторону. За ним последовал еще один танк. При этом следует учесть, что танки были вооружены полным боекомплектом. Синилов получил распоряжение немедленно выяснить причины ЧП и виновных сурово наказать. Он помчался к месту происшествия. Из башни танка высунулся молодой танкист в твердом кожаном шлеме и довольно спокойно стал объяснять, что произошло. Он, оказывается, получил сигнал о том, что его товарищ, командир другого танка, попал в беду — значит, надо поспешить ему на выручку. Ведь именно так их учили в подмосковных лагерях. Вот и все, что было причиной ЧП на Красной площади. Но Синилова, конечно, это объяснение не могло удовлетворить. Он тут же помчался ко второму танку, к тому, который последовал за этим вот парнем. И тут генерал выслушал примерно ту же версию. Затем стал разыскивать танк, подавший сигнал о бедствии. Его-то обнаружить не удалось: к тому времени вокруг Красной площади скопилось много техники, и сразу найти нужный танк было нелегко.

Вернувшись к Мавзолею, Синилов доложил о ЧП, напирая главным образом на рассказ о выручке в бою. Члены ГКО, услышав это, одобрительно смеялись, и вопрос о наказании был снят.

В ту пору вновь повидать Сини-

Продолжение см. на стр. 6.



Дороги отважных.
Фото Валентина Лебедева (СССР).
Золотая медаль.



Автограф Шолохова.

Фото Хорста Шульце (ГДР). Бронзовая медаль.

«ИНТЕРПРЕСС-ФОТО 66»

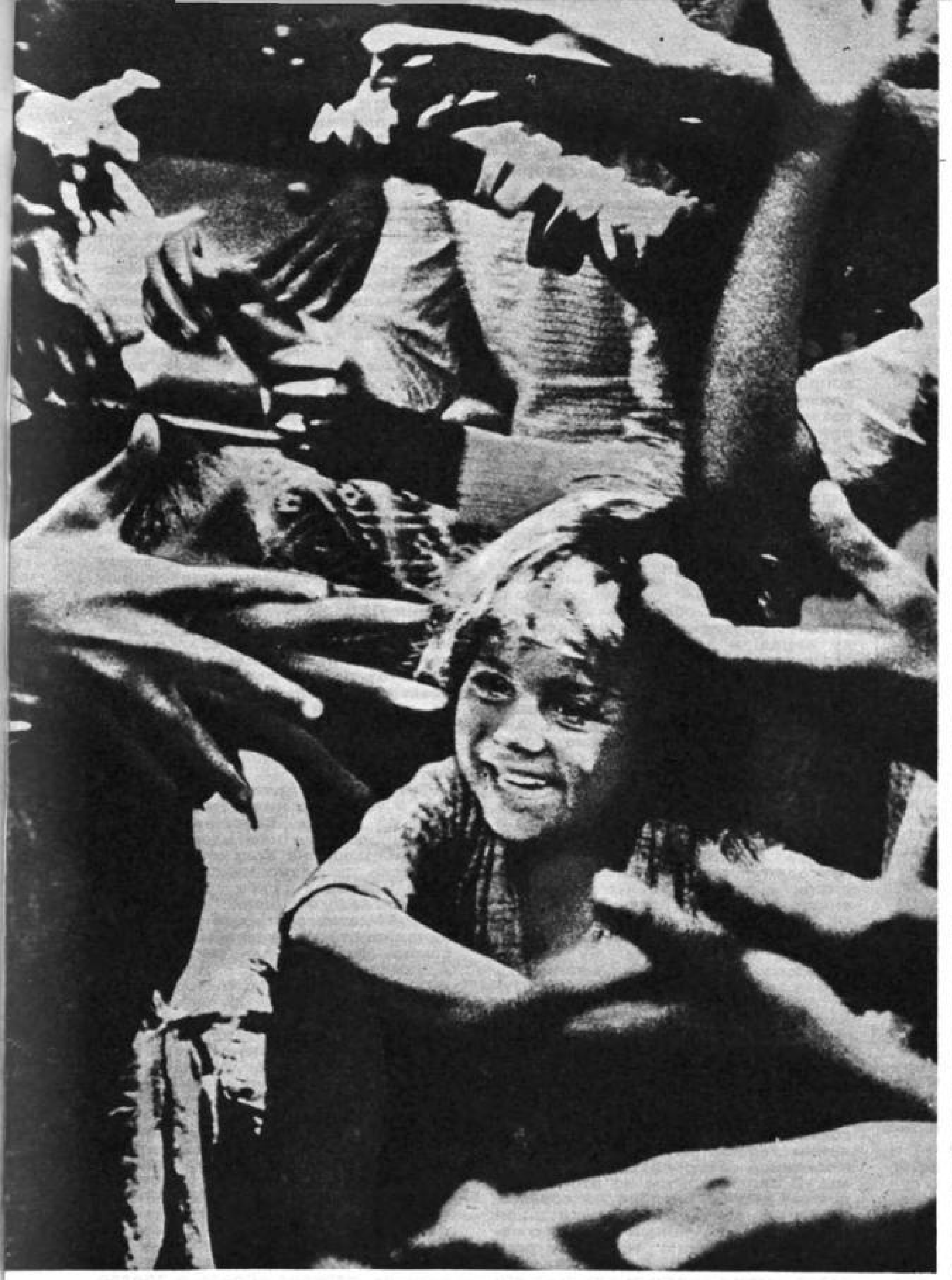
Из серии «Рождение балерины».
Фото Юрия Абрамочкина (СССР). Бронзовая медаль.





Из серии «Парашютисты».
Фото Бориса Вдовенко (СССР).
Бронзовая медаль.





Радость.

Фото Раджу Рая (Индия). Бронзовая медаль.

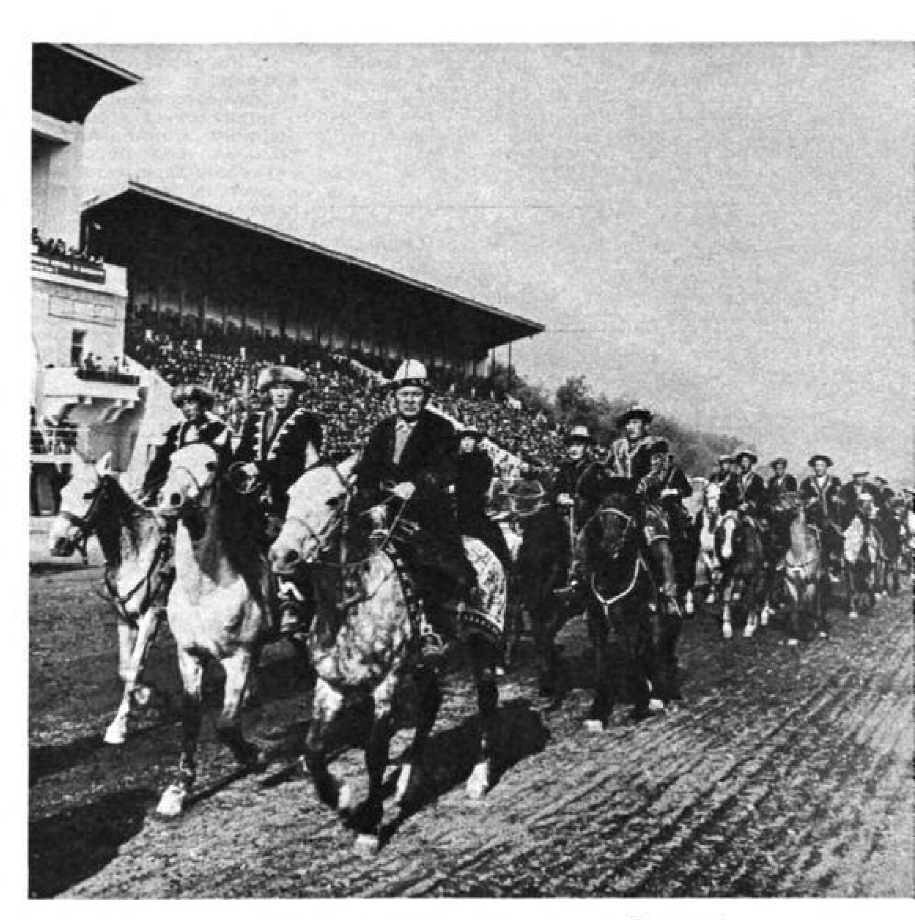
Тысячи людей уже посетили проходящую в Москве Международную выставку «Интерпресс-фото 66», а очередь у Манежа не тает. Интерес к выставке огромен — здесь не просто представлено фотографическое искусство, это скорее динамичный взволнованный рассказ о жизни нашей планеты, написанный непоседливым племенем фотожурналистов.

Некоторые из работ, отмеченные наградами, мы сегодня публикуем. В номере 42-м «Огонька» мы печатали снимки старейшего фотокорреспондента нашего журнала Галины Санько «Узники фашизма» и «Двадцать лет спустя», удостоенные золотой медали.

Встречный ветер. Из серии.

Фото Александра Сидоренко (СССР). Серебряная медаль.





Парад участников конно-спортивного праздника на Фрунзенском ипподроме.

Фотохроника ТАСС.

ЦВЕСТИ ЗЕМЛЕ КИРГИЗСКОЙ

Киргизская республика сегодня юбиляр. Сорок лет назад нищая, отсталая окраина бывшей Российской империи стала советской социалистической республикой. И сорок лет назад была основана Коммунистическая партия Киргизии. С тех самых пор Киргизстан в братском нерушимом союзе с другими советскими республиками идет дорогой труда, побед и открытий.

Сорок лет назад в Киргизии редко-редко можно было встретить крошечный полукустарный заводик. Сейчас республика стала одним из крупнейших в стране производителей электродвигателей и медицинской аппаратуры, физических и электронных приборов, металлорежущих станков и сельскохозяйственных машин... Всего не перечтешь; в Киргизии создано более 30 отраслей промышленного производства. Рабочий класс республики, которого до революции фактически не было, вырос до 300 тысяч человек. А сельское хозяйство? На месте кочевого животноводства и примитивного земледелия возникли крупные социалистические хозяйства — колхозы и совхозы. В нынешнем году перевыполнены план продажи зерна государству и план продажи шерсти, план заготовок хлопка и план заготовок сахарной свеклы. А культурный рост республики? При царизме Киргизия даже не имела своей письменности, а ныне здесь возник многочисленный отряд советской интеллигенции. В народном хозяйстве республики трудится более 106 тысяч специалистов высшей и средней квалификации, а в вузах и средних учебных заведениях республики сейчас обучается более 60 тысяч студентов.

Юбилейные торжества здесь ныне были тем более радостны и торжественны, что протекали они в дни, когда весь многонациональный советский народ готовился отметить свой общий праздник — 49-ю годовщину Великого Октября.

В столице Киргизской республики, городе Фрунзе, состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Киргизии и Верховного Совета Киргизской ССР, посвященное знаменательному событию в жизни киргизского народа.

В этом заседании приняли участие и гости — делегации всех союзных республик, Москвы, Ленинграда, краснознаменного Кронштадта, над которым шефствует Киргизстан.

Торжественное заседание открыл первый секретарь ЦК КП Киргизии Т. Усубалиев. Тов. Т. Усубалиев выступил с докладом о славном юбилее республики и Компартии Киргизии.

Затем с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Н. Шелепин. Бурными аплодисментами встретили присутствующие сообщение А. Н. Шелепина о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР за успехи, достигнутые трудящимися в хозяйственном и культурном строительстве, орденом Ленина награждена Ошская область Киргизской ССР. В заключение тов. А. Н. Шелепин огласил текст приветствия Киргизской республике от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

ПАРАД СОРОК ПЕРВОГО...

Начало см. на стр. 3.

лова и уточнить некоторые подробности, дополнительно расспросить его кое о чем, мне не довелось. А когда сейчас, спустя двадцать пять лет, я стал перелистывать страницы блокнота и пожелал встретиться с генералом, выяснилось, что его нет в живых. Тогда я обратился к генерал-полковнику Павлу Артемьевичу Артемьеву, под командованием которого и служил в октябре 1941 года К. Р. Синилов. Артемьева я знал раньше. Сразу же после того, как фельдъегерь Ставки принес в редакцию «Красной звезды» постановление ГКО об осадном положении Москвы, я был послан в штаб Московского военного округа к начальнику гарнизона генералу Артемьеву, который должен был сообщить некоторые подробности, связанные с этим постановлением. Отныне оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручалась командующему Западным фронтом генералу армии Г. К. Жукову, а на П. А. Артемьева возлагалась оборона города на его ближних подступах. Мы разговаривали с генералом во время сильного авиационного налета на Москву. Кабинет его подвергался мощным сотрясениям. Несколько раз воздушной волной срывало с окон светомаскировку, и приходилось гасить электричество, беседовать в темноте. Непрерывно звонили телефоны, и Артемьев вел разговоры, непонятные мне, человеку здесь постороннему. Можно было лишь догадываться, что звонили в этот час начальнику гарнизона при самых крайних обстоятельствах.

Хотелось расспросить о многом. Каждый из нас понимал, что означает осадное положение. Такие чрезвычайные меры вводятся в городе при непосредственной угрозе захвата его врагом. У нас в редакции, прочитав постановление, все обратили внимание на строчки о расстреле на месте шпионов и провокаторов. Конечно, подобные постановления не подлежат обсуждению, и все-таки я надеялся, что генерал кое-что тут уточнит. Но вновь и вновь звонили телефоны, а вопрос мой так и оставался без ответа.

И вот сижу дома у генерал-полковника Павла Артемьевича Артемьева. Без особого труда мы устанавливаем, что между первым и вторым моим интервью прошло двадцать пять лет. Я пришел к генералу 20 октября 1966 года.

— Да,— произнес Артемьев тихо,— кто подумает сегодня, что ГУМ, куда в эти дни все устремляются за праздничными покупками, доставил мне двадцать пять лет тому назад столько хлопот? — Генерал делает скупой жест рукой и продолжает: — Когда было решено провести парад, я получил задание предусмотреть и такой тяжкий вариант: бомбы могут посыпаться на головы участников парада. И тогда-то в помещение нынешнего ГУМа прибыли медсанбаты с носилками, перевязочными материалами — словом, со всем необходимым для оказания первой помощи раненым. А накануне парада в переулках, прилегающих к Красной площади, и в ближних дворах стояли санитарные машины. В Лефортове, в военном госпитале, были приготовлены специальные палаты на роковой случай. Кроме того, была предусмотрена эвакуация пострадавших в московские и подмосковные госпитали.

Зашел разговор о Синилове. Я рассказал Артемьеву о своих записях. Собеседник заметил:

— Вот у вас тут записано, что Синилов узнал о параде за три дня. Нет, не знал он этого, и вот по какой причине. По приказу Верховного Главнокомандующего никто, кроме Буденного, которому предстояло принимать парад, до вечера 6 ноября об этом часе не знал. Когда я спросил у Сталина, на какой час назначить парад, он мне ответил: «Сделайте так, чтобы до последнего часа никто не знал, чтобы и я не знал, когда начнется парад». «А все-таки когда же объявить?» — настаивал я. «6-го будет торжественное заседание, посвященное двадцать четвертой годовщине Октябрьской революции,— ответил Сталин.— Там вот после заседания и скажете мне».

— Но какой смысл был Синилову называть три дня? — заинтересовался я.

— Вы забываете время, когда брали интервью.— И Артемьев сурово, внимательно поглядел на меня.—...Дело было вот как. О предстоящем параде я узнал тридцатого октября. Но, как я уже сказал вам, мне было запрещено кому бы то ни было говорить об этом. Как быть? Тогда, дня за три до парада, сказал Синилову, что руководители Московской партийной организации хотели бы увидеть тех, кто будет выдвинут в ближайшие дни на линию обороны столицы. Тогда в районе Крымского моста началась своеобразная тренировка войск. Видимо, Синилов имел в виду эту тренировку, когда говорил о трех днях.

— Нельзя ли рассказать, как зародилась идея парада?

— Сейчас всем очевидно огромное военное и политическое значение парада седьмого ноября сорок первого года на Красной площади. Но тогда, в той трудной обстановке, мне, исполнителю, такой парад показался... ну как бы вам сказать... противоестественным, что ли. Мне, занимавшемуся в те дни вопросами обороны Москвы на ближних подступах к ней, подготовкой резервов, и в голову не пришла бы мысль о параде. Каждый день я докладывал Ставке о ходе строительства оборонительной полосы и заполнения ее войсками. И вот тридцатого октября, выслушав очередной мой доклад, Сталин как бы невзначай попросил доложить о подготовке войск Московского гарнизона к параду в ознаменование 24-й годовщины Октября. Я ответил, что ни наземная, ни воздушная обстановка не позволяет проводить в нынешнем году парад, и доложил, что войска гарнизона к параду не готовятся. Сталин молчал. Тогда я добавил, что на этом параде из всех родов войск сможет участвовать в крайнем случае одна лишь пехота. Артиллерия занимает огневые позиции, воюет, а танками гарнизон вовсе не располагает. Один из членов ГКО попытался было меня поддержать, но Сталин тут же отверг всякую поддержку и приказал:

— Парад седьмого ноября проводить. Артиллерию при помощи генерал-полковника Яковлева изыскать. А танки появятся под Москвой за два-три дня до парада. Об этом уж я сам позабочусь. О подготовке к параду никто не должен знать, кроме Буденного, которому поручается принимать парад, а командовать парадом будете вы, Артемьев. Вам и надлежит определить час начала парада.

Мне лишь оставалось повторить приказание. Хотя обстановка, повторяю, была чрезвычайно тяжелая. Предвиделось новое наступление немецко-фашистских войск на Москву. Незадолго до этого разговора я получил указание об усилении темпов строительства подмосковной оборонительной системы. В связи с этим во второй половине дня 28 октября на совещании у А. С. Щербакова слушали мой информационный доклад о мерах по ускорению темпов строительства рубежей. Совещание это стало затем памятным для всех его участников. В разгар совещания в здание ЦК партии, где оно происходило, попала крупнокалиберная авиабомба. От ее взрыва пострадало значительное число работников ЦК и МК, в том числе были убитые в приемной того самого кабинета, где мы собрались.

Я напомнил Артемьеву, что при первой нашей встрече так и остался открытым вопрос о расстреле на месте. Генерал задумался. И неторопливо произнес:

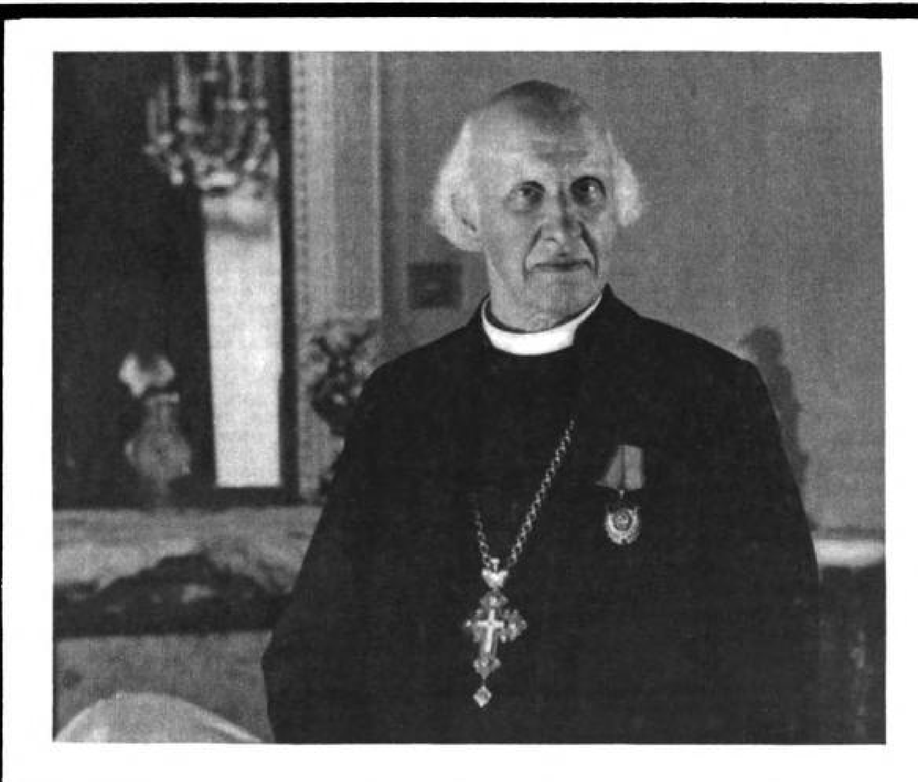
— Что сейчас вспоминать об этом... Скажу одно: не понадобилась эта суровая мера после перевода Москвы на осадное положение. Было всего два случая, когда пришлось воспользоваться правом расстрела на месте...

И тут Артемьев вновь вернулся к началу нашего разговора о военном параде:

— Вы тут вспоминали про интервью с Синиловым, про танкистов. Так вот, в тот знаменательный день произошел случай еще похлестче. Накануне парада был отдан строгий приказ: ни одного самолета в Москву не принимать. К тому же, как я уже сказал, погода была нелетная. И что же, вдруг появляется в небе над столицей маленький «ПО-2». По этому самолету немедленно был открыт огонь. Таков был приказ командования ПВО. Не знаю уж, каким чудом, но летчик этот спасся, камнем упал на землю и остался целехоньким и невредимым. Оказалось, что этот летчик летел в Москву с боевым донесением. Видимо, в штабе не успели получить приказ о запрещении полетов, а может быть, что-то перепутали. Словом, парень этот отделался легким испугом.

Тут Павел Артемьевич вспомнил и то, что с ним самим произошло на параде. Впервые в жизни ему предстояло командовать военным парадом на Красной площади. На коне он давно не сидел. Накануне отобрал себе спокойного светло-гнедого коня. Коноводом взял 56-летнего старого наездника-кавалериста. На него была вся надежда. Времени для репетиции у Артемьева, как и у всех остальных участников парада, естественно, не оставалось. До самого утра он не отходил от телефонов и лишь рано утром, когда в кабинет внесли папаху и шашку, помчался в Кремль. Там его ждал, сидя верхом на красивом скакуне, Семен Михайлович Буденный. И стал давать Артемьеву наставления: не отставать, выдерживать дистанцию, а когда он, Буденный, выедет из Спасских ворот, а Артемьев из Никольских,— стараться встретиться напротив Мавзолея. Все так и было бы, если б конь Артемьева с первых же минут не задурил. Без усилий со стороны всадника он все время принимал противоположную сторону, забирал вправо и вправо. А после парада выяснилось, что конь Артемьеву попался на один глаз слепой.

Таковы некоторые подробности этого знаменитого парада.



Умер Хьюлетт Джонсон, человек интереснейшей судьбы — священник, философ, борец за мир, большой друг Советского Союза. «Красным настоятелем» называли его английские буржуазные газеты: в течение многих лет Джонсон занимал один из виднейших постов англиканской церкви — настоятеля Кентерберийского собора. Хьюлетт Джонсон неоднократно был у нас в гостях, написал несколько книг о Советском Союзе. Он возглавлял Общество англо-советской дружбы, входил в состав Всемирного Совета Мира. За активную благородную деятельность в защиту мира и дружбы народов Хьюлетт Джонсон был награжден международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

Хьюлетта Джонсона больше нет с нами. Но все люди, кому дорог мир, сохранят в своих сердцах память о нем.



ОБЫКНОВЕННЫЙ ЛЕНИНЕЦ

В. МЕЛЕНТЬЕВ

Фото А. Узляна.



Год 1918-й. Рабочие Ликинской фабрики.

Сегодня мы открываем в журнале новую рубрику «Рожденные в бурю».

В юбилейном, пятидесятом году Советской власти мы расскажем о рожденных в бурю, о рожденных в первые бурные годы жизни Страны Советов — это национализированные фабрики и заводы, сельскохозяйственные коммуны и школы, дома отдыха и клубы...

Мы приглашаем наших читателей подсказать редакции адреса для таких репортажей, прислать нам фотодокументы о рожденных в бурю.

Сегодня писатель В. Мелентьев и фотокорреспондент «Огонька» А. Узлян ведут репортаж с Ликинской текстильной фабрики — одной из первых в России фабрик, национализированных почти полвека назад.

Итак, шесть рассказов Прасковьи Михайловны Тимохиной и шесть дополнений к ним...

«Совет Народных Комиссаров
Петроград
17 ноября 1917.

...Фабрику товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова при поселке Ликино, Владимирской губ., со всеми находящимися при ней материалами, сырьем и прочим объявить собственностью Российской Республики...

Председатель Совета
Народных Комиссаров
В. И. Ульянов (Ленин)»

Самые распространенные русские фамилии — Ивановы и Смирновы.

Ликинская прядильно-ткацкая фабрика основана «мастерком», крестьянином-раскольником Смирновым. Своих единоверцев, гонимых официальной церковью, он эксплуатировал так же, как всех остальных, а на него, в свою очередь, давил фабрикант Морозов. Ничего в Смирнове особенного не было: капиталист как капиталист.

В начале XX века в Ликине стояла огромная фабрика. На ней работали 4 тысячи человек.

О том, что было после, я узнал от чистенькой милой старушки Прасковьи Михайловны Тимохиной, да и сам видел, когда был на фабрике. Вот ее рассказ.

1. А ЖИЛИ МЫ ТАК...

— Мои прадед, дед и отец — крепостные ткачи известного вельможи Брюса, а я вольной родилась в деревне Корпусове, под Монино. Там стояли рабочие корпуса, и они в начале века сгорели. Земли у нас сроду не было, и подались мы в Ликино. Смирновы там крепко размахнулись. Сняли комнату. Отец с матерью спали на кровати, а дети — на полу. Головы — у стены, ноги — под столом. Года через три отец стал подмастерьем, мать — ткачихой, и управляющий дал комнату в казенном доме. Вздохнули: платить в пять раз меньше, и комната большая. В нашей семье Ивановых было шестеро детей и двое взрослых, да у соседей трое взрослых и трое детей. Дети спали вместе...

— Все в одной комнате?

— А как же? В комнатах три, а то и четыре семьи... А прочие разные — в казарме, на нарах.

В девятьсот шестом году, к своим шестнадцати годам, и я стала двадцать шесть копеек в день получать. Мой двоюродный брат Гринька у нас в семье жил, тоже работать пошел: копеек пятнадцать приносил. Голодными не сидели. Продукты в фабричной лавке на книжку получали. Когда и меньшие пошли на фабрику, стала пятерка от расчета оставаться, потом десятка. Праздничное купили, галоши... Только их носить нельзя было — в грязи застревали: болота кругом, глина. Молодежь, правда, форсила. Наденет галоши и по казарменному коридору гуляет. Знакомятся. Комплименты говорят. Подростки из-за дверей смотрят, завидуют. Гринька все мечтал галоши купить. Но не пришлось. Пожар на складе случился, и его погнали растаскивать хлопок. Он и задохся. Четырнадцати ему не было...

Дополняя рассказ...

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

Повестка дня партийного собрания: освоение нового оборудования. Докладчик — начальник цеха Федор Иванович Поддувалкин, фронтовик, более двадцати лет пребывавший депутатом горсовета. Доклад умный: и начальство затронул, и министерство упрекнул (не хватает моторов и запчастей), и себя не забыл.

Выступающие отметили, что новые чесальные машины Ивановского завода хорошие. Уже пробовали перекрывать их проектную мощность: идут отлично. А вот сам товарищ Поддувалкин... И пошло... «Не обеспечил, Федор Иванович... Не организовал».

— Хуже всего то, что не наладил обучение рабочих. А ведь за это он деньги получает! — возмущалась Евдокия Георгиевна Хорошева.— Нет, Федор Иванович, немедленно организуйте курсы по изучению оборудования. Немедленно!

А тут еще член президиума собрания бригадир планочниц Нина Егоровна Изгагина добавила:

— До каких пор мы будем заниматься уговорами? Наказывать нужно! Прогрессивки лишать! По карману бить, тогда не будут оправдываться, а дело делать. А то вчера: нет ровницы несколько часов. Стоим. Вагончиков у них, видите ли, нет! Нет, пора, товарищи, с этим кончать. Нам на новые условия переходить. И, видно, пока таких начальников по карману не ударишь — ничего не поймут.

Крепко досталось и докладчику и директору. Министерство тоже прихватили.

— Слово для зачтения проекта резолюции предоставляется товарищу Поддувалкиной.

Разговор вовсе не секретный, самый деловой. Просто в цехе очень шумно. Зоя Андреевна Рюмина (работает на фабрике 25 лет) дает консультацию молодым работницам Лиде Буровой и Тамаре Пакулевой.



Прасковья Михайловна Тимохина рассказывает молодым работницам о своих встречах с В. И. Лениным.



Бал «Осенние листья».



Очень строгую и очень конкретную резолюцию зачитала инженер Поддувалкина, невестка докладчика.

— Может быть, неудобно... такое сочетание?— спросил я у соседа.

— А что ж тут неудобного? Заработал — получай. Да и потом, вы эту семью знаете?

Я ее узнал. У Федора Ивановича десять человек детей. Инесса — коммунистка, преподаватель иностранного языка; Валерий — комсомолец, студент МВТУ; Владимир — мастер, коммунист, депутат горсовета; Любовь — прядильщица, коммунистка; Вячеслав — слесарь, комсомолец; Михаил — слесарь-сборщик, комсомолец; Людмила — контролер, комсомолка; Галя — работница фарфоровой фабрики в Дулеве; Сергей — ученик слесаря. Жена Агриппина Ивановна Поддувалкина — ткачиха, беспартийная. Боюсь, что она-то и поведет основную критику супруга, хотя, честно сказать, лишение прогрессивки ее не пугает: средний заработок семьи Поддувалкиных с учетом еще не работающих—130—150 рублей в месяц на человека.

Таких семей-династий здесь много. У мастера Глухова — одиннадцать человек, у Бровкиных — девять... и т. д.

2. А ЖИЛИ МЫ ТАК...

...Узнали мы, что в Орехово-Зуеве, у Морозова, таким же ткачихам-ленточницам, как я, платят почти в два раза больше. В Орехове большевиков было много. Они за рабочих умели постоять. Сказали и мы своему управляющему. Тот накричал: сами к хозяину суньтесь. Хозяин и появись. Девчата меня толкают:

— Ты маленькая, может, пожалеет...

Страшно было, но выступила вперед. Смирнов прищурился:

— Результат конкуренции.

Но приказал повысить расценки.

Радости было! Сорок копеек в день!

Война началась. Продукты дорожают, а расценки прежние. Смирновы объясняют:

— Теперь фабрика принадлежит акционерной компании и работает на оборону, ничем помочь не можем.

После Февральской революции Смирновы и компания совсем рассобачились: то откроют фабрику, то закроют; то того нет, то сего. За простои не платят, в фабричной лавке продуктов на книжку не пишут.

Пошли собрания. Требуем работы — фабриканты отказывают. Решили ехать к Керенскому: пусть помогает. Все рабочие подписались под письмом Керенскому. Гордеев и Ахалин в Питер поехали. К Керенскому их, ясно, не допустили, а принял Пальчинский, господин тоже, видно, в больших чинах. Обругал, постращал каторгой за саботаж.

— Мы же, гражданин Пальчинский, работать как раз на оборону хотим.

— Господин Смирнов — опора нового государства. Он знает, что делает.

В лавках товар имеется, а у рабочих ни гроша. Ягоды, грибы собираем, картошку у крестьян подчищаем. А дети мрут. Собралось все Ликино и пошло в Орехово-Зуево к своим пролетариям.

На Морозовской фабрике сразу остановка. Кто нам кашу тащит, а кто на землю садится и ту кашу прямо из чугунка ест... Оголодали. Развели по каморкам, напоили, накормили, на дорогу дали. А потом отчислили нам в помощь заработок за один день. Еще ткачи «Трехгорки» помогли, Кольчугинский завод...

Дополняя рассказ...

НА ШЕСТЬ ПЕРСОН

Когда окончился показ мод, а местные, очень искусные парикмахерши продемонстрировали модели новых причесок, на эстраду вышел шеф-повар 23-й столовой Иван Ильич Гладышев, показал, как накрыть воскресный семейный стол на шесть персон.

— Первое — салат. В него входят: картофель отварной, огурцы по сезону — малосольные, свежие или соленые. Зеленый горошек, лук, отварное мясо из супа или буженина, два помидора, майонез. Главное — порезать кубиками, аккуратно перемешать, а потом украсить зеленью. В нашей столовой порция такого салата стоит восемь — десять копеек, в домашних условиях — пять-шесть.

— Не слишком ли дешево?

— Посчитайте.

Считают. Выходит, точно.

— Пирожки домашние, ватрушки — у нас их испокон веков пекут. Селедочка. Надо распластовать, хребетик вынуть, порезать, окружить отварной картошкой, луком, морковью, редисом. Обязательно — русская заправка: уксус, постное масло, лучше нерафинированное — оно пахучее, чуть горчички — стоит пятнадцать копеек. Далее — яйца под шляпкой из помидоров, с майонезом — «грибок». Цены знаете. Ну, фрукты, вода, колбаса, сыр...

Споры шли долго, прикидывали, учились.

Бал «Осенние листья» продолжался...

3. А ЖИЛИ МЫ ТАК...

...Организовалась у нас руководящая большевистская пятерка — Ахалин, Гордеев, Разоренов, Лобанов и Морозкин. Тут Октябрьская революция. Рабочие опять к Смирновым, а те ни в какую: закроем фабрику — и все, пускай ваша власть открывает.

Общее собрание постановило: отобрать фабрику. Поехали наши делегаты в Питер. Владимир Ильич принял ликинцев быстро, документы посмотрел, долго выпытывал, как боролись с фабрикантами, и задумался. Он молчит, и наши молчат. Потом Ленин улыбнулся и написал резолюцию, а на словах добавил:

— Если можете пустить фабрику, пускайте. Но только с тем условием, что денег у правительства не просить. Их нет.

17 (30) ноября 1917 года состоялось решение, а 11 декабря фабрика заработала. Рабочее правление по тридцатке аванса выдало.

Дополняя рассказ...

СТРОКИ ИЗ ПРОТОКОЛА

В протоколе № 1 заседания юбилейной комиссии от 27 ноября 1922 года записано решение: «Чествовать 12 героев национализации Ликинской мануфактуры и преподнести им на общем собрании по чугунным часам с гравировкой такому-то». Это тт. Б. И. Лобанов, С. М. Морозкин, Н. В. Ахалин, Ф. Г. Гордеев, А. М. Коржавин, В. П. Девяткин, М. И. Кузнецов, И. В. Разоренов, В. А. Селин, И. И. Кутузов, М. С. Каряжкина, В. И. Петрова. Просто чествовать тт. Гусева, Шустрова, Комиссарова, Медведева.

«Чествовать с опубликованием в газете т. Иванова К. В., как первого красного директора фабрики Ликинской мануфактуры, т. Азарх Б., как первого председателя правления национализированной фабрики, и т. Чернецова П., как работника от рабочей организации».

Кроме того, было решено чествовать лиц, павших на месте службы,— тт. Селина С. А., Чуприкова, Зеленцова, Калашникова, Любимцева, Барышева, Анисимова, Щербакова «с постановкой спектакля в пользу семей таковых».

Но, как свидетельствует протокол номер два от того же числа, «т. Морозкин предложил передать подарки — чугунные часы — в распоряжение комиссии по школам, для улучшения таковых.

Чествование героев закончено с криком «ура!» и аплодисментами».

Сейчас на фабрике несколько сот человек награждены орденами и медалями Союза ССР.

Дополняя рассказ...

«ПРОШЛОЕ МЫ НЕ ЗАБЫВАЕМ...»

Так сказал комсорг фабрики Николай Шмелев.

На стенах клуба — портреты полковников и майоров, сержантов и рядовых — участников Отечественной войны.

Случайно всплыла история монумента во дворе фабрики в честь павших борцов. Великолепно исполненный барельеф, стелла, строго спланированная площадь вокруг. Цветы. Его построили комсомольцы — дети фронтовиков в свободное от работы время, не истратив ни гроша народных денег. Авторы проекта — Николай Шмелев и фабричный художник Николай Федосеев. Пока шло проектирование монумента и его строительство, шел и кандидатский стаж архитекторов и строителей. Теперь они коммунисты.

Ребята готовят проект мемориальной доски с текстом постановления Совета Народных Комиссаров о национализации фабрики за подписью В. И. Ленина.

4. А ЖИЛИ МЫ ТАК...

...Меня тоже в комитет выбрали: бойкая была, незамужняя. Поручили организовать детское питание. Дети ж истончились, не ходят, а переступают. Купеческую чайную под детскую столовую приспособили. Продукты, посуду нашли. До семисот детишек кормили.

И тут Марусю Каряжкину, Тимофееву и меня выбрали делегатами на съезд работниц. Сидим в зале. То на люстры смотрим, то слушаем. Говорят: «Ленин приедет». Зашушукались, платки поправили, оборочки расторкали. Верно, приехал. Вышел к трибуне. Первое, что я заметила,— галстук у него чуть на бочок. Спешил, видно, не поправил. А когда говорит, рука у него поперек груди движется и нет-нет да на жилете задержится.

Говорил он, что нужно пережить трудности и построить новую жизнь, что женщины должны принять участие в социалистическом перевороте.

Дополняя рассказ...

НОВЕЙШИЕ ТРУДНОСТИ И ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Директор фабрики Андрей Федорович Буйлов, в прошлом десантник, помощник мастера в Иванове и Щелкове (после войны газеты призывали работать по его почину), в частной беседе как-то пожаловался:

— На любом совещании в собственном кабинете приходится спрашивать разрешения закурить. Почему? Главный инженер фабрики — Мирясова, секретарь парткома — Чекулаева, председатель фабкома — Коробцова, мой заместитель по быту — Парфенова. Больше половины начальников цехов и служб — женщины.

— А где же мужчины?

— Завод имени Лихачева вывел автобусное производство из Москвы в Ликино-Дулево. Оно и поглотило мужскую рабочую силу.

— Не мешает «женское засилье»?

— Не очень,— смеется.— Вот только курить не разрешают.

5. А ЖИЛИ МЫ ТАК...

...Потом Ленин вышел в зал. Его, конечно, окружили. И мы к нему насилу пробились. Он с одними поговорил, с другими, а я и не слышала, о чем. Гляжу на него и думаю: вождь революции, а вот он, рядом,— пиджачок темно-зеленый пощупать можно. Тут он и к нам обратился:

— Здравствуйте. А вы откуда?

— С Ликинской, первой национализированной...

Ленин стал расспрашивать, как идут дела. Мы, конечно, честно рассказали. Соврать ему невозможно: такие у него глаза. Серьезные-серьезные.

— Желаю вам всего доброго,— сказал Ленин.— Что не так, приезжайте к нам, помогут сырьем, топливом...

А второй раз Ильича я видела перед отправкой на фронт. Это уж в девятнадцатом году. У нас полк организовали, и я в двенадцатой роте замыкающей была. А когда добровольцев из Москвы отправляли на фронт, перед нами выступал Владимир Ильич. Только я стояла далеко, впереди были ивановские ткачи, они потом всем полком к Чапаеву пошли. Но голос я его слышала, и мне все казалось, что вижу его глаза.

Дополняя рассказ...

КУДЫКИНА ГОРА

Из воспоминаний П. В. Анисимовой, обсужденных на совете ветеранов фабрики

Когда я была председателем казарменного комитета, к нам пришел председатель фабкома Вася Осин и рассказал женщинам о текущем моменте. Говорил, как проходит коллективизация. Жаловался, что тракторов у нас почти нет, а международный империализм продает тракторы только на золото. У государства его мало, а колхозам без тракторов — зарез.

— Вот такое у нас внутреннее и внешнее положение,— сказал Осин Вася.

Я сидела, думала-думала, а потом сбегала в каморку и принесла свой золотой медальон и бросила его на стол. После революции мы жили хорошо, пообзавелись. Моя соседка по каморке Васса Дубровская принесла золотой браслет. Тетя Настя и моя мать притащили по золотой монете — на похороны берегли. И — пошло. Кто часы, кто серьги, а все больше золотые крестики. Сдали мы золото, а через некоторое время нам сказали: купили трактор...

— Кому же его передали?

Этот вопрос обсуждался после репетиции хора ветеранов. Установили: купленный на средства рабочих трактор был передан в колхоз деревень Кудыкино и Гора.

Не из этих ли мест пошла поговорка «на кудыкину гору»?..

6. А ЖИЛИ МЫ ТАК...

...На фронте была в санитарной части, стала политруком госпиталя, замуж вышла. Муж питерский был, Тимохин, и я теперь Тимохина. После его смерти приехала я сюда, в старую каморку, к сестре.

— В той же казарме?

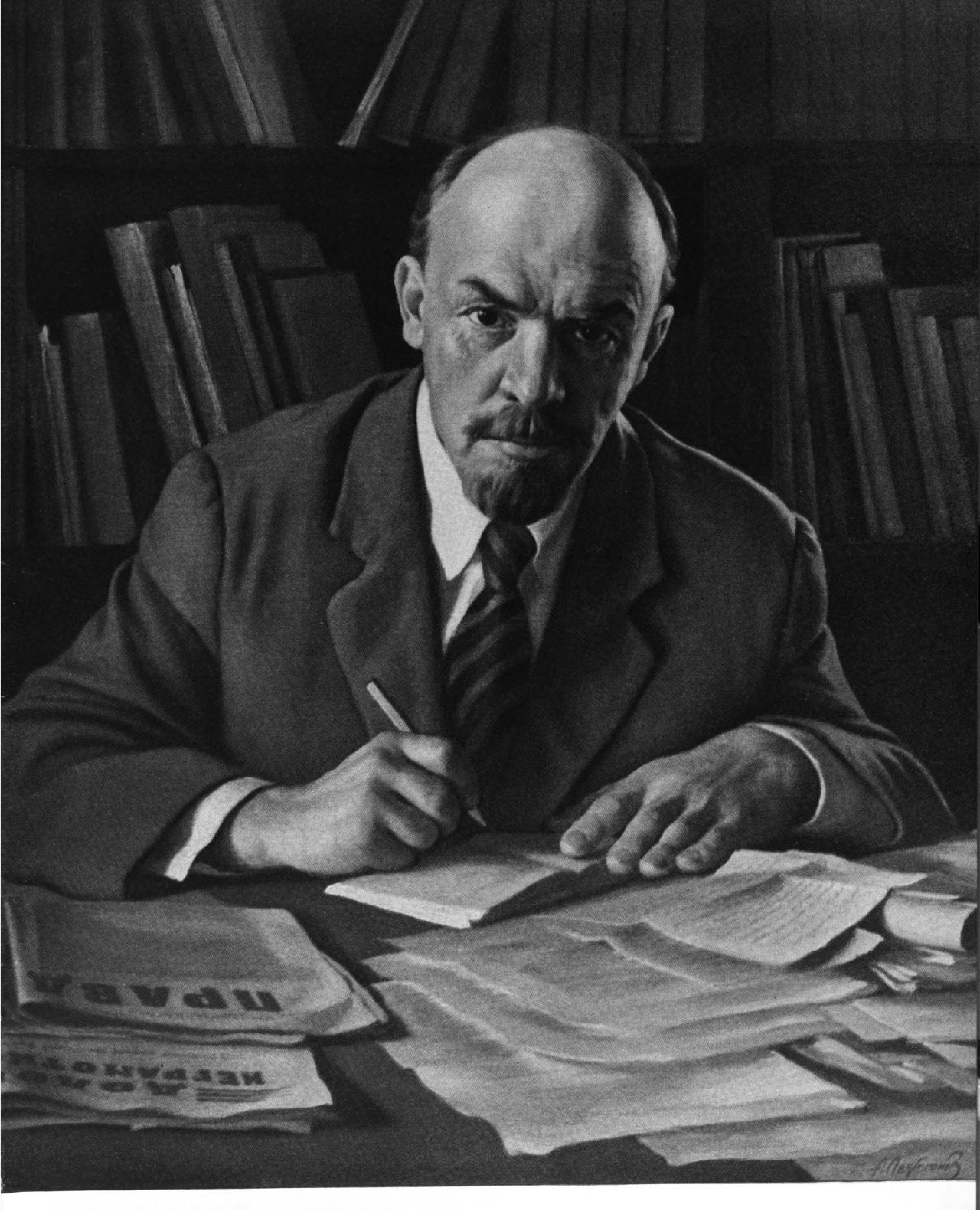
— Какие ж они казармы? Перестроенные. Газ, водопровод. А тут подружка у меня заболела. Сердце. И дочка у нее — тоже. ...Им квартира необходима. Пошла я к директору. Он спрашивает: «Что же ты, Прасковья Михайловна, о других заботишься? О себе,— говорит,— тоже подумать нужно». Ну, я разозлилась ужасно. «Я,— говорю,— ленинец. А Ленин как учил? Сначала о других позаботиться, а потом о себе». Он и замолчал.

— А квартиру?

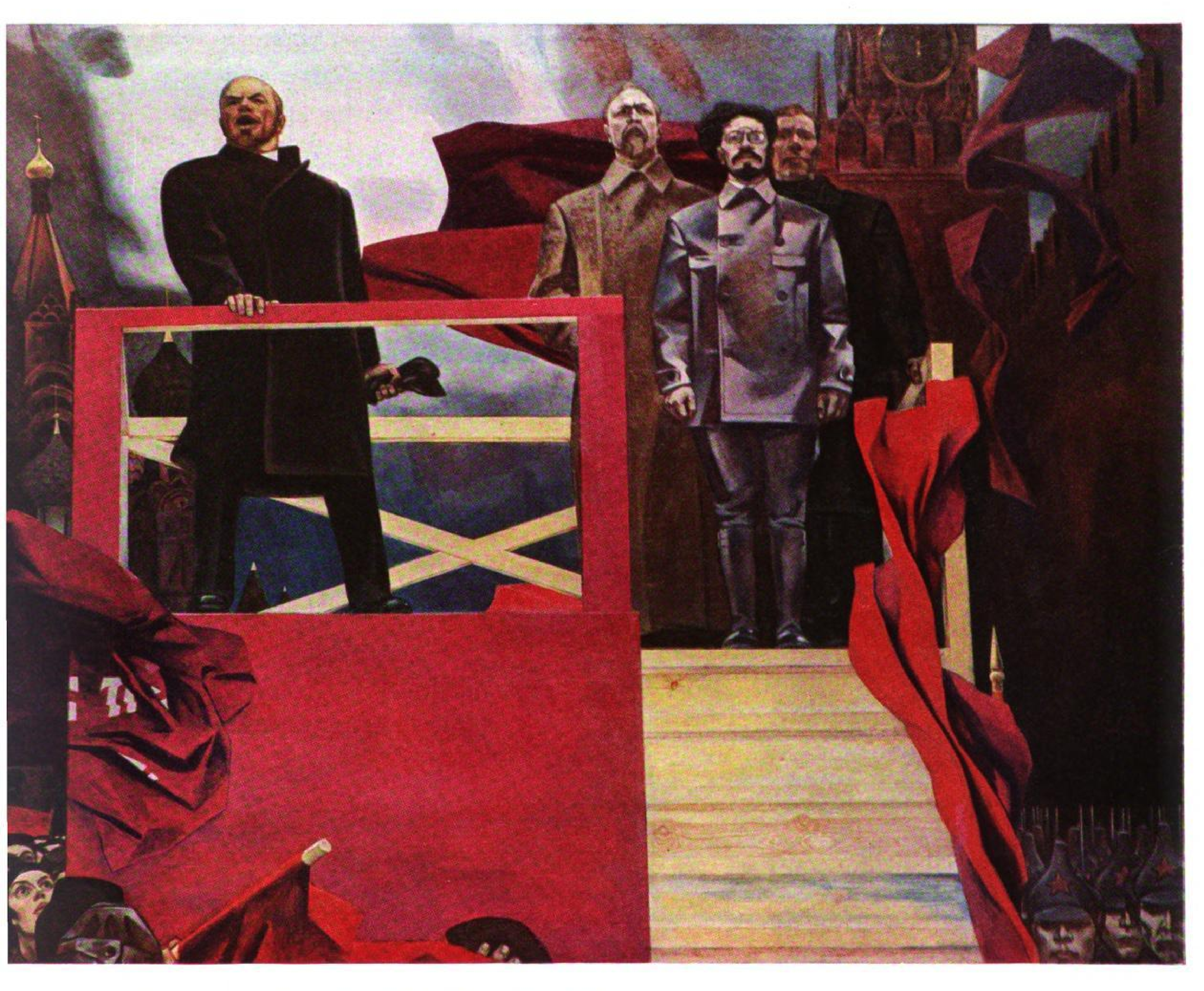
— Квартиру подружка получила — как же не получить, если ей нужно? А мне хлопотать вроде уж и неудобно. Да, может, и не нужно? Тут я людям нужна, и они мне нужны.

— Вы, конечно, член партии?

— Я-то? Нет... Просто ленинец.



А. Лактионов. В. И. ЛЕНИН ЗА РАБОТОЙ.



Г. Мосин, М. Брусиловский. ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ДОМ НАЗЫВАЛСЯ «ВЕСЕЛОЕ УТРО»



Татьяна ТЭСС Рассказ **Рисунок П. Караченцова.**

Была уже ночь, когда мы вышли из городского клуба в парк.

Это неверно, что в чужой стране самыми чужими кажутся города с незнакомыми улицами и домами, где идет неизвестная тебе человеческая жизнь. Самым чужим в чужой стране бывает ночное небо.

Каждый знает, наверное, то чувство, которое испытываешь, когда смотришь на ночное небо у себя дома, где-нибудь в украинской степи или на подмосковной просеке. Глянешь вверх, туда, где щурятся и мигают знакомые с детства звезды, рассыпанные в щедром и торжественном порядке по глубокой бархатной черноте, и тотчас же ощутишь блаженный, счастливый покой, будто укрыла тебя материнская рука.

Здесь же все было чужим: ночные влажные запахи, неясный вскрик птицы в черной листве, дьявольский свист несущихся машин с низко опущенными над дорогой фарами.

Но самым чужим, конечно, было небо. Звезды оказывались совсем не там, где их искала, выглядели они по-другому, и от этого все казалось неуютным и тревожным, будто в твоем доме чужой человек переставил по-своему все вещи на другое место.

Я стояла в парке перед зданием клуба, разглядывая звезды, когда кто-то коснулся в темноте моего локтя.

— Машина за углом,— сказал громкий хрипловатый голос, и рядом со мной выросла фигура плечистого человека в сдвинутой на затылок шляпе, с сигарой в зубах.— Я повезу вас сам, а жена поедет на своей машине. Джоан! — крикнул он.— Я уже забрал чемоданы нашей гостьи, она поедет со мной. Слышишь?

— Хорошо, дорогой...— протяжно ответила Джоан из темноты, и тотчас же в лицо нам ударил слепящий свет, какая-то машина выехала на дорогу и унеслась, мигая двумя рубиновыми точками задних фар.

— Когда за рулем мужчина, это куда спокойней,— сказал человек с сигарой и засмеялся.

— Вы так думаете? — ответила я сухо. Я тоже водила машину и терпеть не могла мужского хвастовства и намеков на то, что все женщины — плохие водители.

— Пошли,— сказал мой спутник и исчез во мраке, словно провалился в яму.

Я двинулась вслед за ним.

Мы только что закончили ужин в городском клубе, где собралось в тот вечер большое общество. Ужин был при свечах, клубные официанты, бесшумно двигаясь, наливали в бокалы вино и меняли тарелки; у дам независимо от возраста платья были с глубоким вырезом, отблеск свечей мерцал в нитках жемчуга и серьгах, придавая столу чинную парадность. Соседом моим по столу был общительный румяный джентльмен, оказавшийся владельцем местной газеты; он невероятно напоминал кого-то, давно знакомого по американским романам. Да и сам ужин с театральным мерцанием свечей, тяжеловатой мебелью, оживленной английской речью и всей атмосферой американского города, достаточно молодого, чтобы выглядеть современным, и недостаточно крупного, чтобы избавиться от провинциальности, создавал ощущение, что я смотрю какой-то американский фильм и все это проходит передо мной на экране. Самым странным было чувство, что я тоже участвую в этом фильме.

Человека с сигарой я приметила давно, да его и нельзя было не заметить даже в переполненном зале. Огромный, широкоплечий, с большим красным лицом, он говорил так громко, что голос его перекрывал ровный застольный гул, подобно трубе в оркестре. Еще в самом начале вечера он порядком набрался, а к концу ужина его лицо, и без того пунцовое, приобрело свекольный оттенок. Нас познакомили. Он назвал себя. Это был Арчибальд Бастер, один из «деловых людей» города. Когда подали кофе, ко мне подошла его жена Джоан, немолодая, но очень моложавая и стройная дама с норковым шарфом на обнаженных плечах. Она пригласила меня поехать после ужина к ним домой.

Было уже поздно, и я, сославшись на усталость, отказалась. Но Джоан настаивала.

— Зачем вам ехать в гостиницу? — сказала она низким протяжным голосом, щуря глаза.— Вы переночуете у нас, а завтра утром за вами заедут. Мне кажется, вам будет интересно увидеть настоящий старинный американский дом — в нем жил еще дед моего мужа. Наш дом называется «Веселое утро», он всего в пятидесяти милях отсюда...

Она легко коснулась моей руки тонкими пальцами, очень холодными для такого теплого вечера. Неожиданно для самой себя я согласилась.

И вот сейчас я шла по выложенной камнем тропинке плохо освещенного парка, гадая, куда скрылся Арчибальд Бастер. Неожиданно он снова появился рядом. Впереди блеснул лоснящийся бок большой длинной машины, стоящей под деревом.

— Вы не успеете и глазом моргнуть, как мы уже будем дома,— сказал Бастер и обдал меня сильным запахом виски.— Знаете, как называется наш дом?

— Знаю,— сказала я, садясь в машину.— «Веселое утро». Очень милое название.

Бастер захлопнул дверцу, и машина рванулась в теплую, влажную, густо пересыпанную звездами ночь.

Свет фар выхватывал из мрака дорогу — тускло отблескивающий нескончаемый поток, несущий на себе четыре ряда мчащихся машин. Снопы света стлались, подобно дыму, над дорогой, упираясь в пылающие рубиновые огни идущих впереди машин, и сколько мы ни обгоняли их, перед нами продолжали багрово светиться другие огни, словно вся ночь была наполнена этими рубиновыми светляками, притягивающими взгляд с гипнотической силой. Слева, за темной стеной деревьев, двигался встречный поток. По тревожному мощному гулу да по скользящему над листвой зареву можно было догадаться, что и там машины мчатся с такой же сумасшедшей быстротой. И опять мне показалось, что все это: чужая звездная ночь, летящие во мраке машины, сидящий за рулем подвыпивший человек с сигарой в зубах,— все это почти нереально, как сон или как всплывшая в памяти и вдруг увиденная наяву страница книги.

— Давайте поговорим о чем-нибудь веселом,— сказал Бастер, не выпуская изо рта сигары.— Только, пожалуйста, не пропагандируйте меня! У меня дома есть телевизор, и, кроме того, я каждый день слушаю радио. Так что с меня пропаганды хватает. Это я говорю вам на всякий случай.

— Вы в самом деле думаете, что я села к вам в машину специально, чтобы вас пропагандировать? — удивилась я.

— Вы, русские, странный народ. Вы не можете минуты прожить без политики. Я это отлично знаю.

— Из радиопередач, которые слушаете каждый день?

— Вот видите, вы уже начали меня пропагандировать! — сказал он запальчиво.— Что я говорил? Так вот, я вам лучше выложу сразу: я политикой не интересуюсь. Вы там как хотите, а я политикой не интересуюсь. Понятно?

— Понятно,— сказала я.

Несколько минут мы ехали молча. Бастер прибавил скорость, машина вышла в левый ряд

и обогнала идущие рядом автомобили с такой легкостью, словно они стояли на месте.

— А в общем, все люди одинаковы,— неожиданно сказал Бастер.— Надо только немножко их поскрести, вроде бы снять верхний слой. И увидишь, что внутри они одинаковы. Каждый хочет иметь деньги, машину, свой дом, сбережения на старость. И еще оставить небольшой капитал детям. Вот и все. И вы не докажете мне, что это не так.

— Я и не собираюсь доказывать,— сказала я, и он удивленно на меня покосился.— Люди действительно похожи друг на друга. У каждого человека, к примеру, две ноги. Я надеюсь, что и у меня останутся обе ноги в целости, когда мы наконец доберемся до вашего дома...

Бастер сердито фыркнул, но промолчал. По свисту и плотности ветра я поняла, что мы едем еще быстрей. Сейчас впереди нас не было ни одной машины и лишь где-то вдалеке таинственно и тревожно пылали несущиеся с безумной скоростью рубиновые огоньки.

— У каждого человека две руки и два глаза,— продолжала я.—И у каждого—одно сердце. В этой части вы совершенно правы. Но вот то, что в сердце,— это у каждого уже разное.

— Э-э, для меня это слишком сложно!— буркнул он. Пепел его сигары упал на мои колени, я осторожно его стряхнула.— Сожалею,— извинился Бастер мрачно.

Мы продолжали мчаться в темноту.

— Все равно вы меня не убедите,— сказал Бастер и выплюнул сигару в окно.— Но я не хочу с вами спорить. Я уже вам сказал: меня не интересует политика. Меня интересуют только две вещи: моя работа и мое хобби.

— Какое у вас хобби?

— Я собираю чучела птиц. И, кроме того, увлекаюсь верховыми лошадьми. У меня неплохая конюшня.

— Сколько у вас лошадей?

— Восемь.

— А чучел?

— Больше двухсот. И среди них есть очень редкие,— добавил он с гордостью.

Опять наступила пауза.

— А какая у вас работа?

— Я вице-президент компании. У нас большие плантации табака. Моя специальность — вопросы труда и найма. Непростое занятие, как вы понимаете, все время надо иметь дело с рабочими. Если промахнешься, у фирмы могут быть убытки. Работать приходится много: я встаю каждый день в шесть утра, чтобы в восемь уже быть в оффисе. Вот как. Забот у меня хватает. И меня совершенно не занимает то, что находится за порогом моей фирмы или моего дома. Будущее меня не интересует. Я живу настоящим. Только настоящее меня интересует. Я ясно выразился?

— Абсолютно ясно.

Мы опять помолчали.

— После всего, что я услыхала, мне бы хотелось задать вам вопрос,— сказала я.— Вы разрешите?

— Сделайте милость! Какой вопрос?

— У вас есть дети?

Бастер ничего не ответил. По тому, как меня прижало к дверце, я поняла, что машина, не сбавляя скорости, свернула с автострады. Сейчас мы мчались по обсаженной высокими деревьями дороге, словно по зеленому тоннелю, наполненному влажной, оранжерейной духотой.

— Вот и наш дом!—громко сказал Бастер.— Вы знаете, как он называется?

— Знаю,— ответила я, вздохнув.— «Веселое утро». Очень милое название.

Перед нами в темноте смутно виднелся большой дом. Ни в одном окне не горел огонь, и от этого казалось, что в доме никто не живет. С железной резкостью заскрипел под колесами гравий, машина остановилась у входной двери с плоским навесом, украшенным старинным чугунным литьем. Бастер прошел вперед, я услышала щелчок выключателя, над дверью ярко вспыхнул висящий на крюке стрельчатый фонарь. Пока хозяин дома открывал замок, позади снова заскрипел гравий, и прямо на нас уставились желтые глаза фар.

— Это Джоан,— сказал Бастер и, не оборачиваясь, прошел в дом.— Входите, я зажгу свет.

Тотчас же, один за другим, во всех окнах вспыхнули огни; дом осветился, словно новогодняя елка. Вслед за хозяином прошла и я.

Это был большой дом с множеством комнат, обставленных удобной, старомодной мебелью, и с узенькой передней вместо обязательного американского холла. Из передней деревянная лестница с натертыми воском ступенями вела на второй этаж. Что-то южное померещилось мне здесь, словно мы приехали куда-то в южные штаты. Так и казалось, что навстречу выйдет дядя Том или добродушная черная тетя Хлоя в пышном белом чепце... Воздух в комнатах был теплым и душным, как бывает тогда, когда хозяева оставляют дом запертым на целый день. Бастер помог мне снять пальто и бросил его на длинный, стоящий в передней ларь. Хлопнула входная дверь, в дом вошла Джоан.

Она стояла посреди передней, снимая перчатки, высокая, элегантная, в маленькой шляпке; норковый шарф, свободно висящий на сги-



бе ее руки, блестел, освещенный стенными бра. У нее было тонкое, немного усталое лицо и большие светлые глаза. Она улыбнулась мне.

— Вот мы и дома,— сказала она своим низким протяжным голосом.— Надеюсь, вы не очень устали после путешествия с моим мужем?

— Сожалею, но я должен вас оставить,— буркнул Бастер.— Мне вставать в шесть утра. Джоан займет вас. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, дорогой,— сказала Джоан не глядя.

Он скрылся где-то в глубине дома, и вскоре послышался шум льющейся в ванну воды.

Вместе с хозяйкой мы прошли в гостиную.

Это была просторная комната с камином; на стенах висели семейные портреты, по углам стояли на подставках чучела птиц. Птицы были разные: от знакомой насмешницы сойки до странной сутулой птицы с тяжелым телом и короткими крыльями, какую я до той поры никогда не видела. На круглом столе возвышалась бронзовая старинная лампа, возле камина стояли глубокие низкие кресла.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила Джоан с привычной любезностью хозяйки большого дома.— Виски? Шерри? Джин?

Я попросила апельсинового сока. Джоан налила себе шерри из толстой бутылки. Мы уселись в стоящие перед камином кресла. Вечернее платье, которое было на Джоан, казалось до того простым, что это могла себе позволить только очень богатая женщина и очень дорогой портной.

Наступила пауза.

Я смотрела на сидящую передо мной красивую женщину с бокалом в узкой руке и старалась понять, что может ее интересовать. О чем мы будем беседовать? Что рассказать ей, о чем спросить? Было поздно, я устала после длинного дня. Да и хозяйка моя выглядела утомленной: под глазами ее темнели круги...

— Славный вечер был в клубе, не правда ли? — сказала я, чтобы прервать молчание, и Джоан задумчиво кивнула головой.

— О да,— сказала она.— Чудесный вечер. Я получила большое удовольствие.

За дверью послышались тяжелые шаги,— очевидно, Арчибальд Бастер прошествовал из ванной в свою спальню. Я подумала, что самое время идти спать и мне. Допив сок, я поставила бокал на стол и открыла было рот, чтобы пожелать хозяйке спокойной ночи. Но в глазах Джоан мелькнула тревожная тень, и я промолчала. Мне показалось, что она не хочет, чтобы я уходила.

— Вы были в городской картинной галерее? — быстро спросила она.— Неплохое собрание картин, не правда ли?

Мы поговорили о картинах, о последнем фильме с Элизабет Тэйлор, о городской школе, в которой я накануне побывала, о моем соседе по столу... Всего этого хватило минут на пятнадцать. Я снова пошевелилась, собираясь встать с кресла. И опять выражение лица Джоан меня остановило.

— Расскажите о ваших детях,— попросила я.

— О! — Джоан сразу оживилась.— У нас взрослые дети, они давно покинули дом. Но на рождество и в День благодарения они обязательно приезжают к нам. Тогда в доме становится так же шумно и весело, как бывало, когда мы все жили вместе. Я люблю этот шум, беготню, предпраздничные хлопоты... Почему-то мне всегда кажется в такие дни, что произойдет чудо. У меня уже внуки, знаете...

Легко поднявшись, она пошла в соседнюю комнату. Чучело незнакомой птицы уставилось на меня из угла хитрыми пластмассовыми глазами. Бесшумно появилась розовая сиамская кошка с черным треугольником на выпуклом лбу. В доме витала ночная тишина.

Борясь со сном, я стала разглядывать гостиную.

На камине стояла чья-то большая фотография. Веселое лицо юноши глянуло на меня из ореховой рамки, зачесанные назад темные волосы блестели, глаза смеялись, в твердом по-мужски подбородке круглилась ребяческая ямочка... Я не успела как следует рассмотреть фотографию, когда вернулась Джоан, держа в руках тяжелый кожаный альбом.

Усевшись со мной рядом, она открыла альбом, и чужая жизнь хлынула на меня с его страниц. Пухлые, насупленные бэби, чинные мальчики, одетые, как взрослые, и старые дамы, одетые, как молодые; хорошенькая, похожая на Джоан блондинка в белой вуали с букетом цветов в руках—очевидно, дочь Джоан в день свадьбы; та же блондинка с малышом на коленях; сам Бастер в костюме для гольфа; та же блондинка с двумя маленькими детьми, сидящими рядом с нею в голубой машине... Джоан медленно переворачивала страницы, и мы уходили с нею все дальше, уходили в то всегда удивительное путешествие по миру воспоминаний, где милые призраки встречают тебя такими, какими ты оставил их когда-то. Ибо в памяти сердца никто никогда не стареет и не умирает.

Я искала среди фотографий юношу, лицо которого смотрело на нас из стоящей на камине ореховой рамки. Но его в альбоме не было. Или, может быть, я не узнала его в одном из многочисленных, рассеянных по всему альбому бэби с перевязочками на пухлых ручках и маленькими блестящими, воробьиными глазками, пытливо уставившимися в незнакомый мир?

Я только хотела спросить о нем Джоан, как она открыла другой альбом. И опять замелькали передо мною неизвестные респектабельные джентльмены, чужие дети, чужие внуки, снятые на берегу залива с неправдоподобно синей, как чернила, неподвижной, литой водой... Наконец Джоан медленно, словно с сожалением, захлопнула альбом, и тотчас же я услыхала, как где-то в глубине дома осторожно и печально зазвенел сверчок.

— А кто это? — спросила я и показала на портрет в ореховой рамке.

Джоан не ответила.

— Чья это фотография? — повторила я и подошла к камину.— Какое славное лицо...

— Это Джеффри, мой сын,— сказала Джоан, и я не узнала ее голоса. Протяжная певучесть его исчезла, он звучал глухо, однотонно и тускло, как бывает у человека, говорящего во сне. Я с изумлением на нее посмотрела, но Джоан глядела в сторону.— Мой младший сын,— сказала она все тем же странным, потухшим голосом.

— Он совсем молод. Наверное, еще учится в колледже? — спросила я неловко, стараясь сообразить, что будет лучше: продолжить этот разговор или попытаться найти другую тему.

— Он убит в прошлом году,— сказала Джоан.

Она встала и подошла к камину.

— Понимаете,— сказала она хрипло.— Арчибальд хотел, чтобы сын стал его помощником в компании, и Джеффри начал работать вместе с отцом. И вдруг ему не дали отсрочки...— Она на секунду прикрыла глаза рукой, потом посмотрела на меня. Зрачки ее расширились, светлые глаза стали темными, почти черными.— Боже мой, как страшно всем нам не повезло! — сказала она с отчаянием.— Когда мальчика призвали в армию, мы решили, что он поступит в школу военных летчиков. Мне казалось, понимаете, что воевать в воздухе все-таки лучше, чем сидеть по колено в воде в этих страшных джунглях и болотах, где всюду подстерегает смерть. Он был убит во Вьетнаме во время первого вылета.

Она вздохнула глубоко и прерывисто. И я опять услыхала, как в глубине дома уютно затрещал сверчок.

— Я даже не знаю, где он похоронен,—шепотом произнесла Джоан.— Он лежит в чужой земле, на его могиле чужая трава. Господи, он совсем один! И эти ужасные тропические ливни, которые идут там день и ночь... Когда здесь дожди, я чувствую, что схожу с ума. Я все представляю, как хлещет дождь по этому бедному холму, по желтой мертвой земле...

Она прижала обе руки к груди, лицо ее было неподвижно, словно окаменело. Вечернее платье с глубоким вырезом, жемчуг на шее, сверкающие камни в ушах — все это сейчас выглядело на ней до странности чужим, словно театральный костюм на актрисе, который та забыла снять после конца спектакля.

— Я помню все так, будто это случилось вчера,— сказала она медленно и задумчиво, и мне показалось, что она говорит это не мне, а повторяет слова, которые говорила самой себе много раз.— Как будто это случилось вчера. Эти страшные слова: «Погиб смертью героя». Господи, он не был героем. Как он мог быть героем, бедный мой мальчик? Разве он защищал мать, или сестер, или Америку? Его просто послали умирать. И он был убит. Убит на чужой земле в первый же день. Все, моего сына больше нет.— Губы ее задрожали.— В военных сводках подсчитано, сколько молодых американцев погибло во Вьетнаме. Получается очень малый процент, совсем ничтожный процент. Будь они прокляты с их процентами. Для каждой матери сын — это ее жизнь, сто процентов ее жизни. Будь они прокляты с их утешением.— Она заплакала.

Где-то далеко, на темной ночной автостраде, с урчанием пронеслась поздняя машина.

Я сделала шаг, чтобы отойти от камина, и Джоан быстро повернулась ко мне.

— Не знаю, как получилось, что я вам все это рассказала.— Она вытерла глаза платком, обшитым кружевами.— Я не должна была этого делать. К тому же вы, наверное, очень устали. Но, может быть, вы еще немножко посидите? — Она попыталась улыбнуться.— Сейчас не так поздно... Может быть, хотите чего-нибудь выпить? Виски? Шерри? Джин? — Она опять заплакала.

Была уже глубокая ночь, когда я наконец простилась с Джоан и пошла в отведенную мне комнату. Сняв туфли, в одних чулках, я стала подниматься наверх по узкой деревянной лестнице; ступени поскрипывали под моими ногами. Большой дом был наполнен маленькими ночными звуками: тиканьем часов, воздушным звоном падающих в ванной капель, редким, слабым потрескиванием дерева... Сверху я увидела, как прошла по коридору в свою спальню Джоан, неестественно прямая, с окаменевшим лицом, точно призрак в вечернем платье. Послышался скрип захлопнувшейся двери. И снова с волшебным музыкальным звоном закапала в ванной вода.

Моя спальня оказалась небольшой квадратной комнатой с двумя окнами. Окна были распахнуты настежь, и прямо на меня с громадного неба смотрела холодная звезда. Слева возвышалась старинная высокая кровать с витыми деревянными колонками и стопкой положенных друг на друга тонких шерстяных одеял, заправленных на ночь конвертом. Свежие блестящие простыни пахнули лавандой. Кровать была очень большой, она занимала добрую треть комнаты. Я села на нее — ноги уже меня не держали,— и она мягко подалась, почти поплыла, словно лодка.

Так я сидела довольно долго, раздумывая над всем, что увидела и услышала в эту странную, бесконечно длившуюся ночь. Потом начала разглядывать комнату и все, что в ней находилось.

Прежде всего я увидела боксерские перчатки.

Они висели на гвоздике над дверью — коричневые, чуть примятые перчатки для боксера легкого веса. В комнате, как бывает обычно в американских спальнях, мебели стояло немного. У окошка виднелось ковровое кресло-качалка, рядом — столик, на котором лежал журнал в яркой обложке с загнутыми, пожелтевшими, словно обожженными, углами страниц. На стене висел портрет какого-то улыбающегося сенатора со старой предвыборной надписью: «Мне нравится Фрэнк!» Дальше я увидела фотографию, снятую, вероятно, на пикнике: компания белозубых парней в шортах и хорошеньких смешливых девушек в узких, как у гимнасток, брючках, сидела на поваленном у озера дереве. Потолок в комнате был скошен, словно в мансарде, в углу стоял деревянный сундучок: в таких сундучках часто хранят коньки, лыжные свитера или мячи для баскетбола.

Комната была непохожа на безличную, часто пустующую спальню, предназначенную только для гостей: она хранила отпечаток чьей-то жизни. И вдруг я поняла, кому принадлежала эта комната.

В ней жил раньше Джеффри. Это была его комната. В ней жил раньше Джеффри, младший сын Джоан.

Мысль эта настолько меня ошеломила, что я позабыла о сне. Вскочив с кровати, я подошла к окну. Внизу чернели кроны деревьев, слабо покачиваясь от ветра. По тропинке,

блеснув глазами, прошла кошка. В листве сонно заворочалась птица. А я все сидела на подоконнике и смотрела в темноту.

Когда я наконец легла, начало светать.

Проснувшись, я услыхала внизу голоса.

Перегнувшись через перила, я увидела переднюю, наполненную солнцем. На крючке висел плащ и уже знакомая мне измятая шляпа: очевидно, хозяин дома еще не уехал.

Попятившись, я вернулась назад и открыла дверь в ванную. Там висели на фаянсовых крючках сиреневые, розовые и желтые полотенца, пушистые, точно взбитые белки, а в углу голубел облачно невесомый купальный халат.

Наконец я услышала, как прогремели внизу быстрые шаги и хлопнула входная дверь. Из окна была видна стоящая у крыльца большая серая машина: она выехала сквозь ворота на дорогу и тотчас же скрылась.

Когда я спустилась вниз, Джоан, одетая в элегантный утренний туалет, сидела одна за столом и кушала ложечкой сваренные всмятку яйца, выпущенные в круглую чашку. Умело положенная косметика сделала ее лицо свежим, но веки были красными и припухшими. Граненая ложечка чуть вздрагивала в ее руке.

— Надеюсь, вы хорошо спали? Вам кофе или чай? — сказала Джоан приветливо.— Если хотите, после завтрака я покажу вам нашу усадьбу...

Теплое утро было ослепительно. Пройдя по аллее, мы вошли в большую конюшню. В денниках стояли восемь лошадей, одна краше другой. Переступая на тонких, породистых ногах, они беспокойно и нежно вытягивали узкие головы. Пол конюшни был чист, как в бальном зале. Возле каждой лошади висели умывальник и полотенце.

— Это лошади моего мужа,— сказала Джоан равнодушно, и мы вышли.

Через сад она повела меня к стоящему в глубине флигелю и открыла дверь. Запахло свежим деревом, перьями и еще каким-то незнакомым запахом. Весь флигель был заполнен чучелами птиц: птицы сидели на подоконниках, на столах, висели на обрубленных ветках, крепко вонзив в дерево мертвые когти.

— Это чучела, которые собирает мой муж,— не глядя сказала Джоан.

Садовник в кожаном жилете подстригал газон, он катил впереди себя маленькую красную косилку, точно детскую коляску. На лужайке цвели желтые розы. Другой садовник окапывал яблони.

— Я прошу Арчибальда, чтобы мы уехали отсюда,— сказала Джоан горестно.— Зачем нам этот огромный старый дом, эти пустые комнаты? Ведь нас только двое. Если не считать призраков,— добавила она чуть слышно.

— Доброе утро! — сказал садовник, выпрямившись, и Джоан кивнула головой.

— Но Арчибальд не хочет,— произнесла она медленно.— Он родился в этом доме, здесь родились его отец и сын. Он не позволяет мне уехать отсюда.— Она отвернулась.

На дороге у ворот смирно стоял маленький «форд»,— это приехали за мною друзья.

— Как поживаете?—закричали они хором, и я обрадовалась, увидев их веселые, загорелые лица. Спустя полчаса я уже сидела рядом с ними на переднем сиденье машины, где мы уместились все втроем, точно на одной парте.

В роще изо всех сил пели птицы. Быстрые облака плыли по небу. Шумно разговаривая, мы ехали по залитой солнцем дороге.

Сзади послышался грозный приближающийся свист, словно летел снаряд. И тотчас же длинный синий «шевроле» обогнал нас.

За рулем сидела Джоан в маленькой шляпке и собольем кашне.

Она гнала машину, словно торопилась как можно скорей оставить позади все: красивый подстриженный сад, чучела мертвых птиц, пустые комнаты, дом, который назывался «Веселое утро»,— пустой холодный дом, где она жила вдвоем со своим горем, рядом с грубым и жестоким человеком.

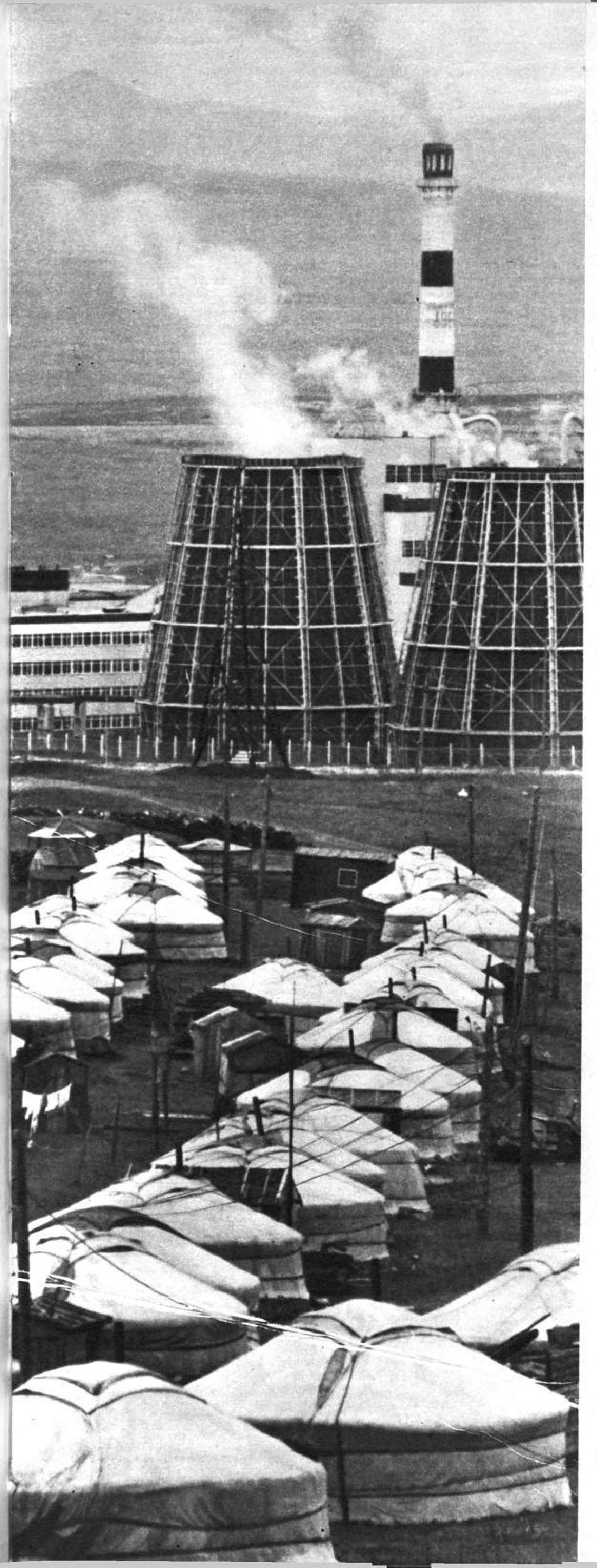
Джоан помахала мне из машины рукой, и «шевроле» быстро превратился в туманную темную точку вдали.

Потом исчезла и точка.



Сергей ВАСИЛЬЕВ

Студеное ясное утро
охватывает Москву.
Зайчики раннего солнца
играют в моем окне.
В заводях чистых стекол
плавают облака.
На подоконнике белом
благоухают цветы.
На ближнем колхозном рынке
я их купил вчера
и на окно поставил
головками на восход.
Итак, нынче день Свободы,
день Октября, который
пожаловал к нам в столицу
в сорок девятый раз!
Почти пронеслось полвека
с той огневой поры,
когда моряки «Авроры»
пламенным языком
с царскими холуями
начали разговор.
Старого мира ноги
тогда подкосились так,
что, сколько он ни пытался,
выпрямиться не смог.
Реки, леса и пашни,
шахты и рудники,
фабрики и заводы,
пристани и дворцы —
все это оказалось
в сильных руках творцов.
Собственностью народа
стал капитал страны.
Умноженный многократно,
вырос по-великаньи,
вес приобрел достойный
сил золотой запас.
Сколько чудес бессчетных—
домен, садов, плотин —
создал раскрепощенный
честный артельный труд!
Сколько заботы, света,
дружбы, тепла, добра
вокруг увидали люди
в милом своем краю!
Какие прорыты каналы,
какие открыты пути
на суше, на море, в тучах,
в космической глубине!
Искренностью, приветом,
песнями и стихами,
музыкой и весельем
встречаем мы день Октября.
И вот подоспело время,
выпало снова счастье
встречать всенародный праздник
в сорок девятый раз.
...Все мне видать отсюда,
с высокого этажа.
Вся Москва на ладони —
слушай, гляди, внимай!
Вижу я, как знамена
трогает ветерок,
слышу, оркестров трубы
пробуют голоса.
Дробный шаг барабана
властвует где-то рядом —
это идут пионеры,
вставшие на заре.
Раньше других решила
школьная детвора
двинуться к месту сбора,
взрослым подать пример.
Вот грузовик проехал —
лозунги на бортах,
весь радиатор в лентах,
в серьгах живой хвои.
В кузове — пирамиды
фруктов, конфет, печенья,
множество всяких яств.
...Как хороша столица
в утренний ранний час!
Всюду — порядок, чинность
строгость и чистота.
Трепетно и тревожно,
словно перед дождем,
перед началом ливня,
перед разрядом туч.
Скоро наступит время —
рухнут покой и тишь.
Хлынут рекой широкой
шумные москвичи.
По светлым аллеям улиц,
по молодым мостам,
мимо высотных зданий
хлынет людской поток.
В новых цветных одеждах,
словно кусты рябин,
словно войска пионов,
люди пойдут к Кремлю.
На тысячах транспарантов
вспыхнут три буквы: «Мир!»
— Мир!— подтвердят гармони,
— Мир!— заключат уста.
Солнечный, громкий, юный
возглас людей труда
примет в свои объятья
Ленинский мавзолей.
...Однако я замечтался.
Довольно стоять у окна,
пора уже собираться,
колонна не будет ждать.
Почетно правофланговым
шагать под багряным флагом
свежему ветру навстречу
с друзьями в одном ряду.



КОГДА ЕДИНАЯ ЦЕЛЬ

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Это замечаешь уже на пороге Монголии, в Улан-Баторском аэропорту. Даже не нужно быть особенно наблюдательным, чтобы уловить нечто необычное в толпе встречающих и через минуту понять: необычна она своей разноязыкостью.

«Вероятно, туристы»,— подумал я и ошибся. Через час в гостинице я убедился, что среди прибывших тем же самолетом туристов нет: все приехали по делам. Днем позже я отметил еще одну особенность: связующим языком почти для всех иностранцев здесь служит русский.

Тесные узы дружбы связывают наши страны в течение многих лет. С того самого памятного лета 1921 года, когда Советская Россия помогла монгольскому народу разгромить белогвардейские банды и закрепить завоевания революции. А осенью представители монгольского народного правительства во главе с Сухэ-Батором приехали в Москву, где 5 ноября 1921 года было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией.

Дарханская ТЭЦ — энергетическая база нового промышленного района.

Этим соглашением между нашими странами устанавливались и дипломатические отношения. И еще одно историческое событие произошло в этот день: беседа посланцев Монголии с В. И. Лениным, в которой Ленин широко развил идею возможности и необходимости некапиталистического развития МНР. Монгольский народ свято чтит память об этой встрече. Во время поездки по стране где-то в степи мы зашли утолить жажду в первую же встретившуюся юрту чабана. И там я увидел в красном углу (есть и такой в юрте, хотя она и круглая!) большую рамку, где под стеклом рядом с семейными фотографиями бережно хранятся портреты Ленина и Сухэ-Батора.

А в Улан-Баторском историческом музее экскурсовод Ундрах показала мне первый портрет Ленина, написанный в Монголии. Автор его — удивительно тонкий художник Марзан-Шарав, сочетавший в своем творчестве старинные традиции и современную реалистическую манеру живописи. Рассказывала Ундрах по-русски, хотя это было ей еще трудновато.

— Все собранное в этом музее сделано искусными руками нашего народа. Кто не хранит прошлое,

тот потеряет мудрость — так говорили еще в старину. Первый храм из семи в нашем музее — храм мудрости. Видите, надпись у входа сделана на разных языках. Подразумевалось, что любой пришедший сюда прочтет эту надпись. Может быть, этого и хватало для храма, а музею мало. Почитайте записи в книге отзывов, и вы насчитаете там языков в несколько раз больше. В Дархане вы еще не были? Обязательно поезжайте, увидите много интересного...

Дархан одни переводят словом «мастер», другие — «кузница». И то и другое правильно, как правильно и то, что Дархан един в трех лицах: старый, новый и промышленный. Первый соединен со вторым широкими асфальтовыми лентами шоссе, где одностороннее движение, и стоят такие же светильники, как в Москве на Кутузовском проспекте. Второй отделен от третьего горой, что отнюдь не случайно. Впрочем, старый Дархан — это тоже молодой поселок. Здесь мощная промбаза — заводы железобетонных конструкций, деревообрабатывающий, ремонтно-механические мастерские, автобаза. Это стартовая площадка строящегося индустриального центра. Новый Дархан — это жилой город, точнее, пока еще первый микрорайон, первый из семнадцати. Гора, отделяющая его от промышленного района, берет на себя роль барьера, преграждающего путь дыму и производственной пыли. Предприятий здесь пока три: ТЭЦ, построенная с помощью Советского Союза, только что сданный польскими специалистами завод силикатного кирпича и, наконец, еще строящийся под руководством и при участии специалистов из Чехословакии цементный завод.

Это лишь начало. Все строительство ведется в перспективе на дальнейшее расширение, потому что близко есть и железо, и медь, и известняк, и уголь. Рядом трансмонгольская железная дорога. Словом, Дархан весь в будущем.

На каждом участке ТЭЦ работают с дублерами. Это монгольские товарищи перенимают опыт у советских специалистов. А построили и пустили ТЭЦ бывалые энергетики — уральцы, сибиряки, белорусы, литовцы...

У главного пульта два дежурных инженера: ленинградец Борис Николаевич Бырин и его дублер Содномпил, получивший диплом инженера в Монгольском государственном университете. Здесь же и начальник смены электроцеха Сергей Петрович Андреюшин со своим дублером Сандагдоржем.

Они рассказывают мне, что третья смена на этом ответственнейшем участке работает уже без дублеров, она целиком из монгольских специалистов, полностью овладевших управлением станцией и подачей энергии. Потребителей пока двое, не считая самого Дархана: это город Сухэ-Батор, только что соединенный с Дарханом линией электропередач, и Шарынгольский угольный разрез.

И ТЭЦ и угольный разрез — ровесники, они вступили в строй в прошлом году. Про них можно сказать, что они друг без друга жить не могут, ибо один питает другого. Уголь на Шарын-голе лежит на поверхности и добывается открытым способом. Разработка его начата также с помощью советских специалистов. Многие из них уже уехали домой, а часть пока осталась. Поэтому часто можно видеть, как русский парень грузит экскаватором уголь в могучие самосвалы, водят которые монгольские шоферы.

И еще несколько слов о Дархане. Там можно встретить венгров—они будут строить мясокомбинат; болгар — они создадут в этом районе плодоовощной и ягодный госхоз, первый в стране. Сейчас разрабатывается проект. В дальнейшем при госхозе будет консервный завод. Кроме этого, Болгария помогает строить мясокомбинат в городе Чойбалсане — также новом промышленном районе страны, и ряд других предприятий. Специалисты из ГДР руководят реконструкцией мясокомбината в Улан-Баторе, а бригада союза немецкой молодежи строит профессиональное училище, которое будет готовить электриков, тек-



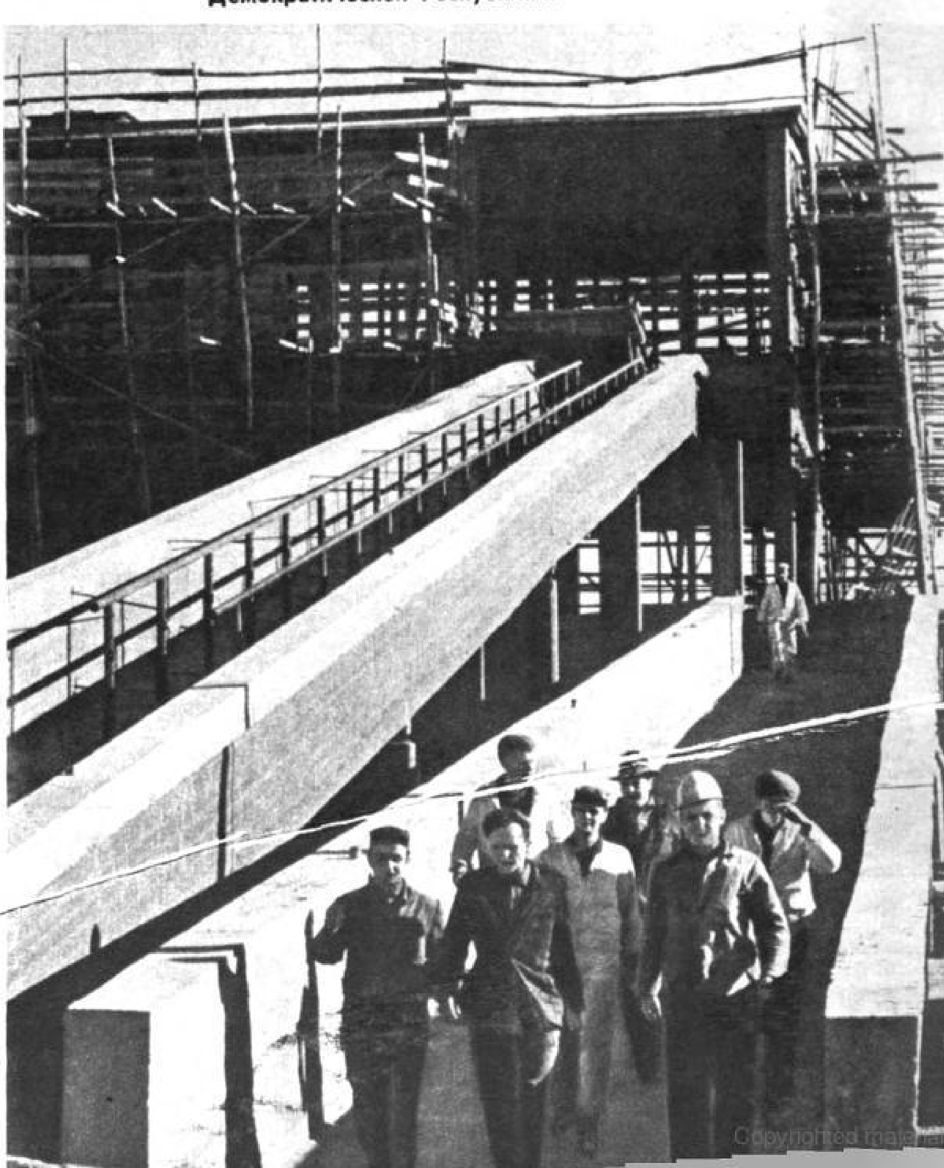
Третий год работают на строительстве цементного завода плотники из Праги Рихард Шебанек и Ян Чурей.



Провожают домой студентов-строителей из Польши и Венгрии.

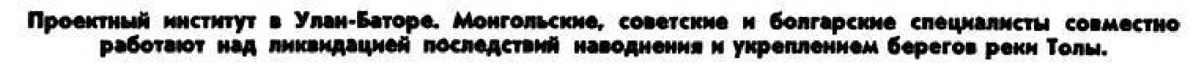


Мясокомбинат в Улан-Баторе строят специалисты из Германской Демократической Республики.





У главного пульта дежурные инженеры Б. Н. Бырин и Содномпил.



Проектный институт в Улан-Баторе. Монгольские, советские и болгарские специалисты совместно работают над ликвидацией последствий наводнения и укреплением берегов реки Толы.



стильщиков, кожевников, обувщиков...

С особым нетерпением ждут сейчас в Монголии завершения строительства Улан-Баторского телецентра. Он возводится на окраине города москвичами. Вместе с русскими рабочими здесь бок о бок работают монгольские товарищи — крановщики и бетонщики, монтажники и слесари, обучавшиеся в Советском Союзе. А около сорока монгольских специалистов сейчас проходят стажировку на Московском и Ленинградском телецентрах. Им предстоит вместе со своими советскими коллегами вести монтаж и наладку аппаратуры, чтобы в будущем году телецентр начал передачи.

А вслед за тем через радиорелейные линии Улан-Батор соединится с Дарханом и Сухэ-Батором, и далее через Улан-Удэ сможет со временем смотреть московские передачи, а через Москву и Интервидение — всю Европу.

По всей стране разъехались участники объединенной монгольско - советско - польско - немецко-болгарско-венгерско - чехословацкой ветеринарной экспедиции. Идет научно-исследовательская и профилактическая работа. Это действуют соглашения СЭВа.

Молодежь социалистических стран строит в Улан-Баторе детский парк. Это уже без соглашения — по зову сердца. И нужно сказать, что такого большого детского парка в Европе не увидишь. Ни по количеству аттракционов, ни по богатству выдумки при устройстве различных развлечений для ребятишек. Парк еще не закончен. Часть аттракционов пока в упаковке, еще расти и расти деревьям и кустам, но это уже излюбленное место улан-баторских детей, да и взрослых. Площадь парка — сорок семь гектаров.

...Так уж исторически сложилось, что второй страной после России, вступившей на путь строительства социализма, оказалась Монголия. Ей предстояло совершить гигантскую работу: минуя целую общественную формацию, от феодализма прийти к социализму. Скачком, основанным на одних лозунгах, нельзя было совершить такого чуда. Помог опыт друзей, их большая, бескорыстная помощь. За первым договором 1921 года с РСФСР последовали другие. Появились новые страны социализма и включились в общую трудовую бригаду, строящую будущее планеты Земля.

В Монголии я читал отзывы зарубежных гостей, посетивших страну в последние годы. Наиболее примечательными мне показались слова английского ученого Смоллвуда. Вот они: «Впервые я посетил Монголию в 1919 году, и я думаю, что всякий, кто знает это, не станет оспаривать слов старого человека. А я могу сказать, что в истории, пожалуй, не найдется другой страны, которая достигла бы таких блестящих успехов за столь короткий срок».

...В аэропорт прикатил грузовик, полный чемоданов. Потом прибыли автобусы с пассажирами, провожающими и оркестром.

Улетали польские и венгерские студенты, работавшие во время летних каникул на стройках Монголии. Были цветы и песни, объятия и поцелуи. Улан-Батор провожал своих дорогих друзей.

Да, если вы хотите увидеть настоящую интернациональную дружбу, поезжайте в Монголию!

ПЕРЕД ШТУРМОМ...
Октябрь, год 1916-й.

В ВОЗДУХЕ ПАХНЕТ ГРОЗОЙ...

Перед штурмом... Под этой рубрикой «Огонек» начинает публикацию материалов о событиях, которые предшествовали Великой Октябрьской социалистической революции. Мы проследим события всего лишь одного года — года перед штурмом Зимнего.

Идет война. Свирепствует голод. Октябрь 1916 года. Перед нами пожелтевшие страницы газет и журналов пятидесятилетней давности. Октябрь пока еще обычный, ничем не примечательный. И все-таки в воздухе пахнет грозой.

Журнал «Российский гражданин» за октябрь 1916 года.

«...В столице России в Петрограде зачастую на страницах больших газет можно встретить белые пустые пятна, свидетельствующие о том, что есть строгий надзор за печатным словом...» Из газеты «Русские ведомости» узнаем, что же тогда считалось крамолой. В № от 19 октября 1916 г. читаем: «Судебная хроника. Вчера в окружном суде слушалось дело редактора журнала «Новый колос» прив. доц. Н. П. Огановского, обвиняемого по 3п. 1034 ст. улож. о наказ. В № 11-ом от 21 марта 1916 г. были помещены статьи М. Горького «О современности» и заметка «Движение на Путиловском заводе». В их содержании было усмотрено распространение заведомо ложных сведений о деятельности правительственных лиц... По обвинительному акту основная мысль автора статьи М. Горького такова: «Самые страшные враги человека — глупость и жадность», «лучшие люди всегда боролись с глупостью», «злые властители жгли разумных людей и всячески истребляли в заботе о том, чтобы мысли этих людей не доходили до сердца и ума народа, отчего в конце концов труженики остаются в холоде и голоде». В статье между прочим говорится: «Так и будет до той поры, пока большинство трудового народа не почувствует и не поймет силы разума. Одни виноваты в том, что своекорыстно властвуют, другие, что покорно подчиняются дурной власти».

Еще одно сообщение «Русских ведомостей»: «Дело разбойника Котовского. Одесса (от нашего корреспондента). ...Около личности Котовского, щадившего бедняков и оказывавшего многим материальную помощь, создался ряд легенд. Котовский считался неуловимым... После непродолжительного совещания Котовский приговаривается к казни...»

Судебная хроника газеты «Речь» — номер за 25 октября. «В Одесском военном суде слушалось дело о бабьем бунте в селении Дельиновке в связи с земской переписью у населения продуктов. В селах распространился слух о предстоящем возвращении крепостного права и неизбежном подчинении крестьян помещикам. Толпа около ста женщин, явившись к священнику Малиновичу, потребовала от земской служащей, сестры священника, возвращения списков. По обвинительному акту, женщины угрожали дубинками и палками...»

А через несколько дней в той же газете читаем сообщение о выездной сессии Московской судебной палаты в Туле. «Слушалось дело по обвинению С. М. Булыгина в составлении воззвания против войны. Булыгин — сын одного из ближайших друзей Л. Н. Толстого, внук сенатора Булыгина, одного из видных деятелей по введению судебной реформы. Булыгин находится в тюрьме 12 месяцев».

«Из с. Кежмы Енисейского у. сообщают о новом виде наказания для строптивых крестьян: их по распоряжению крестьянского начальника отправляют для отсидки при полиции на 2—3 дня за 700 с лишком верст в г. Енисейск. Крестьянин должен сделать пешком 1 500 верст, что продолжается 1—1½ месяца».

Но вот и нечто новое...

19 октября газета «Русские ведомости» уведомляет, что Рабочая группа Центрального военно-промышленного Комитета постановила обратиться к рабочим с заявлением. «В последние дни все чаще и все настойчивее по фабрикам и заводам Петрограда распространяются самые тревожные и возбуждающие слухи. Передают: на таком-то заводе обрушилось здание и завалило сотни рабочих, на такой-то фабрике произошел взрыв, причем погибли сотни работающих там людей. На днях широко распространился слух о том, что вся Москва охвачена восстанием, что московская полиция забастовала, что вызванные войска отказались стрелять и т. д. Одновременно с этим подобные же слухи, но уже о восстании в Петрограде, о разгроме гостиного двора распространяются в Москве. Но этого мало. В Харькове рассказывают о революции в Москве, а в Москве о революции в Харькове. При проверке эти слухи оказываются грубой выдумкой. Все подобные слухи из различных, ничем не связанных друг с другом мест передаются в такого рода форме, что невольно напрашивается вопрос: не кроются ли они в каком-нибудь одном источнике, не скрыта ли в основе этих слухов какая-то невидимая действующая и направляющая сила?»

Читаем листовки и воззвания московских и питерских комитетов РСДРП. Они датированы тем же месяцем и тем же годом. Октябрь 1916 года.

Газета «Утро России» 28 октября 1916 года пишет:

«Россия должна перестроиться — от фундамента до купола. Это чувствуют все, кроме правящих: петроградские салоны словно стеклянным колпаком отделены от России».

О. ВАСИЛЬЕВ, Ю. ЛУШИН

НАШЕ ВРЕМЯ

Все было примерно так, как изображено на этой картине. Матросы и солдаты ворвались в Зимний. И лица у тех, кто распахнул двери комнаты, где прятались министры Временного правительства, были, вероятно, такими же радостно-возбужденными и суровыми, какими мы их видим на картине Юрия Рейнера. И то, что сказали эти люди в ту историческую минуту, наверное, было близко по смыслу набатным строчкам Владимира Маяковского.

Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время.

Началось наше время. Нашему времени сегодня исполнилось 49 лет. Срок для истории ничтожно малый. Но сделано, открыто, отвоевано и построено бесконечно много, с точки зрения той же истории. Были разные годы, боевые и мирные, были разные люди, непохожие друг на друга, настоящие герои нашего времени. Одни уже состарились, другие в поре зрелости, третьи только начинают свой путь, и первые для них — легенда.

Когда пал Зимний, Коля Исаев был еще мальчишкой, и, наверное, заветной мечтой его детства было стать красногвардейцем. Когда Герой Советского Союза Николай Васильевич Исаев сбил над Берлином девятый фашистский самолет — девятый только за время берлинской операции, не все нынешние комсомольцы топали уже по земле, они дети Победы. Для них Отечественная война — история. А для девчушки из Львова, которой повязывает пионерский галстук генерал-майор запаса Н. В. Исаев (4-я страница вкладки), начало штурма целины — такая же героическая легенда, как штурм Зимнего. О прошлом, о революции, об Отечественной войне она узнает из учебников, кинофильмов, из книг. И тут, во Львовском филиале Центрального музея В. И. Ленина, где ее принимают в пионеры. Есть и другой путь — самому пройти по местам боевой и трудовой славы дедов и отцов, расспросить очевидцев и участников событий, как это сделали московские комсомольцы, которых вы видите на центральном развороте цветной вкладки: Марина Тишина, Владимир Морозов, Наташа Нуждина, Александр Казанов, Стасик Шаров, Лида Ванюкова, Николай Ивлев, Женя Михайлова, Виктор Никодимов, Виктор Бахарев, Виктор Силантьев и Евгений Тимакин.

Эта группа комсомольцев — одна из многих. В походы идут тысячи и тысячи молодых людей во всех уголках нашей страны.

Молодые рабочие Киевского района столицы прошли по местам боев 3-й Московской дивизии. В поход их вела ветеран дивизии Татьяна Александровна Бурова, ныне капитан запаса. Один из участников похода, Виктор Горбунов, рассказал нам, как на Новгородщине, в деревне Пинаевы Горки, председатель колхоза, отказываясь от платы за обед, сказал:

— Нам денег не надо. Наша земля богата, а отвоевали ее те, чьи подвиги позвали вас в путь. Им мы обязаны всем: жизнью, счастьем наших детей, нынешним урожаем. Все мы в долгу перед солдатом, погибшим на этой земле. Долг этот не оплатишь деньгами. Только трудом, только мужеством, только подвигом.

У каждого поколения свои подвиги. Сейчас их совершают строители Ташкента. Геологи в сибирской тайге. Рабочий у станка. Конструктор ракетных кораблей. Для таких подвигов нужны долгие годы или вся жизнь. И еще для таких подвигов нужно хорошо знать героическое прошлое своего народа, нашу героическую историю. Палатки Комсомольска-на-Амуре и бессмертные подвиги героев Бреста, знамя над рейхстагом и партийный гимн, прозвучавший в космосе,— все это годы и мгновения нашего времени. Мы должны их носить в себе, знать свое прошлое, чтобы жить во имя будущего, чтобы наше время стало еще более емким, богатым и непобедимым.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
Г. ТЕЛЬНОВА.


АВРОРА







КОГО ЛЮБИТЬ?

Халимат БАЙРАМУКОВА

* * *

Мы в жизнь вошли не с робким вздохом,
Не с хода черного вошли.
Вошли —
И сделали эпохой
Свой день
И день своей земли.
И не отдам его кому-то:
Мол, обойдется без меня!
Своею каждою минутой
Я наполняю чашу дня.
И если до краев полна —
Прими мой день,
Моя страна!

* * *

Вечная память погибшим за нас —
За вас, за тебя, за меня.
О, сколько закрылось прекрасных глаз,
Чтоб дольше прожила я!
Чтоб снег я видела, и туман,
И солнце,
И явь, и быль,
Чтоб ненавидела зло и обман,
Как Зоя и как Джалиль!
Меня рыданья душат порой
При воспоминанье о них.
Но я не тревожу их вечный покой:
Не слез они ждут от живых.
Им хочется слышать,
Как ночи тихи,
Как благостны дни земли...
Не плакать мне надо —
Писать стихи,
Чтоб к подвигу в жизни вели.

* * *

— Жизнь — это бой, не мир,— сказал сосед.
— А мы бойцы! — сказала я ему.
— Копейка — жизнь! — он бросил мне вослед.
— Ты дезертир! — ответила ему.
— Ошибка жизнь,— сосед мой начал вновь.
— Жизнь,— я ему сказала,— есть любовь!
— Кого любить? — скривился мой сосед.
— Но не себя! — я крикнула в ответ.

* * *

Мне повторять известное — судьба.
И как не повториться вновь мне,
Если
До боли в сердце
Я люблю тебя,
О Родина, такой,
Какая есть ты!
Я шла в атаку именем твоим
И вновь пойду,
Коль это будет надо!
...Меня винили именем святым,
Твоим,
Но в этом ты не виновата.
Не ради ли тебя,
Страна моя,
Я выжила,
Обиды все осиля?
О, никогда не усомнилась я
В тебе,
Моя прекрасная Россия!
Я столько перевидела всего...
И потому мне вновь сказать охота,
Что Родине
Не предъявляют счета,—
У ней одной есть право на него.

* * *

— Какого года ты? —
Меня спросили.
— Семнадцатого! — отвечала я.
В семнадцатом мне жизнь дала Россия,
И потому ясна мне жизнь моя.
И дед мой заявил,
Что он родился
В семнадцатом,
Хотя уже в годах,
Но все ж рожден он был,
Когда Россия
Свет революции
Зажгла в его горах.
И сын назвал тот год —
И абсолютно
Был прав
И не наврал он ничего:
В семнадцатом отметила салютом
«Аврора»
День рождения его.
В любом краю
Моей страны прекрасной
Любой родился
В тот же год и час.
И потому
Один-единый паспорт,
Бессрочный паспорт есть у всех у нас.

Перевела с карачаевского
И. Лиснянская.



Дети на Дворцовой площади. Петроград. 1918 год.

МОЛОДОЙ ВЕСНЫ ГОНЦЫ

«...Когда мы будем праздновать наш Великий праздник — годовщину Октябрьской революции,— говорится в документе, адресованном Исполкому Нарвского района,— то необходимо не забыть про наших детей, которым придется довести нашу идею до конца».

Петроград, 1918 год. Не хватало не только хлеба, но и топлива, обуви, одежды. И тем трогательнее выглядела забота о детях питерских пролетариев. В детских приютах, школах изыскивали средства для праздничных завтраков, на фабриках и заводах готовили подарки, шили ребятам праздничные платья, костюмы. А на третий день Октябрьских торжеств устроили веселый городской праздник с шествием, театральными представлениями, киносеансами и даже угощением.

В газетах называли цифру: 50 тысяч! Столько детей — старшие пешком, а младшие в трамваях— двигалось по Невскому к Дворцовой площади.

У детей тогда не было, как сейчас, своих дворцов, клубов, тюзов, кинотеатров. И для ребячьего праздника выбрали самое роскошное здание в городе — Зимний дворец, откуда всего лишь год назад восставший народ изгнал министров Временного правительства. У подъезда дворца выстроилась детвора. С автомобиля-трибуны со словами поздравления к ребятам обратился А. В. Луначарский. И под звуки оркестра, исполнявшего «Интернационал» и «Марсельезу», дети хлынули по широкой мраморной лестнице в сказочно красивые залы.

В двух самых больших залах для них подготовили театральное представление, концерт, кинофильмы. И еще детвору ждал очень приятный сюрприз: руководители торжеств вручали девочкам и мальчикам сайки и яблоки.

И снова на улице, на площади гремит духовой оркестр. Юные пролетарии, возбужденные необычным праздником, долго не могли угомониться. Поднимая высоко над головами красные знамена, они весело шагали по Невскому. На знаменах старательно выведено:

«Мы молодой весны гонцы!», «Сейте разумное, доброе, вечное!», «Кто учится, тот трудится!».

Потом ребята направились к площади Московского вокзала, которая тогда называлась Знаменской. Там их ожидали трамваи, чтобы развезти всех по домам!..

Обо всем этом мы рассказали следопытам Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова. Ребята решили попытаться найти старые фотографии, на которых запечатлен тот праздник. Пионеры понимали, что это нелегко: прошло уже 48 лет.

Через несколько дней ребята позвонили нам:

— Приезжайте! Нашли фотографии.

На столе лежали три порядком потрепанных, стареньких альбома. На обложке чья-то рука вывела печатными буквами:

«Издание Петроградского окружного фото-кино отдела».

На жестких картонных листах наклеены снимки. Не все хорошо сохранились, многие выцвели, поблекли. На одном из них — дети на Дворцовой площади, на другом — у Александровской колонны. А вот снимок, сделанный во время раздачи подарков.

Мы внимательно рассматривали фотографии и думали: «Как сложилась судьба этих ребят — детей питерских пролетариев?»

— Давайте-ка разыщем участников этого праздника,— решили следопыты.— А если найдем, пригласим их на торжества 50-й годовщины Октября в свой Дворец пионеров.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька».

Лев КОКИН

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Благодаря успехам физики полупроводников почва под ногами солнечной техники заметно укрепилась, заманчивые перспективы использования расточаемой Солнцем энергии стали куда реальнее.

У стены лабораторного здания уставилось в небо вогнутое, как в комнате смеха, зеркало — этакое сверкающее корыто наподобие локатора. Вот уже несколько дней, как солнце щадит Ашхабад: дни не то чтобы пасмурные, но по-северному неяркие. Во всем городе едва ли не один Акмурад Давлетов с тоской поглядывает на небо: ему для испытания солнечного холодильника необходимо солнце.

Самые лучшие для него часы — полдень и после полудня. За стеной, в доме, куда уходят от зеркала обмотанные асбестом трубы, в это время прохлада и благодать. Так оно и должно быть, и это, пожалуй, труднее всего — знать, что от прохлады и благодати отделяют тебя два десятка шагов, и не иметь возможности совершить их. Во время опыта нельзя заглянуть в охлаждаемое помещение... Остается одно: в промежутках между замерами подставлять полные солнцем головы, а потом пересохшие губы под водопроводный кран.

Была бы вода! Возле нее оживает даже пустыня. Это хорошо, с детства, знает кандидат наук Реджеп Байрамов.

Акмурад Давлетов услышал о Реджепе Байрамове задолго до того, как познакомился с ним, еще в школе-интернате услышал, в районном центре Керки.

Давлетов поступил в эту школу в тот год, когда Байрамов ее окончил. Первый выпуск Керкинского интерната, а скоро он справит свое двадцатилетие — быстро время бежит! Учителя нередко говорили ученикам в назидание: вот ты, Давлетов, ленишься, не занимаешься, а Реджеп Байрамов и товарищи его, если надо, в четыре часа утра вставали! Как выяснилось впоследствии, это был педагогический прием. Что-то Реджеп не припоминает подобных случаев. Но его выпуск оказался сильным. Двадцать три человека из двадцати шести получили высшее образование. Три писателя, пять кандидатов наук, в том числе и Реджеп.

Жизнь свела обоих выпускников Керкинского интерната в университете, а потом и в Физико-техническом институте. Рядом с холодильным устройством Акмурада Давлетова на институтской опытной базе под Ашхабадом Реджеп Байрамов испытывал солнечные опреснители воды.

Туркменский академик и московский профессор Валентин Алексеевич Баум вспоминает о том, как явился Реджеп к нему, в Энергетический институт имени Кржижановского: хочу заниматься опреснением воды. На первых порах Баум пытался отговорить молодого человека. Дело сложное, много препятствий. Байрамов сказал: я хочу заниматься опреснением, трудно или нетрудно. Я родился в пустыне и помню, как родители делили воду между нами, детьми. Капли из колодца!..

На карту Туркмении колодцы нанесены такими же кружочками, как города. И так же, как города, они имеют собственные названия. Байрамов родился неподалеку от колодца Ербент, в самом центре Каракумов. Это уже потом семья чабана перебралась на берега Аму-Дарьи, на целинные земли, в Керкинский район. Перебралась к воде...

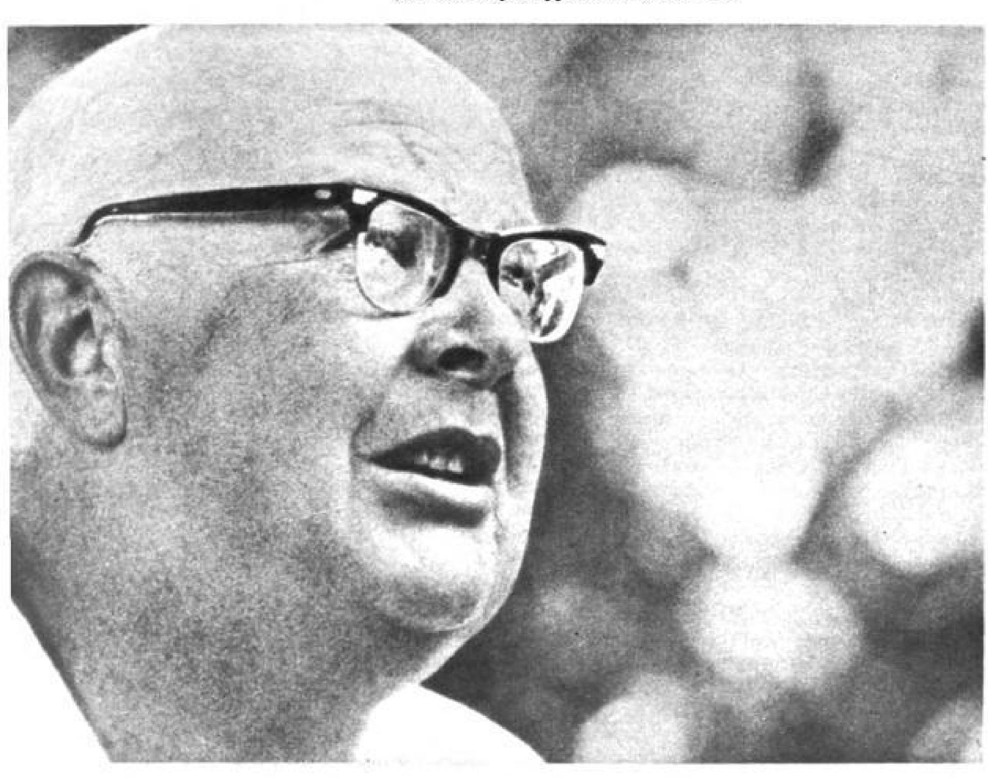
Байрамов родился возле колодца с горько-соленой водой. Овцы пили ее, для людей она была непригодна. Теперь кандидат наук точно скажет: животные могут пить воду при солености до десяти граммов на литр, человек — до трех. Мальчишкой Реджеп знал: пить можно и пить нельзя. За питьевою водой ездили за много километров на соседний колодец, навьючив по бокам на верблюдов плоские бочки — челеки, литров на сто каждая. Но в жаркую пору случалось, что и соседний колодец становился соленым. Тогда воде давали отстояться в ведрах и счерпывали кружкой верхний соленый слой. Таков был первый опреснитель, с которым пришлось столкнуться Байрамову. Обессоливание, сказал бы он теперь, было явно недостаточным, но, счерпнув кружкой верхний слой, делили воду на глотки и, поскольку выбора не было, пили...

Научиться обессоливать воду — значит обжить пустыню, уверен Байрамов. Открытая солнцу площадка, где он проводит экспери-



Перед этим зеркалом вертится Солнце.

Главный солнцепоклонник Валентин Алексеевич Баум, академик Академии наук Туркменской ССР.



Человек

Акмурада Давлетова бросает то в жар, то в холод: он испытывает солнечный холодильник.





способов опреснения. И если бы его отец на колодце Ербент имел несколько застекленных рам-опреснителей, кто знает, быть может, семье не пришлось бы переезжать из Каракумов на берега полноводной Аму...

Колодцы в песках глубоки. На Ербенте большое ведро из овечьей шкуры — ковга — вытаскивал на поверхность верблюд. Реджеп Байрамов хорошо помнит: покорно ходил верблюд на привязи то взад, то вперед, доставая воду под ритмичные вскрики: «Иди!», «Вернись!». На опытной базе под Ашхабадом инженеры и физики испытывают солнечный двигатель для водоподъемника; он помощнее верблюда, и его не надо кормить.

Но поить водой этот двигатель необходимо.

Создатели солнечного генератора — работники Энергетического института имени Г. М. Кржижановского во главе с профессором Валентином Алексеевичем Баумом — вместе с ашхабадскими коллегами подбирают для своего детища наилучший питьевой режим. Они тоже всегда с нетерпением ждут ясной погоды, а дождавшись, укрываются от солнца кто чем может — шляпами и свернутыми из полотенец чалмами, тюбетейками и бумажными треугольниками. И начинают опыт в туркменской пустыне — московский инженер Дмитрий Тепляков, и ашхабадский Акмурад Давлетов, и гость из соседнего Узбекистана стажер Юнус Якубов.

Круглое пятиметровое зеркало-рефлектор собирает солнечные лучи в одну точку наподобие зажигательного стекла. Кто в детстве не выжигал острым лучиком узоры на свежеоструганной палочке или, чаще, собственные инициалы? Только тут, конечно, острие горячее. Внутри зеркала, в фокальной его плоскости, закреплена термоэлектрическая батарея. Собранные в фокус лучи нагревают обращенные к зеркалу спаи составляющих батарею полупроводниковых столбиков. Если спаи, обращенные наружу, при этом остаются холодными — с этой целью их все время омывают водой,— то за счет разности температур на концах столбиков возникает электродвижущая сила. Таков закон термоэлектричества: непосредственно, без всяких машин тепловая энергия преобразуется в электрическую. Чтобы поднять из колодца воду, остается подключить к батарее электромотор водяного насоса.

Время от времени руководитель опыта Дмитрий Тепляков командует: «Машину на фокус!»... «Машину на яму!» Реджепу Байрамову эти команды чем-то напоминают ритмичные вскрики отца, обращенные к верблюду: «Иди!»... «Вернись!» Но кончатся эксперименты — и солнечной машине не потребуется «возвращаться»: она будет

людьми в виде топлива и пищи 0,002 процента!..

И как мы относимся к этим полезным двум тысячным!

Сжигая дрова, например, получаем лишь сотую часть той энергии, которую дерево, пока росло, получило от Солнца. Иные наши технологические процессы выглядят примерно так, как если бы мы, по выражению одного ученого, вздумали сжечь целый дом, чтобы зажарить свиную тушку... Между тем запасы топлива на Земле далеко не безграничны, а с развитием техники потребление энергии растет все быстрее, и даже использование ядерного горючего не устраняет, а лишь отодвигает угрозу «топливного голода». К тому же ископаемое топливо представляет собой ценнейшее химическое сырье; топить углем и нефтью, говорил Менделеев,— все равно что топить ассигнациями. Словом, что может быть соблазнительнее перспективы запрячь Солнце!

Московского теплофизика Баума привело в Туркмению солнце, двести ясных плюс восемьдесят полуясных дней в году, когда солнечные установки тоже могут работать. Человек пришел за солнцем. По его собственным словам, он долго не принимал солнечную энергетику всерьез, рассматривая попытки непосредственно использовать энергию Солнца — многочисленные и давние — просто как любопытные физические опыты. Правда, сам не без удовольствия занимался ими. Ученый, которого Баум во многом считает своим учителем, академик Глеб Максимилианович Кржижановский не однажды упрекал его за некую несерьезность в этом отношении. Глеб Максимилианович был энтузиастом солнечной энергетики и сожалел, что мало успел сделать для нее.

В своем увлечении академик не был одинок. Об использовании солнечной энергии задумывались многие видные ученые. «Несмотря на то, что солнечный свет — основной источник земной энергии,— говорил академик С. И. Вавилов,— современная техника продолжает пользоваться в качестве энергетических ресурсов вторичными источниками: углем, нефтью, водой, ветром и т. д. Мы не сомневаемся, что такое положение только временное, что рано или поздно, и скорее всего, что рано, придется обратиться к первоисточнику, то есть к Солнцу». К работе над этой проблемой призывали академик А. Ф. Иоффе и Фредерик Жолио-Кюри.

Лет тридцать назад о применении фотоэлектрических устройств можно было только говорить. Коэффициент полезного действия фотоэлемента выражался долями процента. Об одном проценте мечтали. «Если бы один процент солнечной энергии, которая попадает на крышу дома,— писал академик Иоффе,— можно было превратить



Ежедневный туалет: не для красоты — для мощности!

пришел за солнцем

менты, заставлена разнокалиберными ящиками. Покатыми стеклянными крышками они напоминают маленькие парники. Крышки по-разному наклонены, есть среди них односкатные, есть двускатные. Эти ящики-опреснители устроены проще пареной репы, или, как говорит Байрамов, в них «не очень-то много радиоламп». Солнечные лучи нагревают налитую на дно ящика соленую воду; испарившись, вода оседает изнутри на стекло и по наклону стекает в сборный сосуд. Это уже пресная вода. Следует лишь найти наивыгоднейшую конструкцию, подобрать наклон стекла, обеспечить герметичность ящика, и с каждого квадратного метра такого простейшего опреснителя можно будет собрать ее литров до десяти в день. Солнечные установки, как показано на диссертационной работе Реджепа Байрамова, в пустыне, далеко от дорог, вдвое-втрое дешевле других

спокойно и надежно качать воду. Реджеп хотел бы позвать отца, чтобы тот посмотрел, как она будет делать это. Он дорого дал бы за то, чтобы иметь такую возможность. Но отец его, так же как отец однокашника его Акмурада Давлетова, погиб на войне. Под Старой Руссой.

На каждый квадратный метр земной поверхности в ясный полдень падает с Солнца около киловатта мощности. Какая-то часть этого излучения нагревает воздух, землю и океаны, испаряет воду, вызывает ветер и дождь. Какая-то часть отражается и рассеивается в мировом пространстве. Ученые подсчитали, что на поддержание жизни на Земле с ее животным и растительным миром расходуются всего лишь сотые доли процента падающего на Землю солнечного излучения. А употребляется

в электрическую энергию, то ее хватило бы на освещение пяти этажей под этой крышей». Сегодня техника в состоянии осветить таким образом 75 этажей под крышей: в кремниевых преобразователях кпд достигает уже пятнадцати процентов. Правда, для этой цели пригодны лишь сверхчистые монокристаллы, а их производство обходится еще очень дорого, и покамест сравнительно мощные кремниевые батареи ставятся главным образом на космические корабли. Ведь в космосе нет другого топлива за бортом, кроме солнечного света. А на Земле пока еще есть. В земных устройствах применяют пока только маленькие фотоэлектростанции — на буях, указывающих путь проходящим судам, на автоматических метеостанциях во льдах, для питания походных радиоприемников и передатчиков, в слуховых аппаратах-очках.

Приблизительно так же обстоят дела и с термоэлектрическими устройствами.

«Сейчас физики подготовили все, чтобы термоэлектрогенераторы стали технически и экономически интересны для мощностей в полкиловатта и даже больше»,— говорит Валентин Алексеевич Баум. Иными словами, чабан или геолог в пустыне скоро станут потребителями солнечной электроэнергии.

Ну, а если отвлечься от сегодняшних возможностей производства? У инженеров-солнцепоклонников нет сомнений: пользуясь кремниевыми фотоэлементами, можно превратить пустыню в подобие рая. Для этого не придется подниматься на небо. Достаточно не разбрасывать то, что падает с неба само: солнечный свет. Солнечные инженеры стараются научить его работать производительнее.

Человек пришел за солнцем...



ГВАРДИЯ

Алексей ПАНТИЕЛЕВ

Повесть

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Земля дрогнула под ногами. Грохот танковых моторов обрушился на поляну, взвился в небо и раздул его, как парус, и оно перекосилось и легло набок. Тяжелый танк выпрыгнул из рощи, сбрасывая с себя зеленые кошмы хвои, и понесся по поляне, строптиво мотая длинным носом пушки с толстым надульным набалдашником, точно бешеный верблюд губастой мордой. Танк летел, распарывая землю надвое, оставляя за собой белый вихрь, прямо на щель, не сворачивая. На опушке он походил на железную скалу. Секунда — и он вырос в черную гору.

Искандеров завизжал и полез вон из щели, стремглав — под гусеницы... Федор едва успел схватить его за шиворот. Однако Искандеров обрел нечеловеческую силу. Он уперся сапогом в стенку щели и вырвался. Федор перехватил его рукой за подбородок, заломил назад голову, но не мог стащить. Оба застыли на бруствере, точно приклеенные к нему судорожным усилием. А танк уже повис над ними в последнем рывке.

В это летучее мгновение Федор коленом сбил сапог Искандерова с упора, сдернул вниз его закаменевшее тело и подмял под себя. И тотчас танк накрыл их темным вонючим крылом.

Померкло небо. Настала ночь. Искандеров почувствовал, как стенки щели круто сдвинулись, сжимая его в холодном тесном объятии. И на четвереньках пополз по дну щели, волоча на себе Федора.

Ошеломляющий лязг ломился в уши, сизый горячий дым резал глаза, перехватывал дыхание. На спину сползали тяжелые комья и пласты мерзлой земли. Танк всей своей многотонной громадой ворочался над щелью, разваливая ее, добираясь до людей. То так, то этак поворачивалось его могучее гладкое брюхо. И, точно живые, яростно вгрызались в землю лемеха траков. Копали, закапывали...

И закопали.

Оборвался гул. Танк остановился рядом с разутюженной щелью, глухо урча. Поднялись стальные крышки, из люков на вспаханный снег выскочили кожаные черти в пробковых шлемах, втроем бросились к щели и стали вытаскивать из-под земляного крошева пехоту.

Руками отрыли и выпростали винтовки, гранаты и бутылки. Все было в целости. Отряхнули на Федоре и Искандерове шинели, обтерли им потные черные лица чистой ветошью.

Подошел командир полка, с ним комиссар и штабные. Лихо подбежал танковый командир — молодой капитан с планшетом на боку.

— Выходит дело, неплохая для вас тренировка,— сказал командир полка старшему танкисту, заметив его скрытую невольную улыбку.— Ну как, Шумаков?

— Разок закурить,— хрипло выговорил Федор, кусая губы, чтобы унять их дрожь.

— Кури, пожалуйста.

Танкисты сунули ему в зубы папиросу, поднесли огня. Федор затянулся, добавил, кашляя:

— Маленько оробел, товарищ майор. По первому разу, знаете, и с женой спать больно...

— Оробел?!— сердито вскрикнул командир полка, с неприязнью косясь на Искандерова. Тот был еще слеп и невменяем.— Ты?!

— Так точно, товарищ майор!— твердо ответил Федор, пряча папиросу в рукав шинели.— И вы на него не смотрите. На меня смотрите. Он не виноват, не учили его. Он не трус, он неуч. И товарищ капитан пусть повременит улыбаться. Цыплят по осени считают.

— Я не улыбаюсь,— отозвался капитан, весело смеясь.

— Ну что ж,— сказал командир полка.— Докуривай. Напарника мы тебе заменим.

— Нет, товарищ майор, не замените,— возразил Федор.— Прошу не путать. Этот музыкант — со мной!

Искандеров ожил вдруг.

— Я с ним... с ним буду...— забормотал он и, пошатываясь, пододвинулся к Федору поближе, царапнув его плечо торчащим в бок штыком.

— Вот как! Понравилось?— проговорил командир полка, сощуривая ясные светлые глаза, и крикнул на Шумакова:— Докуривай, докуривай, говорю!.. Чего тянешься?

Федор дохнул еще раз, бросил папиросу и затоптал сапогом.

— Разрешите!..

Майор молча кивнул.

Щель наскоро подправили, Федор и Искандеров влезли в несмятый ее конец, взяли гранаты и бутылки.

— Вот что, музыкант,— сказал Федор.— Некогда! Будешь дурить, застрелю на месте, как дезертира. Такая вот музыка. Понял?

— Понял, понял, понял,— сказал Искандеров, держа гранату в вытянутой руке.

Танк развернулся и снова пошел на щель с пушечным гулом. Теперь он шел с другой стороны поляны, и все бойцы из ротных колонн, выстроенных по краям поляны, хорошо видели, как над щелью показались плечи Шумакова, взметнулась его рука и навстречу танку полетела граната. Она легла на редкость точно — под правую гусеницу. Граната была без бронебойной рубашки, танку не опасна, но он заметно подскочил правым боком.

Вылетела из щели и другая граната, перелетела через танк, упала позади него и не взорвалась. Это, конечно, флейта... Швырнул сильно, а чеки не сорвал. Можно поднять, колоть гранатой орехи.

Танк с ходу, на скорости перемахнул через щель. И пока он поворачивался назад — утюжить пехоту, Шумаков кинул ему в спину одну за другой две бутылки. Обе попали в башню, но первая не разбилась, скатилась целенькая по броне на снег, а вторая раскололась, и жидкость из нее пролилась как раз на моторную часть. Если бы там была не вода, а «КС», надо думать, танк загорелся бы.

И, видно, это уловили танкисты под броней, остановили машину и не полезли больше на щель. Застывшие в немом внимании стрелковые роты разом зашевелились, и над ними покатилось раскатистое, неумолкающее, шумливое «ура». Наша взяла!

На этот раз Шумаков и Искандеров сами подошли к командиру полка, к тому пню, на котором он стоял, и Федор доложил по форме, что в учебном бою ими подбит и подожжен один танк. Затем повернулся к танковому капитану и совсем не по-армейски, по-рабочему, деловито заметил:

— Скорости продумайте... На подходе оно ладно,— жутко прицеливаться, а проскочите,— наоборот, пока-а развернетесь... бей в упор! Хоть две, хоть и четыре бутылки...

Командир полка обнял Шумакова.

— Ну-ну, не гордись, замполитрука.

Искандеров стоял рядом. Мясистый нос его и сморщенный лоб были измазаны в красной глине. Видно, все-таки клюнул в страшную минуту сырую мать-землицу. Винтовка ходила в его руке, он дрожал, но не от холода.

И когда майор спросил его:

— А вы что скажете, Искандеров?— впервые назвав его по фамилии, он ответил, утирая голой ладонью нос:

— Д-жарко!— И показал пальцем на Федора:— Батыр.— И еще раз показал, сложив пальцы щепоткой:— Потомок пророка! А?.. Мой старый брат,— сказал он, хотя Федор был на десяток лет моложе его.

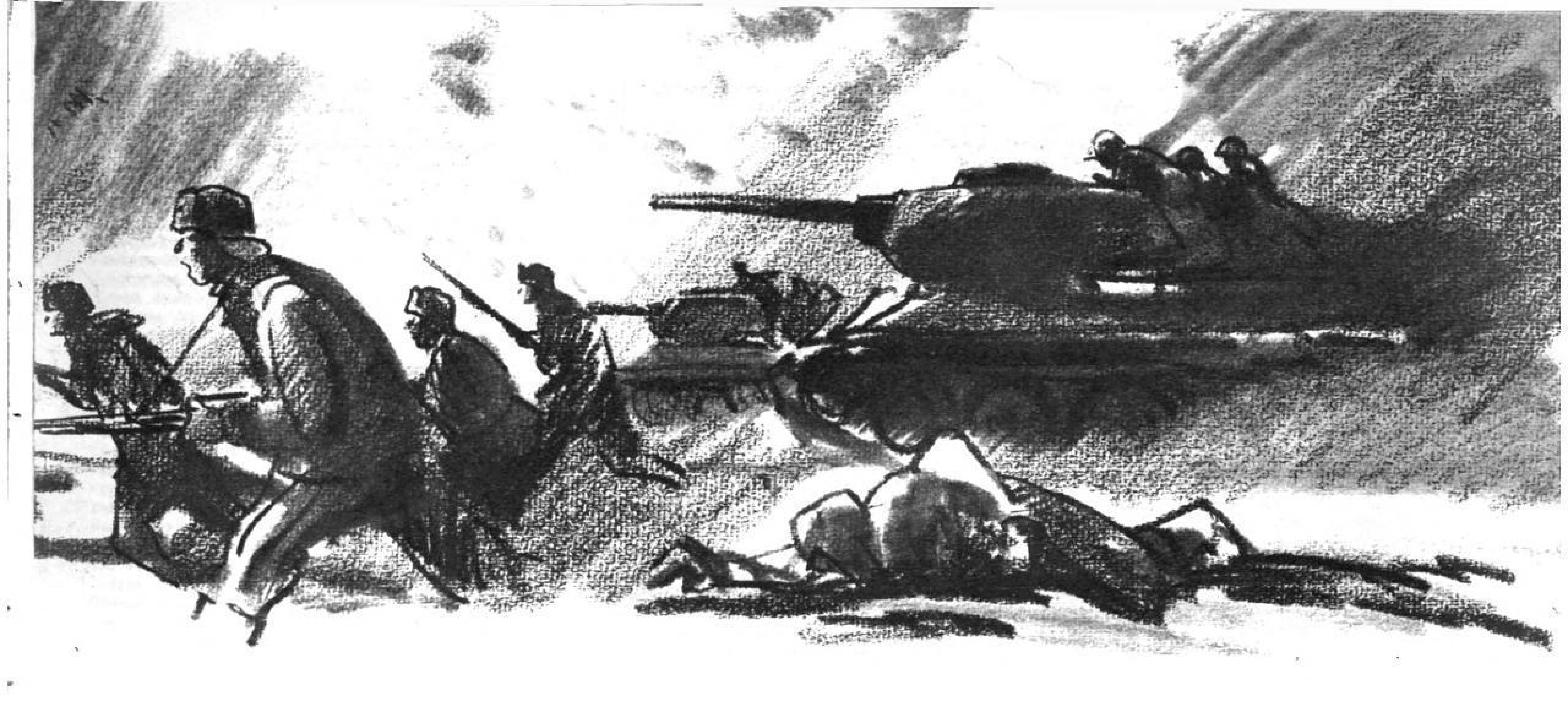
— Флейта цела?— спросил комиссар, смеясь.

Искандеров огляделся недоверчиво, крякнул и полез под шинель, за пазуху. Вынул флейту, расправил усы, приложил ее к губам и под общий смех, притопывая на месте, заиграл:

— Фи-ти-пи... фи-ти-пи... фи-ти-пи... Пип-пи, пип-пи, пип-пи-пи-пи!

К командиру полка пододвинулся начальник штаба.

Окончание. См. «Огонек» № 44.



— Товарищ майор, из седьмого отдела штадива запрашивали: так ли, что в полку штрафник, и как его звать...

— Не знаю, не знаю,— проговорил командир полка, мельком взглянув на Барабохина.— Это не моя забота. Пусть ищут, запрашивают Ташкент, если им не терпится, как им положено.

— Требуют доложить, товарищ майор.

— А я вам докладываю, старший лейтенант, что ко мне по таким делам — после боя. Понимаете вы русский язык?— сказал Бабушкин и повторил со спокойной, холодной властностью командира, с хитринкой и упорством крепкого хозяина:— По-сле бо-я!

3

В 15.50 командир полка, слегка сутулясь, вошел в немецкий блиндаж. Впервые в жизни своей ногой ступил на то место, где был враг, а ныне врага нет. Ступил с необыкновенным ощущением, что он, Алексей Михайлович Бабушкин, на этом месте, в этот час — высшая сила и верховная власть.

У разбитого снарядом тамбура майор оглянулся. Дул порывистый ветер. По снегу, изрытому огнем и солдатскими сапогами, скользили блеклые тени. На западе на фоне желтого декабрьского заката выпукло чернела роща Лань. Так назвал ее начальник штаба. Ее опушкой полк овладел сегодня утром.

Алексей Михайлович устало улыбнулся обветренными губами. Другое его ощущение было заурядно. Он чувствовал, что разбит, разломан на части и разбросан в беспорядке по большому пустырю, а вместе с тем взвинчен, встрепан донельзя, до стариковской одышки, как будто в каждом обломке, валявшемся на том пустыре, сидел некто жалкий, испуганный и скалился на других...

Посмотрев на часы, майор решил, что будет отдыхать сорок минут. Собственно, не решил, а скорее прикинул, неуместно колеблясь, что может это сделать, должен это сделать. Сорок минут. Ровно столько длился сегодня бой. Короткий, как вспышка! Что же это было — везенье, счастливый случай или боевой успех? Комиссар сказал: «Каждый бы день сорок таких непонятных минут!» Однако — непонятных?.. Во всяком случае, пока еще не понятных. И радости не было.

Майор прошел под провисший бревенчатый накат и лег на низкую немецкую койку, покрытую нашей плащ-палаткой. Связной приспособил в изголовье полушубок, сложенный так, чтобы сутулой его спине было удобно и покойно. Алексей Михайлович лег на спину, тотчас ощутив, как этого ждало и довольно этим сердце, и закрыл глаза, размяв ресницами слезу, мягкую, сладкую, не такую, как накануне, на ветру...

До войны он был электриком, старшим осветителем богатого заводского клуба, который именовали дворцом. Он устраивал на сцене закаты и восходы, бури с летящими облаками, сухими ливнями и молниями, как в опере. На премьерах свет Бабушкина, как правило, шел под аплодисменты. Шутники прочили ему заслуженного деятеля!

Дома «для себя» он делал миниатюрные модели парусных кораблей, башен Кремля. Годами, ночами, с пинцетом и лупой, скрупулезно вытачивал, выпиливал крошечные детали, скрепляя их неведомо чем. Сделал он мотоцикл с коляской высотой в тридцать три с половиной миллиметра на собственном ходу. Едучи, мотоцикл уморительно трещал, а ехал... на гипнозе Бабушкина.

На фронт Алексей Михайлович попал в первый час войны с военных сборов. Затем без малого вот уже полгода он чувствовал себя свалившимся с обрыва и падающим, падающим без конца; и так к этому привык, что мог есть, пить и спать, падая. Лишь в последний месяц он наконец ощутил, что стоит и даже сидит словно бы за домашним столом и работает «для себя» — изощренно-кропотливо, тупо-упорно, с терпением маньяка или художника. А сегодня утром там, у рощи Лань, вдруг что-то блеснуло, как на сцене. И длилось это в точности хороший первый акт — сорок минут.

Майор перевернулся и лег на бок лицом к стене. Послышались быстрые шаги. В блиндаж вошли двое.

Одного из них Бабушкин узнал по походке. Это адъютант. Сашка... Росточка он скромного, а ходит валким богатырским шагом. Адъютант бесшумно склонился над койкой, и майор, не открывая глаз, увидел его юное лицо, румяное с мороза, с татарскими редкими усиками, горячими глазами и смоляным чубом из-под незаконной, возлюбленной кубанки. Усы и кубанка ныне входят в моду...

— Хотя вы из фронта, товарищ подполковник, простите, командира полка сейчас будить не стану,— сказал адъютант, разумеется, баском.

— Я подожду,— отозвался гость сухо. Стало быть, недоволен.

Но майор остался лежать.

«Уже из фронта! — подумал он с привычной неприязнью к инспектору, нимало не польщенный, а только озабоченный тем, что тот — настолько сверху. И мысленно отрезал: — Сорок минут, не меньше».

Майор был не готов к этой встрече. Он предпочел бы, чтобы сначала высказался подполковник. Кто он? Судя по голосу, грузноват, дороден и вряд ли газетчик. Хотя сейчас и газетчик в полку лишний.

А вот адъютант Сашка был всегда готов. Ему уже все до конца ясно. Что-то будет, когда бог даст ему первый орденок!

— Я, товарищ подполковник, как и командир полка, воюю с двадцать второго июня; три раза ранен,— говорил он увлеченной скороговоркой, с хрипотцой азарта.— Можно сказать, ветеран. Но в подобном красивом бою участвовать не доводилось. Сказка, а не бой! Так только на больших маневрах бывало в западных округах... Помните, которые в кино показывали!.. А уж после того, что было этим летом, после двух окружений, я и мечтать не мечтал, что когда-нибудь буду в таком бою.

— Н-да,— промычал подполковник неопределенно, впрочем, без малейшей насмешливости.

А Бабушкин подумал о том, с какой непринужденной, ненаигранной легкостью Сашка сказал о двух окружениях, которые не забудешь до гробовой доски. Точно это не с ним было! Точно он видел это в кино!

В первом окружении Алексей Михайлович стал ротным, из второго вышел комбатом. Будь бы Сашке не меньше, а хоть чуть больше двадцати, он с его солдатским опытом и храбрым языком далеко пошел бы!

Адъютант чиркнул спичкой и зажег керосиновую лампу.

— Меня командир полка послал с третьим батальоном. Я шел с третьим батальоном... Ну, поле боя вы видели — белая простыня, под снегом — болото, все как на ладони, простреливается крест-накрест. Кроме того, на нем минные поля, проволока. Противник сидел в противотанковом рву; ров еще наши отрыли летом на полный профиль... А мы были метрах в четырехстах от рва. И вот на этой самой простыне развернулся в боевые порядки стрелковый полк в полном составе — с пулеметами, минометами, артиллерией, все хозяйство Бабушкина... И — без звука, без искорки, как привидение, будто шапку-невидимку надел! Можете судить, товарищ подполковник, какая же у полка была голова.

«Ишь, живописует... конферансье... Сашка Македонский...» — подумал майор с чувством неловкости, но тут же поймал себя на том, что охотно слушает.

— Ночью, когда занимали исходное положение, откровенно говоря, бросил он две мины. Две свиньи — тяжелые. Я до сих пор слышу, как они визжат. До смерти напугал. Неужели, думаю, обнаружил, видит?.. Все насмарку! Верно, потом до рассвета — ничего, одни ракеты. Спал он честно-благородно... В восемь

сорок пять, еще в сумерках, началось наше артиллерийское наступление. Нас поддерживало пять артполков, вы знаете. Тут только противник стал соображать, что мы затеваем, да поздновато... Ох, дали прикурить! Поработал бог войны! Полтора часа, вернее, час двадцать пять, над противотанковым рвом стояла стена дыма, земли, талого снега и немецкого духа... Последние три залпа дали «катюши». Их было восемь дивизионов! Я такого грома еще не слыхивал. Воздух сгустел, его носило валами, как морской прибой. Просто на ногах не устоишь! Здорово еще ахнуло, когда саперы подняли на воздух минные поля. Разом рванули, вроде бы сотню паровых котлов,— и ваших нет... И пошел Бабушкин в атаку всем полком, тремя батальонами! Я был с третьим батальоном...

Майор слышал, как гость кашлянул заинтересованно. И подумал с непроизвольной дрожью в сердце:

«Так, Сашка, так... Огонек бы. Огня дали. Ну, да ведь пора! Не июль — декабрь на дворе. И за спиной Москва».

— Пошли в атаку!..— повторил адъютант нараспев, с восторгом, будто речь шла о том, что пошли удить форель на озере Севан.

Ах, Сашка, Сашка! Мальчик в модной кубанке... Ему бы в шахматишки резаться, крутить солнышко на турнике. А у него уже три золотые нашивки на гимнастерке. Прихрамывает в сырую погоду. Хлебнул он стыда и горького страха окружений. Чудом не захлебнулся. Но в душе ни трещинки, ни щербинки. Весь нараспашку, весь живой! И радуется. Чему радуется? Красивому бою, в котором запросто мог сложить чубатую голову, как и в некрасивом.

— Пошли, товарищ подполковник... Всего я не смогу вам доложить. Э-то надо видеть своими глазами! Развернули знамя полка. Его несли три автоматчика: ефрейтор Черкасов, старший сержант Пахомов, рядовой Абрамов, бывший боксер-перворазрядник. Все трое погибли. За боевым знаменем шло шефское с золотыми кистями — подарок рабочих столицы. Каждый батальон нес свой батальонный флаг. Красное полотно, как пламя, и на нем — инициал комбата! Роты тоже несли свои флажки — треугольные, на штыках винтовок у самых рослых, правофланговых... Все поднялись — и кадровые, и новобранцы, и хворые, и слабосильные. Есть у нас без двух пальцев на ноге после ранения, с неважнецким зрением после контузии. И те пошли. У повара первой роты вот тут, над виском — недостача, нет куска кости. Кожа над самым мозгом дышит — в жару или когда волнуется. И он шел. В санчасти — ни одного. Санчасть — на поле боя. Теперь дальше... Командиры подразделений, как один, двигались в цепи, в боевых порядках. Их все видели, и они все видели, вели. Никто не сгибался, не кланялся, никто не полз. Стрелки не перебегали, шли в рост, как в строю. И забыл еще вам сказать — с оркестром!

Сашка замычал, прикуривая от керосиновой лампы.

— Оркестр у нас — девять человек. Сыгрались ребята так, что могли шпарить без дирижера. А дирижер-то у них классный, из Московской консерватории. Может, слышали — Барабохин. Ох, черти, сыграли!.. Знаете, колонный марш, музыка заслуженного деятеля искусств комбрига Чернецкого. На парадах исполняют. Трубы рыкали, как львы... Барабан — пушка... Не передашь, как играли. Не идти хотелось — плясать, лететь. И рвать их зубами, ломать им хребты, как на Чудском озере. Огня не замечали и не вели. Шли за своим огневым валом, точно за броней. И рвались скорей сойтись с ним лицом к лицу, врукопашную! Ни один не отстал, не спрятал башку в яме из-под снаряда. Никто не сомневался, что погоним его из рва...

Сашка задохся от восторга, откашлялся.

— Я шел с третьим батальоном, товарищ подполковник. За первые сорок минут наступления батальон прошел около четырех километров и потерял убитыми не то семь, не то девять человек и еще, правда, процентов десять ранеными. Все! Все, товарищ подполковник!

«Не врет»,— отметил про себя майор с затаенной гордостью и... с досадой.

Да, потери в полку после такого боя малые. В июле, августе, отступая, мы теряли неизмеримо больше. И шикарно сказал Сашка про оркестр и про то, как хотели рукопашной... Но это не все, отнюдь не все.

Подполковник стал расспрашивать прежде всего об оркестре и полковой музыке. Гость из фронта хотел знать, как шли музыканты — строем или цепью, докуда дошли? Странный у него, однако, интерес, непрофессиональный. Скорее любопытство. На его месте полагалось бы интересоваться самым важным: как вошли в прорыв правее рощи Лань, развивая сорокаминутный успех полка, главные дивизионные, а следом и армейские силы. Вошли в прорыв... И раздвинули плечи! Не полк — армия тут ударила, и командующий, генерал-майор, выдвинул сюда свой НП.

Впрочем, Сашке об этом невдомек. Сашка джигитовал на своем коньке... Ему были известны такие подробности, о которых майор и не подозревал. Барабанщик в оркестре, оказывается, из польского джаза, а старшина Барабохин — композитор. Майор припомнил, что видел Барабохина в землянке, при свете сальной коптилки, с балалайкой и листом нотной бумаги. Ущипнет на струне ноту,— запишет. Сочинял, стало быть, а балалайка заменяла ему фортепьяно. Способный, конечно, парень. И смелый. Влюбленный в свое дело — это высшая смелость. Но майор не умилился. Давным-давно, уже целую жизнь, Алексей Бабушкин воевал, и это стало его делом.

После того, как он всыпал дирижеру десять суток, комиссар полка вступился за Барабохина. Попросил отложить, не до боя, а всего только до первого исполнения, ибо дороги эти десять суток... А там приехал член Военного совета, заслушался. И помиловал майор дирижера, как калиф Шехерезаду.

Бойцы не ревновали к музыкантам, не считали их баловнями. Возвращаясь с изнурительных ночных учений, когда и есть неохота, а только бы разуться да лечь, батальоны давали под музыку ножку — на красоту. И вот, изволите ли видеть, атака с оркестром! Кто это выдумал? Считалось, что комиссар. Должно быть, комиссар. Майор, подумав, согласился попробовать. Начальник штаба полка нанес на карту, рядом со знаком третьего батальона, значок оркестра. Доложили члену Военного совета. Опасались, что вышутит. А он утвердил... И обещал доложить командующему.

На поле боя барабохинцы держались бесстрашно. Они шли, как знаменосцы. Что правда, то правда.

— Значит, вы провели нечто вроде психической атаки? — проговорил подполковник вопросительно.— Ну что ж, не все немцам психовать. У врага можно и поучиться. Сочтем, что этот тактический прием был использован, как трофей.

Майор Бабушкин мысленно засмеялся. Околдовал адъютант гостя из фронта! Ай да казак! Не одних девок ему сводить с пути истинного... Неужели в самом деле подполковник видит в трубах да барабанах секрет их успеха у рощи Лань? Психическая атака! Скажи еще: шапками закидали... Сашка помалкивал, шельмец. Он шел с третьим батальоном, за Барабохиным. А между тем первый батальон (без Сашки и оркестра) продвинулся вперед почти вдвое дальше третьего. Там, в первой роте, повар с дыркой над виском и замполитрука Шумаков.

Нет, товарищ подполковник, это не трофей. И учились мы нынче не у врага. Судя по сегодняшним пленным, взятым в противотанковом рву, «о н о — такое хлипкое...» Это слова новобранца Федора Шумакова. Вот как у нас пошло под Москвой!

Противнику и не снился тот подъем, с которым мы атаковали противотанковый ров. Считается, что это заслуга комиссара. Должно быть, его. Незабываемо он вручал флаги батальонам. Не то чтобы на виду у противника, но впритирку к переднему краю, выстраивались в линию взводов. Флаг вручался комбату за три дня до наступления, и он его целовал. Присутствовал член Военного совета армии. Праздник был. Впрочем, праздники забываются, а это не забудется.

Немцы порывались помешать. Один снаряд вмазали вплотную. Чуть не ранило тогда члена Военного совета. Кто-то скомандовал по привычке: «Ложись!» Не послушались... Любо!

На рекогносцировке убило комбата-один Познышева. Попал под пулю снайпера. В лоб, под каску, наповал. Батальон — единственный обстрелянный, сводный, все, что осталось от полка после Смоленска. Комбата любили. Тело его пронесли под эскортом стрелковой роты. А оркестр играл «Вы жертвою пали...» Бойцы плакали. Клялись над могилой. Прежде мы не умели так своих героев провожать. Сколько Познышевых наспех зарыто в братских могилах от Бреста до Москвы...

Но и это не все. Если бы только это одно было в «ранце солдата», действительно впору бы «психовать», мечтать о рукопашной.

В памяти майора вставал тяжкий месяц ноябрь, после знаменитого парада на Красной площади. Одним батальоном Познышева держали оборону. Два других, целиком из добровольцев-москвичей, выводили на тактику. Выводили на открытое поле... Начальник штаба — мастер на «вводные». Крикнет он, бывало: «Противник открыл минометный огонь!» Глядишь, немец и вправду подкинет десяточек мин, полдюжины снарядов. Поучит закапываться. Военный навык: ближе к противнику — безопасней! Его прививали, как оспу. Неделя без ночных учений считалась недоделкой. А с маршем, с ночлегом на снегу, на хвойной постели, под хвойной крышей, без костра — вот неделя солдата. Из этих-то зерен и выросли и выдержка, и порыв, и малые потери.

Шумаков и штрафной флейтист начали страду с танками. Через нее пропустили всех: майор Бабушкин сам побывал в той траншейке с гранатой и бутылью.

Понятно, солдатское учение не музыка. Оно скучней. Оно накладней. Его музыканты зовут муштрой. Но когда в полку получили наконец боевой приказ, не сомневались: люди в атаку поднимутся и под огнем лежать не будут. Комиссар и начальник штаба знали в лицо направляющих в отделениях — вожаков атаки, тех самых, которых пуля боится и штык не берет. Когда узнали, что полку быть ударным в армии, не испугались, не смутились. Приняли за должное. Кому же еще? Потрудились.

Вышли на исходное положение вовремя, не раньше, не позже. Но — ребячество, Саша, видеть тут чудо, шапку-невидимку. Правда, есть у нас любители поплутать и припоздниться на рубеж хотя бы на десяток минут, обнаружить себя, дать обстрелять. Компаса не знают, по азимуту не хаживали, в окружениях не бывали... Лес для воина — выгодней поля, но для зеваки — ловушка. А наш фронт, начиная с Полесья,— лес и болото.

«Ни звука, ни искорки?..» Глупость, Саша! Шумели... Шумели нормально. Ночь, туман. Снежок. Тишина вспугнула бы врага. Под шумок-то и выволокли артиллеристы свои стволы метров на пятнадцать — двадцать впереди цепи стрелков. И закопали до восьми сорока пяти.

«Командиры — все в цепи...» Очень плохо, младший лейтенант! Тебе — хвастать, а мне — урон. И боец за командира боится. Отвлекается от своего дела. А то и любуется командиром и сам форсит под огнем. Это зачем же?

Час двадцать пять, пока длилась артиллерийская гроза, покуривали. Пели в траншеях: «Распрягайте, хлопцы, коней...» Эту песню слышишь перед каждым боем, как закон. Оркестр тоже играл. Но слышал ли он сам себя за орудийным гулом? Вряд ли.

Как только встало дыбом минное поле, бойцы поднялись без команды. Как музыканты без дирижера! Вот в чем соль... В этом бою все были кадровые, уже не новички. Знали, что снаряд — проводник солдата. От него не отставай. Вот и шагали. Смотри, мол, пушкарь, как тебе, стрелок, верю. Шли и в рост, были и обычные перебежки... Нечего, Саша, зря-то «дуть». Не в том шик, что не сгибались, не кланялись, а в том, что прижались без страха, без оторопи, разумно, к своим разрывам метров на семьдесят—полтораста! Вот чего добивались, а не рукопашной... Конечно, при этом в цепи были легко раненные своим же огнем. Но и они не залегли. И тот-

час следом за третьим залпом «катюш» ворвались в противотанковый ров.

Рота, где тот повар и Шумаков, подошла ко рву первой. Некоторых там наши же «катюши» обожгли. Коротенькое было «ура»... Немецкие офицеры не успели из блиндажей выскочить, а мы — у них на плечах. Ну, и, прямо скажем, пленных спервоначала не было. Они появились через час. Человек до ста! И только через час десять минут, когда полк свое дело сделал, противник начал отвечать более или менее организованным огнем из глубины. Минометным.

Так что оркестр-то был. Разумеется, был. И сыгранность была, можно сказать, музыкальная.

Что получалось неплохо — управление сигналами. Достаточно было жеста, знака, чтобы боец или целый взвод тебя поняли. С чем это сравнить? С дирижерской палочкой! Стрелки, пулеметчики, минометчики играли по своим нотам, но одну музыку всем скопом. Барабохин называет это ансамблем, мы — просто взаимодействием.

И были в полку (прости, господи, прегрешенье...) солисты такие, как Шумаков...

Майор Бабушкин открыл глаза и разом, не боясь показать, что не спал, поднялся на обе ноги. Встал по-молодому, выпрямил спину и сутулости своей не показал. Глянул на часы. 16.30 без минуты. Как заказано! Алексей Михайлович чувствовал себя отдохнувшим, бодрым и собранным. Голова была ясна. И ему хотелось сказать озорно, едко:

— А оркестром... я дирижировал, не Барабохин!

Адъютант, словно на строевом плацу, козырнул командиру полка, щелкнув каблуками так, что незримые шпоры зазвенели. Но майор не уступил, тоже щелкнул... Малый понятлив, почуял неладное — и в сторону. Улыбаясь ему вслед, майор поздоровался с подполковником.

Подполковник, невысокий ростом, плотный, гладкий, не понимая его улыбки, настороженно и несколько высокомерно приподнял белесые брови. Но Бабушкин не обратил на это внимания. Сев рядом с гостем на деревенскую скамью у круглого полированного обеденного стола, майор любезно позвал:

— Александр Мокеевич!

Адъютант мгновенно вырос перед ним.

— У Шумакова был?

— Так точно. Час, как от него. Командир роты ранен в голову, замполитрука Шумаков принял командование ротой.

— Это мне известно. Что он делает?

— Закапывается.

— До сих пор? Так с утра и не перестает?

— Нет вроде...

— Что значит «вроде»? Что он делал, когда ты уходил?

— Закапывался.

— Кто же это его надоумил? Может, раненый командир? Или ты?

— Нет. Он сам.

— Мо-лодец! Грамотный мужик, а?

— Между прочим, товарищ майор, с ним тот самый флейтист. Неведомо какими путями к нему попал. Говорят, прилепился после противотанкового рва и не отстал. А Барабохин его в потери записывает...

— Это понятно,— сказал майор.— Я бы сам прилепился к Шумакову, как к брату.

— Нашли там в какой-то яме еще гражданского, из здешних жителей. С гармонью. Шумаков их обоих — в переднюю траншею, заставил играть. Шпарят дуэтом без передышки.

— Зачем?

Адъютант небрежно пожал плечами. Майор насупил брови.

— Ну, так я тебе объясню, зачем! Попозже...

— Я понимаю, товарищ майор: хочет подбодрить...

— Вопрос: кого подбодрить, младший лейтенант,— перебил майор.— Противника он «подбодряет»! Дошло? Ты что такой — на себя непохожий? Чем недоволен?

— Выгнал он меня, товарищ майор.

— Как! Моего офицера связи?

— Велел вам доложить, что выгнал...

— За что? Мешал ты ему?

— Нет вроде...

— Опять «вроде»,— проговорил командир полка, прищуриваясь.— Хотел принять командование ротой?

— Хотел, товарищ майор...

Бабушкин рассмеялся от души, хлопнул ладонью по столу.

— Ну, спасибо, что хоть не темнишь. Опиши, что перед ним?

— Метрах в ста кустарничек, такой драненький. Оттуда постреливают короткими очередями, редко, лениво. Раз в пять минут примерно кидают одну-две мины по тому месту, где флейта и гармонист. В общем, тихо...

Майор пристально оглядел адъютанта с ног до головы.

— Ты что это дурака валяешь, Александр Мокеевич? Ты что мнешься? Нездоров?

— Так я говорю, товарищ майор: перед его траншеей — два танка.

— Два танка! — вскрикнул командир полка.

— Ну да. Один, который подальше, горел. Экипаж его Шумаков расстрелял, валяются на виду трое. Другой танк поближе — на одной гусенице. Экипаж внутри, но огня не ведет, башня задрана к небу.

Майор бегло, нервно постучал концами пальцев по столу.

— Вылазки немецкие были к танкам?

— Пока Шумаков не подпускает. И его к ним не подпускают. Вот что ночь покажет... Но врет... врет, понимаете, в глаза, будто первый танк тот флейтист поджег!

— Ах, ты... сукин ты сын...— сказал майор, не повышая голоса, скупо приоткрывая свой большой рот.— Начальника штаба ко мне!

— Он уже знает все...— быстро проговорил адъютант, и лоб его под кубанкой вспотел.— Товарищ майор! Головой отвечаю, что вранье. Может, сам Шумаков поджег, ничего не скажу, но только не тот. В жизни не поверю. Врет нахально...

— Хор-рошо врет, Саша! Поучиться у него врать. А если не врет? Сказано: тяжело в ученье — легко в бою.

— Вообще-то он метко бросает эти... бутылки «КС»... Говорит, что набил руку на игре в кости. Что это за игра?

— Азартная. На большие деньги,— с усмешкой ответил Бабушкин.

— Вот видите! При чем тут танк?

Бабушкин покачал головой.

— Ревнуешь, завидуешь? А еще хотел принять роту. Ты герой, Саша, но не командир. По мне, брат, танк, который флейтист поджег, всего дороже.

— Простите, не доходит, товарищ майор...

— А ты не дури, не дури у меня. Начальника штаба, я сказал!

— Есть.— И тут же зажужжал зуммер.

Гость из фронта заметно покраснел. Он слушал Бабушкина с накипающим раздражением. Терпение его истощалось.

— Прошу прощения, товарищ подполковник,— бросил вполголоса Бабушкин и тут только заметил на его петлицах серебристый значок военного юриста, слабо блеснувший в свете керосиновой лампы.

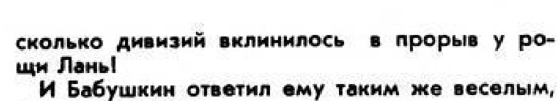
«Прокурор? Начальник трибунала?» — подумал Бабушкин, но и теперь намеренно не осведомился, с кем имеет дело.

Бабушкин встал, оперся руками о стол и, глядя себе на руки, словно под ними была расстелена карта, сказал:

— Состояние вверенной мне части расцениваю как трудное. Второй батальон, на моем правом фланге, продвинулся всего метров на восемьсот, третий, в центре,— на четыре километра, как уже докладывал младший лейтенант, а первый, правофланговый,— порядка семи-восьми километров. Как раз головной ротой на правом фланге командует замполитрука Шумаков. Таким образом, я зарвался правым флангом и увяз левым. Управление полком в настоящий момент считаю расстроенным. Не научились пока еще воевать в условиях тактического успеха, в глубине. В этом вопросе нет зрелости — головокружение. Как говорится, взяли самую высокую ноту, натужились до самого сильного форто-фортиссимо... и сфальшивили, пошли врозь!

Подполковник усмехнулся. Взгляд его сейчас был спокоен и умен.

— А какое это имеет значение, товарищ майор...— неожиданно сказал он,— вот это все ваше расстройство... в условиях, когда несколько дивизий вклинилось в прорыв у рощи Лань!



И Бабушкин ответил ему таким же веселым, умным взглядом.

Часто, сильно стуча каблуками сапог, вошел, почти вбежал комиссар и с порога закричал:

— Командир! Друг ты мой дорогой! С фортуной тебя, с викто-рией! Армия идет вперед. Товарищ подполковник, армия наша пошла. И больше вам скажу: не мы одни... зашевелился весь фронт под Москвой... Чуете, други? Прогнулся на запад, впервые на запад! Кажется, кажется, идет то время, когда мы увидим в сводках не рощу Лань, а населенные пункты и города.

Алексей Михайлович грузно сел, радостно шепча:

— Не сглазить бы.

Вошел начальник штаба и тоже с ходу доложил:

— Товарищ майор, перед Шумаковым, по-видимому, танковое подразделение немцев в нашем полном окружении. Первый котел в моей жизни, товарищ майор!

— Котелок...— поправил Бабушкин с шумным вздохом.

И выжидающе повернулся к подполковнику. Тот развел руками.

— Строго говоря... я не вправе разглашать... И я к вам по другому делу, касательно штрафника. Но не могу удержаться. Как будто бы у нас... вы уже слышали, вероятно... будет гвардия! И по всем статьям, по всей видимости,— закончил он, качая головой, точно с сожалением,— быть вам, товарищи, гвардейцами.

Майор обернулся на шорох и рассмеялся с закрытым ртом. За спиной у комиссара, в тамбуре блиндажа, в полутьме, приплясывал от радости Сашка.

*

С той поры минуло четверть века...

Ныне для многих — и ветеранов и молодых — та пора, те люди и дела — уже легенда.

„ЭХО ВОЙНЫ"



Не каждая картина или скульптура об Ильиче — открытие, шаг вперед. Многим художникам не хватает взыскательности к себе, высокого гражданского чувства ответственности перед темой. Маяковский, приступая к работе над поэмой «Владимир Ильич Ленин», говорил: «Я боюсь этих строчек тыщи, как мальчишкой боишься фальши»...

На меня произвел сильное впечатление портрет Ильича, изваянный скульптором Борисом Едуновым. И стоит хоть на миг задержаться возле него, как вы начинаете всматриваться, все глубже и глубже постигать дорогой вам, такой близкий и знакомый образ вождя. И вам уже трудно оторваться от него. В нем выражен Ленин таким, каким он живет в вашем представлении — Вождь, Мыслитель, Человек. Этот синтез многогранного характера, образ могучего и разностороннего гения редко кому удавался.

Борис Едунов — мастер психологического портрета. В этом отношении он позаимствовал все лучшее у своих учителей, замечательных портретистов В. В. Лишева и Н. В. Томского. У Лишева он учился в Академии художеств в Ленинграде в пятидесятых годах, у Томского он учится и по сей день, продолжая работать в его мастерской в течение уже многих лет. И мне кажется, что ученик Томского Борис Едунов в своих лучших работах, таких, как портреты И. Д. Шадра, Н. А. Андреева, поэта Павла Васильева, продолжает лучшие традиции учителей.

И дело тут не столько в пластичности и завершенности формы, так характерной для Едунова, сколько в человечности его творений, в тончайшем проникновении во внутренний мир создаваемых им образов, в умении уловить иногда едва заметные, но весьма существенные черточки характера и передать их мягко, не нарочито. И тут наиболее примечательным для Бориса Едунова служит, на мой взгляд, одна из лучших его работ — «Эхо войны». Обратившись, быть может, и не к столь уж новой теме, взяв и сюжет композиции не такой уж необычный, скульптор сумел вдохнуть в него такую силу чувств, что небольших размеров скульптура получила то глубокое символическое звучание, с которым связано понятие монументальности. Перед нами пахарь, вернувшийся с войны, пашет поле. Но вот лемех вывернул из земли солдатскую каску. В стеганом ватнике, кирзовых сапогах и старой фронтовой шапке, он присел и в глубокой задумчивости рассматривает свою находку. Сюжет, композиция — все здесь уходит на задний план и кажется второстепенным, несущественным, потому что все внимание зрителя сконцентрировано на одном: образе человека, его судьбе. И через судьбу этого человека отчетливо проходит судьба народа нашего. О чем думает человек на пашне? Наверное, то же самое думал Андрей Соколов у Шолохова, когда он стоял над фугасной воронкой, оставшейся от его родного дома. Высокие думы о человеке, о добре и зле, думы о жизни и судьбе Родины начинают тревожить зрителя. Думы суровые, мужественные, добрые и доверчивые, как и лицо бывшего солдата.

Борис Едунов пробует свои силы в монументальной и декоративной скульптуре, и, надо сказать, весьма успешно. Его композиции «Матросская песня», «Первый улов» и в особенности фонтан «Русская красавица» говорят о незаурядных возможностях скульптора и в этом жанре, требующем особого зрения, художественного вкуса и чувства времени.

У Бориса Едунова хороший разбег.

Владимир ФИРСОВ

Бронислав КЕЖУН

У СМОЛЬНОГО

Город мой, живущий в мирном гуле,
Ты своей рукой в сердца людей
Навсегда вписал названья улиц,
Имена чеканных площадей.

Славу им, размашисто раздольным,
Добывал по-богатырски ты...
Мы глядим на площадь перед Смольным,
На ее знакомые черты.

На дома простой архитектуры,
На асфальтовое полотно...
«Площадь Пролетарской диктатуры»—
Имя этой площади дано.

Здесь гремели вихри грозовые,
И отсюда в смертный бой пошли
Новая история России,
Новая история Земли.

Шли на фронт рабочие ребята,
Шли матросы — белых побеждать,
Диктатуру пролетариата
Собственною кровью утверждать!

Это было всех начал начало:
В блеске молний, в зорях кумача
Здесь октябрьской ночью прозвучало
Слово дорогого Ильича.

Вот он сам стоит на пьедестале,
Смотрит в дали, как с броневика,
И как будто снова льется в дали
Речь его, живая на века.

Эти дни, как боевой пароль нам...
Пусть летят сквозь миллионы лет
Гром «Авроры»,
Красный флаг над Смольным,
Ленина лучистый силуэт.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОРДЕНА

В экспозиции Центрального музея В. И. Ленина в зале, посвященном образованию Союза Советских Социалистических Республик, появился интереснейший экспонат. Бросив на него первый взгляд, думаешь: значок. На самом деле это орден Труда Хорезмской Народной Советской Республики, которым был награжден Владимир Ильич Ленин.

ХНСР была одной из первых народных республик Средней Азии.

В январе — начале февраля 1920 года части Красной Армии совместно с отрядами повстанцев изгнали из Хорезма банды Джунаидхана. Жители Хивы радостно встретили освободителей.

I Всехорезмский народный курултай — так назывался съезд народных представителей, открывшийся 27 апреля 1920 года,— объявил Хивинское ханство упраздненным и избрал новое правительство — Совет назиров. Почетным председателем курултая делегаты выбрали Владимира Ильича Ленина и послали ему письмо. «Трудящиеся массы Хивинской республики,— писали делегаты,— сегодня вступают на путь совместной работы с пролетариатом России и всего мира и твердо верят в неизбежное и близкое раскрепощение Востока и наступление социалистического строя. Да здравствует единение трудящихся всего мира!»



Орден Труда Хорезмской Народной Советской Республики, которым был награжден В. И. Ленин.

Владимир Ильич Ленин внимательно следил за развитием молодых республик. Он подчеркивал, что в этих республиках, где крестьянские массы составляют большинство, необходимо проявлять по отношению к ним внимание и заботу, терпеливо воспитывая новые кадры борцов за социализм.

«С радостью извещаем Вас, что мы приступили к мирному строительству Советского Хорезма»,— читаем мы в письме В. И. Ленину, посланном Центральным Исполнительным Комитетом ХНСР 4 апреля 1922 года. «Мы, придерживаясь строго Ваших заветов, делаем все, чтобы уничтожить туркмено-узбекскую вражду, которую так заботливо растило старое царское правительство, и слить все народы Хорезма в единую братскую семью. Мы принялись за устройство жизни наших дехкан, следуя Вашим словам, которые глубоко запали в сердце каждого из нас».

В память второй годовщины хорезмской революции был учрежден орден Труда. И первым, кого наградила республика, был почетный председатель курултая Владимир Ильич Ленин.

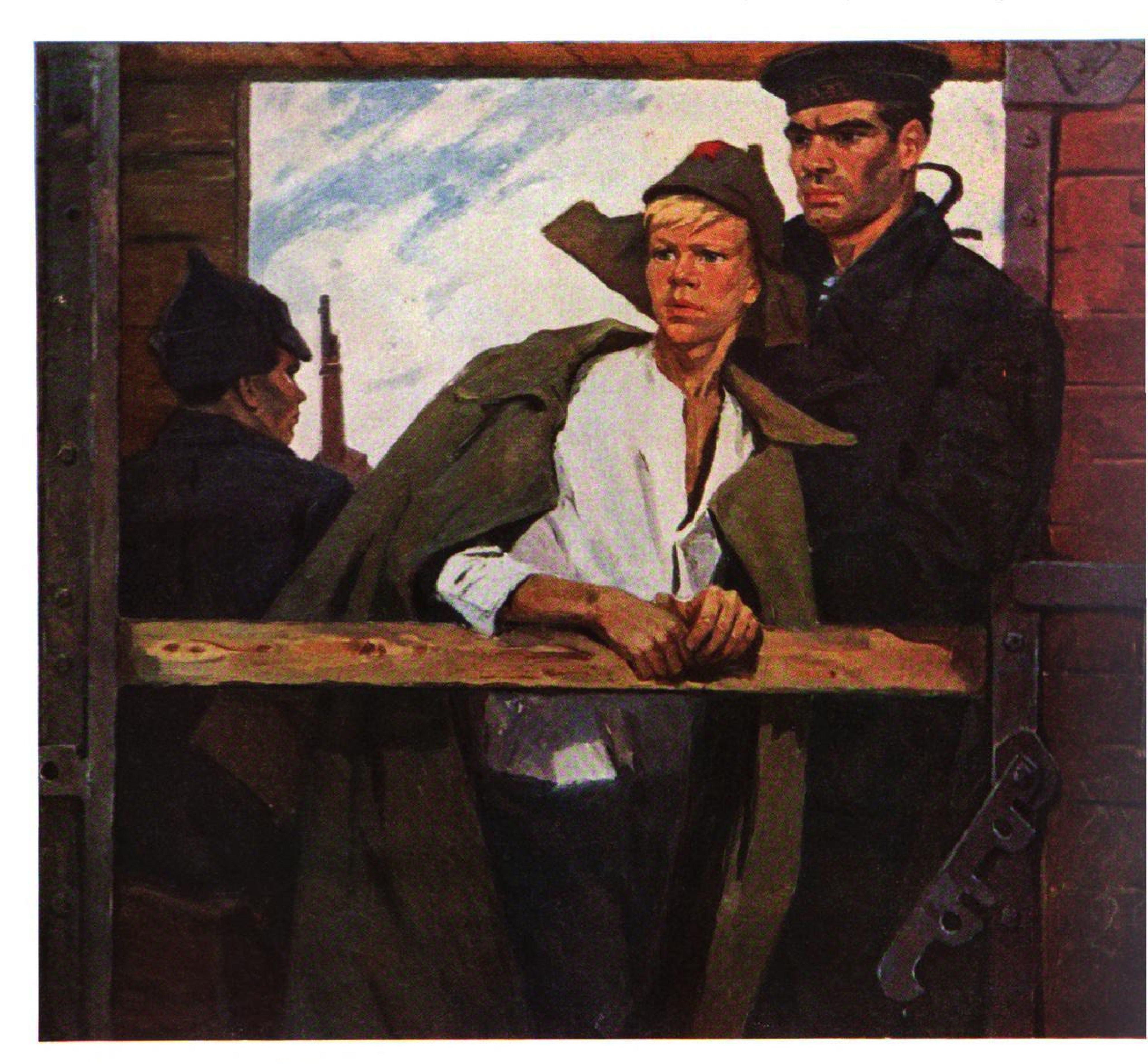
Орден Труда привезли в Москву. В августе 1922 года для вручения В. И. Ленину орден был доставлен в Совнарком вместе с сопроводительным письмом на имя Л. А. Фотиевой. Владимир Ильич в то время был в Горках.

«Мы просим Вас, дорогой и любимый наш учитель,— говорилось в письме от 4 апреля 1922 года,— принять этот орден согласно постановлению Центрального Исполнительного Комитета и носить его как символ освобождения труда на Востоке после многовекового рабства».

Прошли годы. Когда был организован Центральный музей В. И. Ленина в Москве, орден Труда, без документов, вместе с другими личными вещами Владимира Ильича и подарками поступил в музей. Долгое время считали, что это какой-то восточный значок. И только в 1962 году в Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС было обнаружено письмо, в котором говорилось, что Совнарком получил из Народного комиссариата иностранных дел орден Труда ХНСР. Тогда-то и началась кропотливая работа по сбору сведений о хорезмском ордене. Удалось уточнить дату награждения В. И. Ленина — 4 апреля 1922 года. Это позволяет утверждать, что Владимир Ильич был первым кавалером ордена Труда.

А теперь несколько слов о самом ордене. Хорезм издавна славится искусными мастерами-ювелирами. Первый советский орден республики был выполнен с большой любовью, и по своему оформлению он заметно выделяется среди других орденов Труда. Орден отчеканен из серебра, в середине его, на темно-синем фоне, золотой сноп пшеницы, а внизу первый герб ХНСР: лопата и серп поверх стебля джугары. Сверху два молота. Орден обвивают две серебряные ветви, увенчанные золотой звездой и полумесяцем.

А. ШЕФОВ



Л. Шполянская. ЗАРЕ НАВСТРЕЧУ.



Е. Моисеенко. ТРУБАЧ.

ГЕРОЙ О ГЕРОЯХ

К 75-летию со дня рождения Дмитрия Фурманова

Александр **ИСБАХ**

Дмитрий Фурманов родился 7 ноября 1891 года. Ровно через двадцать шесть лет в Иваново-Вознесенске, городе ткачей, происходило очередное заседание Совета. Депутат Совета Дмитрий Фурманов был срочно вызван на телеграф. После короткого разговора с Москвой он стремительно возвратился на заседание.

— Товарищи! Временное правительство свергнуто!..

Минута молчания. И «Интернационал». Запевает Фурманов.

Великая Октябрьская революция определила весь путь этого человека, ставшего несгибаемым большевиком, легендарным комиссаром Чапаевской дивизии, любимым писателем советского народа.

О том, как велика была роль комиссара Фурманова в Чапаевской дивизии и в воспитании самого Чапаева, знают миллионы читателей книги «Чапаев» и десятки миллионов зрителей замечательного фильма. Но Фурманов был комиссаром не только у Чапаева, а и у другого прославленного героя гражданской войны, Епифана Ковтюха, изображенного под именем Кожуха в классическом романе А. С. Серафимовича «Железный поток». Вместе с Ковтюхом возглавил Фурманов красный десант, действовавший на Кубани и разгромивший врангелевского генерала Улагая. Именно за подвиги на Кубани награжден был Фурманов орденом Красного Знамени.

В своих воспоминаниях о комиссаре Епифан Ковтюх писал: «Д. А. Фурманов показал образ мужественного комиссара и бойца, личным примером ободряя и воодушевляя красноармейцев. Я не знал другого комиссара, который так бы умел влиять личным поведением на бойцов. Он глубоко знал психологию масс».

Комиссар Фурманов умел находить доступ к сердцам человеческим. Вдохновляя своих бойцов на подвиги, он никогда не лгал им, не преуменьшал трудностей, не приукрашивал действительности. Он умел поднять своих бойцов в атаку и умел позаботиться о самых насущных их нуждах и добиться помощи там, где она была необходима.

Об этом говорят десятки сохранившихся дневниковых записей, донесений, писем. Вот одно из них:

«Объезжая цепи в течение последних дней, вижу невероятно трудное положение красноармейцев. Нет белья, лежат в окопах нагие, сжигаемые солнцем, разъедаемые вшами. Молча идут в бой, умирают, как герои, даже некого выделить для наград. Все одинаково честны и беззаветно храбры. Нет обуви, ноги в крови, но молчат. Нет табаку, курят сплошной навоз и траву. Молчат. Но даже молчанию героев может



наступить конец. О благороднейших героях мы заботимся не по-геройски. Мы, несомненно, неправы перед ними. Сердце рвется, глядя на их молчаливое терпение. Не допустим же до разложения одну из самых крепких твердынь Революции! Разуйте и разденьте кого хотите. Пришлите материал, мы сошьем сами, только дайте теперь что-нибудь. Мобилизуйте обувь и белье у населения»...

(Из письма, адресованного Фрунзе и РВС 4-й Армии. Хутор Журавлев, август 1919 года, незадолго до отъезда из Чапаевской дивизии.)

Читая подобные письма Фурманова, начинаешь лучше понимать значение его замечательного эпиграфа к «Чапаеву», который так и не вошел в книгу:

«Мужикам Самарской губернии, уральским рабочим, красным ткачам Иваново-Вознесенска, киргизам и латышам, мадьярам и австрийцам — всем, кто составлял непобедимые полки Чапаевской дивизии, кто в суровые годы гражданской войны, часто без хлеба, без сапог, без рубах, без патронов, без снарядов, с одним штыком сумел пройти по уральским степям до Каспийского моря, по самарским лугам на Колчака, на западе против польских панов, кто мужественно бился против белоказацкой орды, против полков офицерских, кто кровь свою пролил за великое дело, кто отдал жизнь свою на алтарь борьбы,— всем вам, герои гражданской войны, чапаевцы, я посвящаю эту книгу».

Комиссар одной из бригад Брауцей просил комиссара дивизии определить обязанности и роль комиссара в бригаде. Фурманов ответил:

«г. Уральск 16—7—1919

Комиссару 74/2 бригады

Товарищ!

Я не буду тебя учить тому, что надо делать: работа сложна и разнообразна, всего не предусмотришь.

Требую лишь следующего:

1. Точной исполнительности.
2. Напряженности в работе.
3. Спокойствия.
4. Предусмотрительности.

I. Используй всех подчиненных тебе работников, чтоб у них не было и минуты свободной. Вмени в обязанность комиссарам мелких частей не спать по деревням, а проверять и помогать Советам, беседовать с крестьянами и пр.

II. Внуши и укажи им, как сохранить авторитет, ибо некоторые комиссары унижают свое звание несерьезностью и слабостью.

III. Обращение комиссара с бойцами должно быть образцовым: спокойным, деловым, внимательным. Внушай к себе уважение даже обращением. Не позволяй оскорблять красноармейцев, тем более плеткой или кулаком: притягивай негодяев к суду.

IV. Не позволяй грабить, разъясни, как позорно это для Красной Армии рабочих. Нахальных грабителей тяни к суду, а с мародерами расправляйся еще короче: расстреливай на месте.

V. Держись ближе к организациям (судам и комиссиям): помогай им советом и проверяй работу.

VI. Притягивай всемерно красноармейцев к библиотеке: хоть раз в неделю —пусть почитает. Читай, объясняй сам, когда можешь, не смущайся тем, что мало слушателей.

VII. Строго наблюдай за техническими работниками, будь недоверчив, но не показывай своего недоверия, не оскорбляй, тем более не схватывайся ругаться: комиссар не должен ронять себя до ругани.

VIII. Отдельные эпизоды боевой жизни записывай. Раз в неделю присылай мне в двух экземплярах. Пусть будет кратко—зато свежо и интересно для газеты.

Военный комиссар 25-й стрелковой дивизии

(Д. Фурманов) *».

В этом письме весь характер Фурманова— комиссара, будущего автора «Чапаева» и «Мятежа».

В статье о творчестве Александра Серафимовича, высоко оценивая цельность любимого писателя, его веру в силы пролетариата, Фурманов писал: «Никогда не гнулся и не сдавал этот кремневый человек— ни в испытаниях, ни в искушениях житейских. Никогда, ни единого раза не сошел с боевого пути, никогда не сфальшивил ни в жизни, ни в литературной работе».

Именно так можно сказать и об авторе приведенных строк. Всегда решительный, принципиальный, строгий к себе и к другим и в то же время удивительно милый и внимательный товарищ, он и на литературном фронте оставался твердым и чутким комиссаром.

Всегда и везде отстаивая партийную линию в искусстве, Фурманов резко выступал против сектантов, догматиков, против людей, пытавшихся завести в тупик пролетарскую литературу.

Держать постоянно руку на пульсе народа! Это была одна из основных тем его речей и докладов. Это лейтмотив его публицистических статей. Высоко ценя руководство Центрального Комитета партии всем литературным движением, Фурманов взволнованно отмечал в одной из своих записей: «ЦК, ЦК: в тебе побудешь три минуты, а зарядку возьмешь на три месяца, на три года, на целую жизнь...»

В марте 1925 года в ЦК партии было совещание по вопросам литературы. Резолюция ЦК от 18 июня утверждала: «По отношению к пролетарским писателям партия должна занять такую позицию: всячески помогая их росту и всемерно поддерживая их и их организации, партия должна предупреждать всеми средствами проявление комчванства среди них, как самого губительного явления... Против капитулянтства, с одной стороны, и против комчванства, с другой — таков должен быть лозунг партии»...

Решительный противник групповщины и сектантства, Дмитрий Фурманов с большой радостью принял эти решения ЦК и выступал против всяких попыток их ревизовать. «Резолюция ЦК о художественной литературе,— писал Фурманов в своем дневнике,— открывает широкие, совершенно новые пути дальнейшего развития пролетарской литературы,— это необходимо понять. Кто не поймет, тот ходом событий будет отставлен от активного участия в ее развитии и поступательном ходе...»

Борьбе за партийность литературы он отдал всю свою жизнь, до последнего дыхания. В феврале 1926 года была созвана Чрезвычайная конференция Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Фурманов, больной, с высокой температурой, делает на конференции доклад, требует выполнения постановления ЦК о литературе.

Болезнь прогрессирует. Врачи запрещают Фурманову вставать с постели. Он вызывает своих друзей, участников конференции к себе, дает советы, как держаться, дает оперативные и тактические указания для борьбы с противниками, искажающими партийную линию в литературе. Он обращается к конференции с письмом: «Требую полностью выполнения постановления ЦК о литературе, привлечения «попутчиков», близких нам, очищения наших рядов от двурушников, интриганов и склочников...»

Вечером 13 марта 1926 года Фурманов, умирающий, вырываясь из рук державших его товарищей, говорил: «Пустите меня, пустите... Я еще не все успел сказать, не все сделал... Мне еще так много надо сделать...» С этими словами он потерял сознание и через два дня, 15 марта, в девять часов вечера, умер. Ему было только тридцать четыре года...

«Для меня нет сомнения, что в лице Фурманова потерян человек, который быстро завоевал бы себе почетное место в нашей литературе...— писал жене Фурманова, Анне Никитичне, узнав о его смерти, Максим Горький.— Он много видел, он хорошо чувствовал, и у него был живой ум...»

«Мир становится лучше. Вот — в нем все больше рождается таких орлят, как ваш муж...»

---

* Это письмо и другие документы будут опубликованы в истории Чапаевской дивизии, которая готовится к печати под руководством генерал-полковника в отставке Н. М. Хлебникова.

ПОМОЩЬ ПО-АМЕРИКАНСКИ

«Мы можем помочь. Мы должны помочь. Мы помогаем... Мы видим свою роль только в этом. Больше ни в чем». Так определил президент США Джонсон роль Америки в Азии, выступая с речью на Гавайских островах.

Одной из основных целей тихоокеанской поездки Джонсона, так же как и Манильского совещания, было стремление представить политику США как благородную миссию помощи азиатским народам. Свою агрессию против Демократической Республики Вьетнам, свое бесцеремонное вмешательство в дела Южного Вьетнама США в очередной раз попытались прикрыть маской миротворцев и защитников демократии.

Может быть, действительно стоит вспомнить, в чем выражалась эта «помощь» и «защита» американского империализма.

Вьетнам — не первая страна Азии, испытывающая на себе американское «дружелюбие». Народы Азии познакомились с ним еще на заре нашего века, когда молодой американский империализм только выходил на арену мировой политики.

Именно Соединенным Штатам выпала сомнительная честь развязать первую войну эпохи империализма, первую войну за передел поделенного мира. В ходе этой войны (разумеется, только во имя «спасения угнетенных народов от иностранного гнета!») США отхватили у Испании Филиппины. Почти 14 лет длилась партизанская война филиппинского народа против новых колонизаторов. Чтобы взять на себя «ответственность за судьбу Филиппин», американцам понадобилось 70 тысяч солдат!

Голубым флагом ООН пыталась Америка прикрыть сотни тысяч своих солдат в Корее в начале 50-х годов. США оказывали корейцам «помощь», сжигая их напалмом, рассеивая над рисовыми полями сельскохозяйственных вредителей и болезнетворные бактерии.

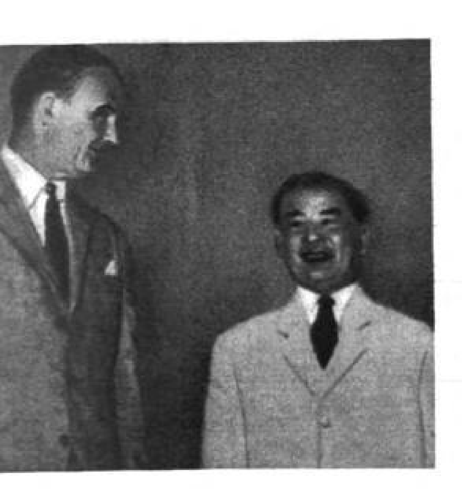
Снимок слева сделан в 1961 году, во время первой поездки по Азии тогдашнего вице-президента Джонсона. Вице-президент ласково улыбается южновьетнамскому диктатору Нго Динь Дьему. После того, как была сделана эта фотография, он скажет: «За 30 лет я ни разу не вел переговоры, которые были бы более успешны и более сердечны».

Дьем тоже улыбается. Еще бы, Джонсон назвал его «Черчиллем нашего десятилетия». Пройдет всего два года, и его устранят те же самые американцы, которых он считал своими вернейшими друзьями. (Кто сказал, что США вмешиваются во внутренние дела «независимых» государств?)

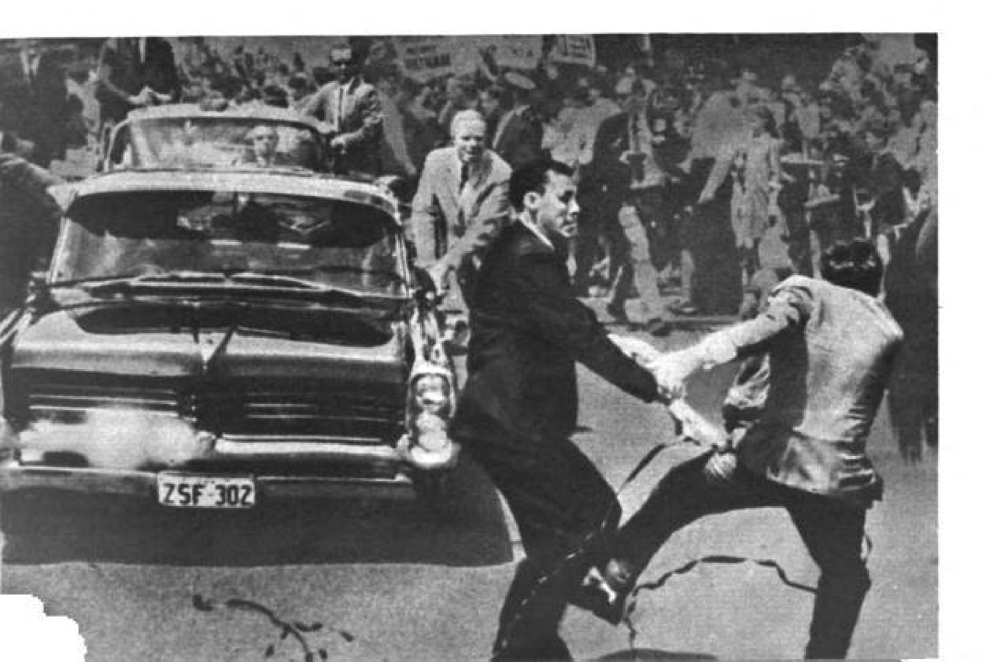
Следы, оставляемые в Азии нынешними американскими правителями, не менее заметны, чем следы их предшественников. Взгляните, как изобразил их один из американских художников. Не является ли этот рисунок лучшим выражением сущности американской «помощи»?

И не потому ли, встречая недавно Джонсона, тысячи демонстрантов страстно скандировали лозунги гнева и протеста. Так было не только в Азии. На снимке внизу — Сидней. Да, нелегко расчистить путь для президента Соединенных Штатов после того, как народы в полную меру познали и «помощь» и «дружелюбие» Америки!

А. ИГНАТОВ







Юр. ЗУБКОВ



АВТОГРАФ ГАЙДЕБУРОВА

Узнав о том, что изгнан из университета, Павел Гайдебуров не только ни в чем не раскаивался, но по дороге домой почти даже и не думал об этом: ни об исключении, ни о том, как скажет отцу... Все вытеснили впечатления студенческого спектакля «Без вины виноватые», в котором Гайдебуров участвовал, играя вместе со знаменитой Стрепетовой.

Всех на сцене — а более других его, Гайдебурова — Незнамова,— заражала Стрепетова, наполнившая образ своей Кручининой скорбным и гневным протестом против бесчеловечности и равнодушия, рабской покорности... Захватывая, электризуя зрительный зал, знаменитая русская актриса в течение нескольких часов держала его в неослабном напряжении...

Впрочем, это так лишь казалось, что, шагая домой, Гайдебуров думал только о спектакле, только об игре Стрепетовой. Просто все тогда: буря восторгов в зале и за кулисами, разразившаяся после спектакля; студенческие волнения и исключение Павла из университета — словно связалось в один тугой узел. И даже не только это. Но и то, что отец Гайдебурова — тоже Павел — был сотрудником некрасовского «Современника», а на страницах издаваемой отцом «Недели» печатались Салтыков-Щедрин и Достоевский, Лев Толстой и Чехов... Что у отца бывали Репин и Миклухо-Маклай, Лесков и Вересаев... И то, наконец, что девушка, о которой Павел так много думал теперь — Надя Скарская, талантливая начинающая актриса,— была родной сестрой знаменитой Комиссаржевской, кумира молодой революционной России... Все, все это наполняло душу волнением, восторгом... Раскаиваться юноше было не в чем! А путь его ясен: сцена!..

Мерещилась ли Гайдебурову слава в тот давний день? Конечно, мерещилась! Иначе не был бы он молодым! Мерещилось ему и то, сколь же будут уязвлены, когда имя его прогремит на всю Россию, университетские чиновники!..

Впрочем, чиновники, наверное, и не вспомнили о нем, Гайдебурове, когда он четыре года спустя открыл в Лиговском народном доме, на рабочей окраине Петербурга, Общедоступный театр...

Это было в 1903 году. Сегодня мало кто помнит и знает о том удивительном театре. А ведь такой театр родился впервые во всей мировой истории искусства. Родился в стране, которую Чехов называл казенной. Театр, обратившийся к пролетариату, созданный ради пролетариата...

Московский Художественный театр, возникший на несколько лет раньше гайдебуровского Общедоступного, также пытался начертать слово о б щ е д о с т у п н ы й на своем знамени, однако под давлением цензуры и определенных зрительских кругов вынужден был от него отказаться... Гайдебуровцы же хоть и не ставили перед собой непосредственно политических и агитационных задач, были верны своему кредо. И за это терпели «всевозможные притеснения», как писала газета «Путь правды». Притесняли театр все: власти, цензура, печать... Хотя печать просто замалчивала работу театра, не замечала его поисков, его достижений. Зато петербургский пролетариат, особенно рабочие Путиловского и Невского заводов, хорошо знал театр и любил его.

Когда гайдебуровский коллектив праздновал десятилетие, газета «За правду» писала о нем, что он нашел в среде пролетариата «чуткую и вдумчивую аудиторию, которая сумела понять и оценить стремления труппы и ее вдохновителя...».

Высокая оценка эта удивительно точно совпадала по смыслу со словами привета и восхищения, которые Гайдебуров прочитал в телеграмме Станиславского: «Давно любуюсь Вашей прекрасной деятельностью. Хочется высказать Вам сегодня в день Вашего юбилея самые добрые чувства любви, уважения и преклонения перед Вашим прекрасным артистическим трудом».

При всем своеобразии и несхожести путей художественников и гайдебуровцев их этические и эстетические взгляды соприкасались во многом. И недаром же Гай-



Павел Павлович Гайдебуров.



«Старик».

Уриель Акоста.



дебуров так же, как художественники, обращался к пьесам Горького и Чехова, Пушкина, Островского, Толстого, Ибсена, Мольера, Байрона...

Много позднее Павел Павлович Гайдебуров так говорил о главной сути тех своих репертуарных исканий:

— Первые же наши шаги в искусстве были окрылены верой в горьковского человека, в высоту его идей, в могучую силу добра, которое он несет с собой в мир...

Самая гибель героев многих гайдебуровских спектаклей — Тузенбаха в «Трех сестрах», Катерины в «Грозе», Гамлета и Освальда,— самая их судьба звучала перед лицом рабочего зрителя как вызов существующему строю, становясь обвинительным приговором тогдашней действительности...

Общедоступный театр был первым шагом П. П. Гайдебурова на пути к демократическому зрителю, к народу. Полтора года спустя он создал новый театр — Передвижной. Впрочем, если быть точным, Общедоступный театр и театр Передвижной располагали одной и той же труппой: зимой она играла в Петрограде, а в остальное время года колесила по стране. Маршруты гайдебуровцев пролегали от Риги до Тифлиса и от Гомеля до Владивостока... Театр показывал свои премьеры и в Полтаве и в Иркутске, а нередко играл очередные спектакли в глухих таежных деревнях либо на окраинах, в рабочих поселках.

Превратив чуть ли не всю Россию в свою зрительскую аудиторию, гайдебуровцы, однако же, вели длительную и тщательную подготовку спектаклей. Режиссер нередко занимал в эпизодических ролях ведущих актеров. Все это усиливало те необыкновенные впечатления, которые театр оставлял в сердцах тысяч зрителей...

Гайдебуровцам повезло: их спектакли смотрел и о них писал Сергей Миронович Киров, когда работал во владикавказской газете «Терек». Говоря о высокохудожественном исполнении передвижников, Сергей Миронович подчеркивал крепчайшую связь их творчества с действительностью, с тем, что окружает человека в повседневной жизни. Киров писал о гайдебуровцах: «...хвалить труднее, чем хулить, и когда смотришь гастролирующий у нас Передвижной театр, невольно спрашиваешь себя: можно ли дать лучшую художественную драму, чем та, которую создают передвижники?.. Я умышленно говорю — «создают», потому что на сцене Передвижного театра зритель видит не простую механическую передачу драматического произведения, а истинное, настоящее драматическое творчество. В этом отношении Передвижной театр дает ровно столько же, сколько и сам автор пьесы. И это чувствуется во всей постановке, в каждом штрихе».

Приезд Передвижного театра становился для всякого города русской провинции большим событием, праздником.

В театре Гайдебурова все было чуждо рутины и шаблона: и скромные афиши, увенчанные маркой театра; и билеты и программки, выполненные с большим вкусом; и занавес, который раздвигался, а не поднимался; и отмена бенефисов и подношений, традиционных актерских поклонов, аплодисментов во время действия...

И это не были «мелочи». Здесь мы снова и снова обнаруживаем близость принципов гайдебуровцев к принципам Московского Художественного театра.

Но у передвижников была своя главная отличительная черта. Своя собственная, крепкая и непосредственная связь сплачивала актеров этого театра со зрителем. Актеры и зрители общались не только во время действия, но встречались еще и перед спектаклями и после них; актеры проводили беседы со зрителями, всевозможные опросы зрителей, собирали среди них анкеты и записки... Понятно, гайдебуровцы не ограничивались при этом лишь целью завоевания зрителя; они стремились оказывать на него облагораживающее влияние, формировать его сознание, вкусы и эмоции. «Наша работа,— вспоминал Павел Павлович,— протекала в непременном тесном и горячем общении с тысячной массой зрителей».

Конечно, в работе гайдебуровцев были и теневые стороны, и репертуарные блуждания, и неудачные спектакли. Но что такое они значат по сравнению с огромным многолетним трудом, направленным на просвещение и воспитание народа, на духовную подготовку народа к социалистической революции!..

А гайдебуровцы были именно среди тех, кто готовил народ к октябрьскому штурму, к свержению старого мира, к боям на фронтах гражданской войны, за утверждение молодой Советской власти...

И не случайно С. М. Киров, вставший во главе ленинградской партийной организации, обратился к помощи Павла Павловича Гайдебурова.

В Ленинградском колхозно-совхозном театре имени Леноблисполкома, созданном Гайдебуровым, основную труппу составили прежде всего актеры Общедоступного и Передвижного театров. Театр старых гайдебуровцев пополнился, разумеется, и молодежью. Рядом с классикой здесь ставились лучшие советские пьесы: «Половчанские сады» Л. Леонова, «Далекое» А. Афиногенова, «Слава» В. Гусева, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Земля» Н. Вирты.

Спектакли эти много сделали для патриотического воспитания людей деревни. И хотя в искусстве решающее слово никогда не принадлежит цифрам, нельзя не вспомнить, что за первые годы своей жизни Театр имени Леноблисполкома проехал около 8 500 километров в поездах и около 3 тысяч км — на автомашинах. А вот еще более интересные цифры: 160 км наездили на моторных лодках, 250 км — под парусами, 2 711 км — на телегах, 14 646 — на санях, 19 920 — пароходом и баржей... Удивительно красноречивые цифры, не правда ли?..

...В годы войны и после нее Павел Павлович Гайдебуров — уже очень пожилой человек — по-прежнему не ищет уюта и спокойствия. Сыграв перед войной Уриеля Акосту в маленьком ленинградском театрике драмы и комедии, он затем уезжает на периферию, ставит спектакли и играет в Карелии, Ярославле, Симферополе...

Так до конца своих дней этот выдающийся деятель русского советского театра оставался верен идее, покорившей смолоду его воображение. При всем старании мы вряд ли отыщем в истории нашей отечественной сцены другой такой пример, когда художник огромного таланта и обаяния, исключительного творческого диапазона, способный занять ведущее положение в любом крупнейшем театре Москвы или Петрограда, сознательно отказывался бы от карьеры, от славы, от комфорта и удобств. Отказывался затем лишь, чтобы нести свое искусство в массы... И такую же точно жизнь вела неизменная спутница Гайдебурова, замечательный режиссер и актриса Н. Ф. Скарская.

Доведись Гайдебурову начать жизнь в искусстве сначала,— думается, он поступил бы точно так же... Накануне своего семидесятилетия он писал: «Искусство как путь общественного служения лежит обычно в стороне от большой дороги к славе; чувство нового ведет артиста всякий раз еще не хожеными тропами поисков и одушевляет художника суровой требовательностью к себе и к своему общественному долгу. На этом пути стремление актера к успеху становится опасной для него угрозой, точно так же, как и безразличное отношение к вопросу, нужно ли народу то, что предлагает ему театр своим искусством».

...Подлинный мастер сценического перевоплощения, П. П. Гайдебуров обладал творческим диапазоном огромного размаха. Зрителям, которые видели его в роли Счастливцева из «Леса», трудно было узнать Гайдебурова в Гамлете. Он играл Бетховена в одноименной пьесе Жижмора; играл гоголевского Хлестакова, тургеневского Кузовкина, толстовского Звездинцева, мольеровского Тартюфа, ибсеновского Освальда, чеховского Иванова, толстовского Петра... А на закате дней — Уриеля Акосту, Старика в пьесе Горького «Старик», Шмагу в спектакле «Без вины виноватые», крестьянина Габу в «Людях доброй воли» Г. Мдивани.

В этих ролях Гайдебуров мог подниматься до трагических высот. И мог заражать зал стихией безудержного смеха. Он умел пробуждать в зрителях горячее сочувствие к своему герою, либо вызывать ненависть... Но как бы далеко ни уходил актер от себя, играя на сцене, как бы ни растворялся в образе, всегда сквозь этот образ проступал он сам, глубоко человечный и страстный художник.

Хочется сравнить хотя бы только два образа, созданные им,— Уриеля Акосту и Старика. Высокий и благородный характер, олицетворение протеста против мракобесия и изуверства — таков Уриель. А Старик — весь мракобесие, сладострастный фанатик, шантажист... Романтический взлет, ярчайшая эмоциональность в первом случае и суровый реализм, беспощадность обрисовки, точный расчет остро мыслящего художника — во втором.

Актер Гайдебуров дарил зрителям счастливые минуты глубочайших нравственных потрясений. Гайдебуров-режиссер отличался глубиной и силой мысли. Среди его спектаклей были такие, с которыми он не расставался всю свою творческую жизнь. О толстовской «Власти тьмы» мне хочется рассказать особо. Этот спектакль Гайдебуров ставил еще в первые годы жизни Общедоступного театра.

Мне довелось видеть этот спектакль около тридцати пяти лет спустя, на сцене Театра имени Леноблисполкома. Здесь поражала глубоко гуманистическая трактовка пьесы, ее центральных образов. Намного раньше чудесного спектакля Малого театра, осуществленного Борисом Равенских, Гайдебуров сделал главным для своей постановки конфликт между потенциальными духовными силами русского дореволюционного крестьянства и убивающей, вытравляющей в человеке все человеческое властью тьмы, властью денег... Писать о спектакле мне пришлось на страницах ленинградской «Смены». И позднее, когда в 1940 году издательство «Искусство» выпустило «Власть тьмы» с режиссерским комментарием Павла Павловича, он прислал мне в подарок эту книгу со своим автографом.

Неповторимы по своей человечности характеристики, которые дает Гайдебуров в комментарии героям пьесы. И не только правдолюбцу Акиму, наделенному «непосредственным чувством высокой морали», но и Никите с его «врожденной одаренностью натуры», и Марине с ее «волевым, здоровым и оптимистическим содержанием», и Акулине, которую любовь «возвышает до способности к самопожертвованию», и Анютке, являющей собой пример «прирожденного душевного богатства»...

Вот каковы были у Гайдебурова деревенские русские люди. Только власть тьмы не дает им проявить душевные силы. Власть слепоты, власть одиночества. И нет для человека другого выхода из-под этой власти, кроме преступления, царской каторги да петли на перемете...

Потому и не расставался с толстовской пьесой около четырех десятилетий Гайдебуров, что вся его жизнь в искусстве — жизнь как постоянный, непрекращающийся подвиг — была обращена к людям. К тем самым людям, которым тоже надо было помочь освободиться от власти тьмы, слепоты и одиночества. Помочь им полностью проявить их душевные силы, нравственные способности и таланты.

Вера в народ, в его безграничную силу, глубочайшая убежденность в том, что искусство принадлежит, как и все духовные ценности, народу,— вот что двигало помыслами и исканиями Гайдебурова, вело его единомышленников и сподвижников...

Сегодня в тех городках и поселках, станицах и селах, где впервые зажег свет искусства Павел Гайдебуров, вспыхивают огни рамп народных театров — детища нашего нынешнего времени. Все крепче и теснее становятся контакты между театром и селом. Не один гайдебуровский коллектив и даже не десятки родившихся по его примеру колхозно-совхозных театров, а все без исключения театры страны обращают теперь свое искусство к жителям маленьких городов и далеких деревень. Актеры столиц едут со спектаклями в районные и сельские клубы, в красные уголки, на полевые станы... И живет во всем этом прекрасная жизнь Гайдебурова, его идеи и творческий опыт, его искания, его изумительный подвижнический пример, обращенный в завтрашний день, в будущее...



Мегрэ и старая дама

Роман

Жорж СИМЕНОН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРОПИНКА В СКАЛАХ

Мегрэ спрашивал себя, закончится ли их разговор вместе с ужином, или же они его продолжат в другом месте. Арлетта прикуривала сигарету, когда администратор гостиницы подошел к комиссару и сказал ему тихо, настолько тихо, что Мегрэ попросил его повторить:

— Вас просят к телефону.

— Кто?

Администратор посмотрел на молодую женщину столь выразительно, что не только она, но и Мегрэ почувствовал себя неудобно. Арлетта нахмурилась, но взгляд ее сохранил безразличное выражение.

— Скажете вы наконец, кто меня спрашивает по телефону?— сказал комиссар, потеряв терпение.

Оскорбленный до глубины души, администратор произнес, словно его принудили выдать секрет государственной важности:

— Господин Шарль Бессон.

Мегрэ украдкой подмигнул Арлетте: она ведь могла подумать, что звонит ее муж. Вставая из-за стола, Мегрэ спросил:

— Вы подождете меня?

И после того как она опустила глаза в знак согласия, он направился к кабине в сопровождении администратора, который объяснял на ходу:

— Лучше бы мне послать вам записку. Мне придется извиниться за ошибку одного из моих служащих. Господин Бессон, кажется, уже звонил вам днем, два или три раза. И вам забыли сообщить об этом сразу, когда вы вернулись ужинать.

От зычного голоса в трубке задребезжала мембрана.

— Комиссар Мегрэ? Мне так неловко, я, право, не знаю, как оправдаться. Но, возможно, вы не слишком осудите меня, если узнаете, что со мной произошло...

Голос неистовствовал. Мегрэ не мог вставить ни одного слова.

— Я оторвал вас от работы, от семьи! Я заставил вас приехать в Этрета и даже не встретил вас. Во всяком случае, я хочу сказать, что собирался непременно быть сегодня утром на вокзале и тщетно пытался связаться с начальником станции по телефону, чтобы он предупредил вас. Алло!..

— Да-да!

— Представьте себе, этой ночью я должен был выехать в Дьепп, моя теща была при смерти.

— Она умерла?

— Только сегодня днем. У нее, видите ли, одни дочери, и я единственный мужчина в семье. Я вынужден был там остаться. Ведь вы знаете, как это все бывает. Приходится обо всем заботиться. Возникают всякого рода затруднения. Я не мог позвонить вам из дома: умирающая не выносила ни малейшего шума. Я трижды выскакивал на улицу и пытался дозвониться к вам из соседнего кафе. О! Это было ужасно!

— Она очень мучилась?

— Не особенно. Но она знала, что умирает.

— Сколько ей было лет?

— Восемьдесят восемь. Теперь я вернулся в Фекан и вожусь с детьми, так как жена осталась там. С ней только грудной ребенок. Но, если вы захотите, я могу сесть в машину и приехать к вам вечером. Или же скажите мне, когда я вас меньше всего побеспокою завтра утром, и я непременно буду.

— Вы желаете мне что-нибудь сообщить?

— По поводу того, что произошло в воскресенье? Вряд ли мне известно больше того, что вы узнали. Ах да! Мне удалось добиться того, что все нормандские газеты как в Гавре, так и в Руане не станут сообщать о случившемся. Следовательно, и в Париже не узнают. Но это было нелегко. Я сам ездил в Руан во вторник утром. Они поместили сообщение в три строчки, указав, что предполагается несчастный случай.

Шарль Бессон наконец перевел дыхание, но комиссару нечего было ему сказать.

— Вы хорошо устроились?— продолжал Бессон.— Вам дали хороший номер? Надеюсь, вы распутаете эту досадную историю? Утром вы поднимаетесь рано? Может, мне приехать к вам в отель к девяти часам?

— Если это вас устраивает.

— Благодарю вас. Еще раз примите мои самые глубокие извинения.

Выйдя из кабины, Мегрэ увидел, что Арлетта осталась в зале совсем одна. Стол, за которым она сидела облокотившись, уже убирали.

— Он говорит, что ему пришлось поехать в Дьепп.

— Она умерла наконец?

— Она болела?

— Уже лет двадцать, а может, и тридцать, и все говорила, что умирает. Шарль, наверно, доволен.

— Он не любил ее?

— На какое-то время он поправит свои дела — ему ведь достанется солидное наследство. Вы знаете Дьепп?

— Очень мало.

— Семейству Монте принадлежит примерно четверть всех домов города. Теперь Шарль разбогатеет, но все-таки ухитрится потерять и эти деньги в какой-нибудь шальной афере. Если только Мими ему не помешает,— ведь в конце концов это ее деньги, а она, насколько я знаю, себя в обиду не даст.

Любопытно: она говорила обо всем этом беззлобно, в голосе ее не чувствовалось ни враждебности, ни зависти, словно рассказывала она о людях вообще, принимая их такими, какие они есть, и судила о них, как об экспонатах антропологического музея.

Мегрэ снова сел напротив нее, набил трубку, но не торопился раскурить ее.

— Вы скажете мне, когда я стану вам в тягость?— проговорила Арлетта.

— Вы как будто не торопитесь вернуться в «Гнездышко»?

— Нет. Не тороплюсь.

— Настолько, что согласны на любое общество.

Он знал, что дело не в этом. Начав рассказывать о себе, она, вероятно, не прочь продолжить этот разговор. Но в этом большом зале, где погасили уже три четверти огней и прислуга давала понять, что они ее задерживают, трудно было возобновить разговор с того, на чем он был прерван.

— Может быть, пойдем еще куда-нибудь?

— Куда? Если в бар, то там мы рискуем натолкнуться на Тео, а я не хочу с ним встречаться.

— Вы еще любите его?

— Нет. Не знаю.

— Вы сердитесь на него?

— Не знаю. Идемте. Мы можем просто пройтись.

Они вышли. Была темная туманная ночь. Свет редких фонарей расплывался мерцающими кругами. И сильнее, чем днем, слышался размеренный шум моря, возвещавший шторм.

— Позвольте мне продолжить вопросы?

Она носила туфли на очень высоких каблуках. Ради нее он избегал улиц без тротуаров, особенно мощенных булыжником, где она могла бы вывихнуть лодыжку.

— Для этого я и пришла сюда. Рано или поздно вы их все равно задали бы мне, правда? Лучше уж со спокойной душой вернуться завтра в Париж.

Со времен юности не часто доводилось Мегрэ бродить вот так ночью по темным и холодным улицам маленького городка в обществе красивой женщины, и он чувствовал себя чуть ли не виноватым. Навстречу попадались лишь редкие прохожие. Их шаги слышались задолго до того, как из темноты возникал силуэт. Многие оборачивались вслед этой запоздалой паре; возможно, за ними наблюдали и из-за штор освещенных окон.

— В воскресенье, если я не ошибаюсь, был день рождения вашей матери?

— Да, третьего сентября. Отчим превратил этот день в некое подобие национального праздника. И не допускал, чтоб кто-нибудь из

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—44.



ДУЭТ

В цюрихском зоопарке музыкант Гордон Робинсон дал концерт, вызвавший большой интерес у публики. Он выступал вместе со слоном Эли.

ФАНТАЗИЯ МОДЕЛЬЕРОВ

Один из парижских домов моды, желая проверить, до каких пределов может дойти преклонение перед всевозможными фасонами одежды, предложил весьма оригинальные модели женских нарядов. И тут же поступило много заявок на покупку этих новинок.



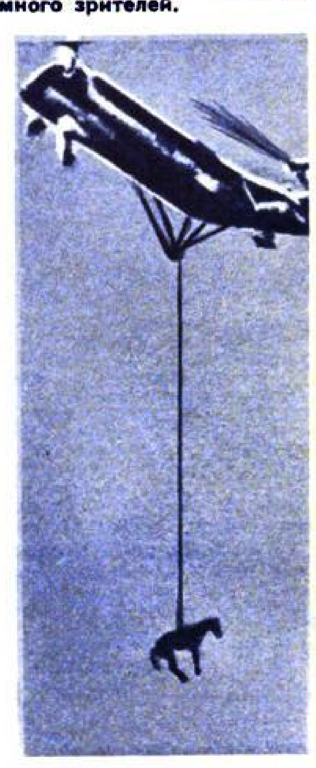
ПРОТИВНИК ТОРЕАДОРА

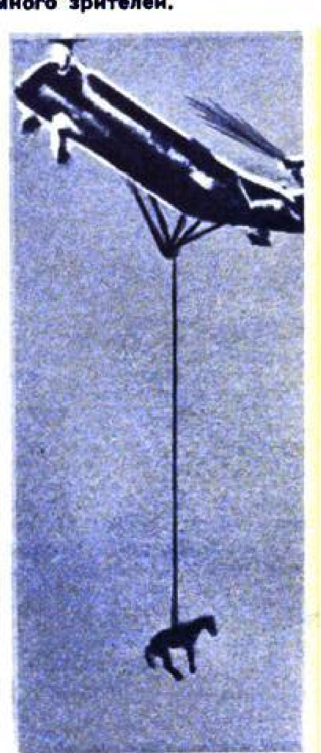
Когда известный испанский тореадор Хаиме Остос вышел на арену, его там встретил непривычный противник — собака. Пораженный великолепием одежды тореадора, пес залаял и, к общему удовольствию публики, смело ринулся в атаку.



ЛЕТЯЩИЙ КОНЬ

Ковбой Джеймс Ричардс, живущий в Калифорнии, свалился вместе со своим конем в глубокий овраг. К счастью, всадник и лошадь отделались легкими ушибами. Но спасти пострадавших удалось только с помощью вертолета. Посмотреть на летящего коня собралось много зрителей.





БАШНЯ ИЗ ПЛАСТМАССЫ

Это гигантское сооружение из пластмассы воздвигнуто в Италии. Оно изображает легендарную Вавилонскую башню и будет использовано в съемках нового фильма на библейскую тему.

ОПАСНЫЕ ЗРИТЕЛИ

Гимнаст Биль Дил из Флориды показал свои акробатические номера в бассейне с крокодилами. Опасные зрители окружили смельчака и с интересом наблюдали за ним.



ЭКСПЕРИМЕНТ С КУРИЛЬЩИКАМИ

У каждого заядлого курильщика свои излюбленные сорта сигарет. Недавно в Токио провели любопытный эксперимент, в котором участвовало сто активных потребителей табачной промышленности. Им завязали глаза и стали потчевать то одними, то другими сигаретами. Семьдесят курильщиков смогли безошибочно узнать свои любимые сигареты.





МОЛОДЫЕ СТАРИКИ

На шестой традиционной велогонке Париж — Брест — Париж, в которой принимали участие несколько сот велосипедистов, особое внимание болельщиков привлекли двое участников: 70-летний Раймонд Вильямс и 67-летний Альберт Бенуа. На всем пути этих молодых стариков встречали бурными аплодисментами.

семьи не был на торжестве. Мы сохранили обычай встречаться в этот день у матери. Для нас это стало традицией, вы понимаете?

— За исключением Тео, судя по тому, что вы мне рассказали.

— Да, исключая Тео после смерти его отца.

— Вы привезли на этот раз подарки? Могу я узнать, какие?

— По странному совпадению Мими и я сделали почти одинаковые подарки: кружевные воротнички. Трудно выбрать что-нибудь для моей матери. У нее есть все, чего она могла бы пожелать,— вещи дорогие и редкие. Когда ей дарят безделушку, она разражается хохотом, от которого становится не по себе. И благодарит с преувеличенной горячностью. Но она без ума от кружев, и вот нам с Мими пришла одна и та же мысль.

— Ни шоколада, ни конфет, ни сладостей?

— Догадываюсь, что́ вы имеете в виду. Нет, ничего этого не было. Никто не рискнул бы преподнести ей шоколад или конфеты, она их не терпит. Видите ли, моя мамаша относится к тем хрупким на вид женщинам, которые любым сластям предпочитают маринованную или зажаренную селедку, соленые корнишоны и хороший кусок сала.

— А вы?

— Я нет.

— Кто-нибудь из семьи догадывался о том, что произошло однажды между отчимом и вами?

— Честно говоря, я в этом не уверена. Но готова поклясться, что мать все знала.

— От кого она могла узнать?

— Она обходилась без чьей-либо помощи. Простите, но мне опять приходится злословить: она всегда подслушивала у дверей, это было ее страстью. Сначала она следила за мной, потом за Фернаном. Она шпионила за всеми, кто жил в доме, в ее доме, включая метрдотеля, шофера и горничных.

— Зачем?

— Чтобы знать все, что происходит в ее доме.

— И вы полагаете, что она знала и о вас с Тео?

— Я почти уверена.

— И она никогда ничего вам не говорила, даже не намекала? Вам ведь не было тогда и двадцати лет. Она могла бы вас и предупредить.

— А для чего?

— Когда вы заявили о своем намерении выйти замуж за Жюльена Сюдра, разве она не пыталась вас отговорить? В то время этот брак мог выглядеть мезальянсом. Фернан Бессон был на вершине успеха. Вы жили в роскоши — и вдруг выходите замуж за небогатого дантиста, за человека без будущего.

— Мать ничего мне не говорила.

— Отчим?

— Он не посмел. Он чувствовал себя виноватым передо мной, мне кажется, его мучила совесть. Думаю, что, в сущности, он был порядочным и даже совестливым человеком. Он, должно быть, был уверен, что я так поступаю из-за него. Он хотел сделать мне богатый подарок, но Жюльен не принял его.

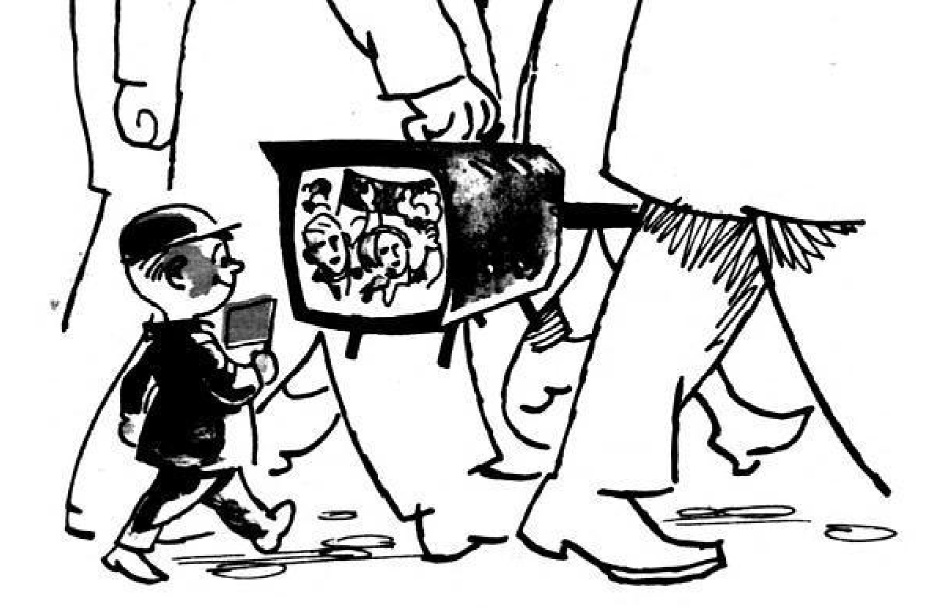
— По вашему совету?

— Да.

— И ваша мать не подозревала об этом?

— Нет.

Продолжение следует.



Вот теперь все видно!

Рисунок Б. Боссарта.



— Учтите, у меня были две попытки — я тут завязал на память.

Рисунок В. Воеводина.

— Вас постричь или побрить?
— Нет, только массаж.

Рисунок Г. и В. Караваевых.



— Все-таки уговорил его не ходить со мной.

Рисунок А. Грунина.



Неначатые рассказы

Ф. КРИВИН

НАЧАЛО НАЧАЛ

...а мироздание строилось по принципу всех остальных зданий: с самого первого кирпича оно уже требовало ремонта.

СЛОВО

...и вот, когда людям надоело молчать, один из них встал и сказал: «Прошу слова!» Таким образом, вначале было слово «Прошу», а уже потом появились другие слова: «Отказаты!», «Обмозговаты!», «Пустить по инстанциям!».

СМИРЕНИЕ

...буйным становится человек, когда он продает душу дьяволу, но каким же кротким становится он, когда он отдает богу душу!

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

...одни на спине, другие в петлице... Вот так каждый несет свой крест.

МЕЧТЫ ВСЕВЫШНИЕ

...если б люди вели себя, как ангелы, а работали, как черти!

ВЫГОДНЫЙ ПРОДУКТ

...за последнее время тигрятина заметно упала в цене: если прежде один тигр стоил жизни трем охотникам, то теперь он стоит только двум. А цены на баранину остались без изменения.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

...и когда были волки сыты и овцы целы, возникла проблема: как накормить овец?

ЦИКЛОПЫ

...говорят, что циклопы, которыми кормят рыбок в аквариуме, тоже одноглазые и тоже выглядят очень страшно через увеличительное стекло.

ПРОБЛЕМЫ

— ...тут важно: кто ездит, куда ездит, зачем ездит...

— И на ком ездит,— вставил Верблюд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— ...факты—упрямая вещь,— сказал Осел.

УРОК КРАСНОРЕЧИЯ

...и тогда Демосфен выплюнул свои камни и набрал в рот воды.

ЕВРИПИДЫ

...у них на всех одна-единственная трагедия, которая состоит в том, что они не умеют писать.

ЦЕЗАРИ

...жребий брошен вместе со всеми доспехами при попытке обратно перейти Рубикон.

ЦИЦЕРОНЫ

...они говорят, как пишут—не отрывая глаз от написанного.

СИЛЬНЫЕ МИРА

...они помнят, что сказал Архимед, и для них земной шар— всего лишь точка опоры.

1616

...в этот год умерли Сервантес и Шекспир. Но никто в этот год не родился.

ДЕЯНИЕ

...Бисмарку советовали пойти войной на Россию, но он гениально на нее не пошел.

ИСТОРИЯ

...а что касается войн Алой и Белой розы, то это были только цветочки.

ГЕОГРАФИЯ

...мало быть Магелланом. Надо, чтоб где-то был еще Магелланов пролив.

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

— ...ведь что такое любовь? Любовь — это такое явление, которое, укорачивая жизнь каждому человеку в отдельности, удлиняет ее человечеству в целом.

ДОВОД

...и почему бы не восхвалять бескорыстие, если за это хорошо платят?

КАЛАМБУР

...а сатира покрывается ржавчиной, каламбуря в стакане воды.

ЖИТЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

...цель оправдывает средства, но — увы! — не всегда их дает.

ТРАМВАЙНАЯ ФИЛОСОФИЯ

...человек уходит из жизни, как выходят из трамвая: на его уход обращают внимание те, кого он толкнул или кому уступил место.

РАБОТА

...на этом предприятии в ногу с веком шагает один шагающий экскаватор.

СПОР

...каждый на свою стенку лезет, а истина лежит между тем внизу, у всех под ногами.

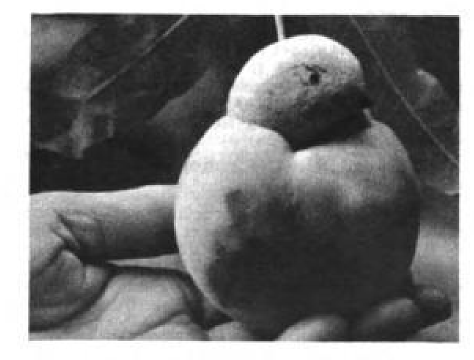
ПРОГРЕСС

...таким образом, эта маленькая страна, производившая только пуговицы и зубочистки, теперь производит все: от пуговиц до зубочисток включительно.

СКАЗКА

...а так как Золотой Рыбке было мало ее морей, у старика отобрали последнее старое корыто.

ШУТКИ ПРИРОДЫ



Вылитый цыпленок, скажете вы, взглянув на снимок. Мы так и подумали, когда нам показали этот персик.

И. КОРТЕВ
Фото А. Волкова.

Сочи.

Минувшим летом на берегу Балтийского моря в Усть-Нарве я увидел гигантскую черепаху. Подошел поближе. Оказалось, что это старый корень сосны.

Е. ГЕРШУНИ





Чем не перчатка? Так выросла обыкновенная морковь.

П. ШЕПЕЛЬ
г. Нежин,
Черниговской области.

Не правда ли, эта картошка напоминает какого-то загадочного зверька?

В. САБИРОВ
Краснозаводск,
Московской области.



Ядвига РУТКОВСКА

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ВСЕМ УГОДИТЬ

Жил человек, который хотел всем нравиться. Он часто менял мнения и дошел до совершенства — в том смысле, что не имел никакого. Если б речь шла о чем-нибудь конкретном, а не только о сознании, что он всеми любим, его можно было бы назвать подхалимом. Но достижения, которыми он воспользовался, лежали исключительно в сфере чувств.

Методы, какими он пользовался, были абсолютно просты.

Каждой женщине, с которой знакомился, чарующе улыбаясь, он говорил комплимент, после короткого знакомства он беспрестанно твердил ей, что она не такая, как все, и ее дружба была бы для него бесценным сокровищем, если б ему удалось завоевать ее.

Большей частью они дарили ему это сокровище.

Разговаривая с мужчинами, он восхищался их ответами. Временами, даже не припоминая конкретного примера, он задумывался, комментируя: «Так как вы это справедливо заметили» или: «Я никогда не забуду вашего высказывания». В большинстве случаев это действовало. Если же ему казалось, что недостаточно, он добавлял: «Ах, какой у вас чудесный галстук! С каким вкусом подобран к вашему костюму!».

Это безусловно помогало.

Однажды весной ему показалось, что он влюбился. Он старался преодолеть это чувство, которое так не вязалось с его линией поведения.

Не смог. Он обручился с той девушкой. И это был шаг, повлиявший на всю его жизнь.

Однажды вечером он отправился с ней в театр. Оказалось, что соседнее кресло занимает его шеф. В антракте вспыхнула дискуссия о спектакле.

Невесте спектакль не нравился. Шеф, напротив, был в восхищении. Оба ожесточенно спорили.

Во время первого антракта он вывернулся — оставил их ожесточенно спорившими и отправился в буфет за шоколадками. Специально тянул время до той минуты, покуда не прозвенел звонок.

Во время следующего антракта, едва они вышли из зала, он угостил их шоколадками. Это недолго отвлекало их внимание. Ели и продолжали спорить. Вдруг оба они обратились к нему.

— Ну скажи,— потребовала невеста,— правда, что пьеса плохая? Что герой — фигура схематичная, что...

— Вы человек разумный, согласитесь со мной,— сказал ему шеф.— Ваша невеста ошибается. Скажите, что вы думаете о пьесе!

— Скажи, ведь невозможно, чтобы тебе понравилась эта ерунда! — настаивала невеста.

Никогда в жизни ему не было так скверно. Даже во время страшной бомбардировки, которую он пережил на фронте.

Он то краснел, то бледнел. Наконец под назойливым натиском он пробормотал:

— Да, действительно, пьеса далеко не идеальна, однако в ней есть неплохие моменты. Некоторые актеры профессиональны, в общем, уровень скорее ровный.

— Не мямли,— нервничает невеста.— Скажи, нравится или нет?

— Нравится вам или нет, черт возьми? — грозно наседал шеф.

После спектакля невеста бесповоротно порвала с ним. Шеф при первой же оказии поговорил с ним. Это его не сломило.

Он сменил профессию и чувствует себя, как рыба в воде.

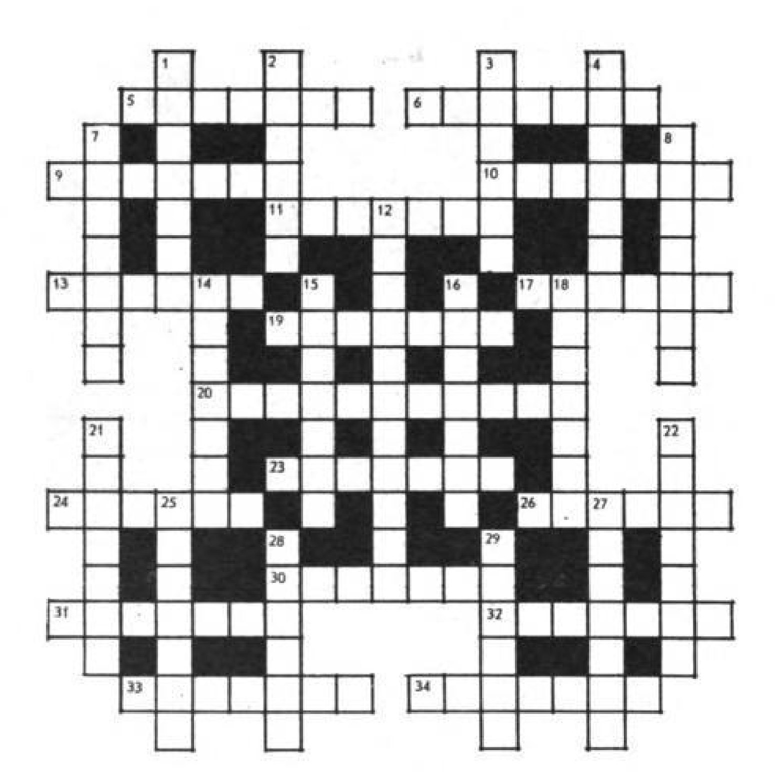
Он стал театральным рецензентом.

Перевела с польского И. ГАВРИЛОВА.





На шляпке этого гриба разместились еще два его сородича.
Фото Б. Саранцева.
Ярославль.



КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Музыкальное произведение для сольного инструмента и оркестра. 6. Птица семейства соколиных. 9. Северная ягода. 10. Основоположник русской физиологической школы. 11. Соревнование. 13. Опера А. А. Спендиарова. 17. Обезьяна. 19. Вид изобразительного искусства. 20. Часть речи. 23. Спутник планеты Юпитер. 24. Курорт в Крыму. 26. Начало шахматной партии. 30. Кондитерское изделие. 31. Спортивная игра. 32. Сочетание приемника с проигрывателем. 33. Река в Кемеровской области. 34. Ряды полок.

По вертикали:

1. Ручная пила. 2. Герой древнегреческой мифологии. 3. Мелкие параллельные складки на материи. 4. Русский архитектор. 7. Областной центр в Белоруссии. 8. Порт в Кении. 12. Множитель, выраженный цифрами. 14. Часть круга. 15. Пешеходная дорожка. 16. Землеройно-транспортная машина. 18. Небольшое сольное произведение. 21. Роман И. А. Гончарова. 22. Журнал, издававшийся в Петербурге с участием И. А. Крылова. 25. Советский писатель. 27. Озеро в США. 28. Происшествие, случай. 29. Коробчатая деталь двигателя внутреннего сгорания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

4. «Возмездие». 7. Бора. 8. Руан. 10. Таймура. 12. Цоколь. 13. Жухрай. 14. Пакет. 16. Соль. 17. Тула. 18. Дварионас. 19. Тент. 21. Рысь. 22. Телец. 24. Жигули. 26. Пуссен. 27. «Торпедо». 28. Фара. 29. Риал. 30. Гигрограф.

По вертикали:

1. Ловать. 2. «Теремок». 3. Витраж. 5. Локоть. 6. Бархат. 9. Положение. 11. Балластер. 14. Пласт. 15. Тунец. 20. Трубач. 21. Рустам. 23. Ляпунов. 25. Италия. 26. Портал.

На первой странице обложки: Фотоплакат Г. Макарова.

На последней странице обложки: Ленинград. Крейсер «Аврора».

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10742. Подписано к печати 2/XI 1966 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 1934. Заказ № 2902.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Мэр города Тольятти В. Ф. Просолов и питомцы детской спортивной школы.

В. ВИКТОРОВ

Фото А. Бочинина.

Этот человек за последние два года стал известен в спортивных кругах, хотя по роду своей деятельности к физической культуре имеет не самое прямое отношение. Василий Федорович Просолов — мэр молодого волжского города Тольятти. Десять лет назад этот город, который тогда назывался Ставрополь, имел какой-нибудь десяток тысяч жителей, а после окончания строительства Куйбышевской ГЭС оказался на дне Жигулевского моря. Вместо него на новом берегу вырос город, в котором сейчас живет 150 тысяч человек, где имеется 27 крупных промышленных предприятий. Словом, дел и забот у председателя горсовета Тольятти хватает. И все же нашлось у хозяина молодого города, носящего теперь имя итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти, время и для физкультуры.

Еще два года назад на сессии городского Совета Просолов и его помощники затвердили план превращения Тольятти в город здоровья и спорта, и план этот, теперь во многом осуществленный, удивительно совпадает с постановлением партии и правительства о мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта, обнародованным совсем недавно, в августе нынешнего года. Но если вдуматься, удивительного здесь ничего нет. Просто тольяттовцы в своем плане учли самые насущные задачи нашего физкультурного движения: его массовость, его народность, необходимость привлекать к спортивным занятиям как можно больше людей...

И вот мы в городе Тольятти. Естественно, что в первую очередь мы решили повидаться с Василием Федоровичем Просоловым и рядом со зданием горсовета увидели трибуны большого нового стадиона. Он вошел в строй совсем недавно, когда футбольная команда города Тольятти начала выступать во всесоюзном первенстве по группе «Б», а теперь этот стадион уже считается ветераном. Нынешним летом жители волжского города обновили еще один стадион, такой же фундаментальный, с каменными трибунами, с тренировочными площадками, просторными помещениями.

Со строительства спортивных сооружений, которому в постановлении партии и правительства уделено столько внимания, и начали тольяттовцы осуществлять свои физкультурные планы. Что ж, они уже многое успели сделать. Теперь в городе действует пять спортивных залов, 120 площадок, 2 яхтклуба. Все школы имеют спортивные залы. (На строительство последнего зала нас прежде всего повез Василий Федорович.) Но аппетит, как известно, приходит во время еды. И вот уже на электротехническом заводе, в одном из складских зданий, скоро откроется зимний манеж, закладывается здание для детской спортивной школы.

Дети — их здоровье, их спортивные увлечения — одна из главных забот председателя горсовета. И в этом смысле очень характерна история пока что единственной детской спортивной школы. Открытая семь лет назад, эта школа имела всего десять групп, теперь в ней пятьдесят групп. Ее посещает тысяча ребят — юных лыжников, гимнастов, баскетболистов, и, прослышав о гостеприимном мэре, прямо ему пишут опытные тренеры, предлагая свои услуги. И город немедленно откликается на эти предложения и действительно гостеприимно принимает физкультурных педагогов. Вот уже год работает в детской спортивной школе семейная чета — тренеры по гимнастике Панкеевы, а теперь к ним присоединилась еще одна семья — Нина и Виктор Янец. С юными баскетболистами занимается недавно переехавший с Дальнего Востока опытный тренер В. Г. Копытин, ну, а лыжники тренируются со старожилом Валентином Акуловым; он большой знаток этого спорта, который так полюбился тольяттовцам.

На встречу с молодыми лыжниками в сосновый бор, который находится в самом городе, и повезли нас Василий Федорович Просолов и председатель городского совета спортивных обществ Николай Дмитриевич Есин. А потом мы оказались в педагогическом училище. И в этом была своя логика. Просолов понимает, что на приезжих тренеров надейся, а сам не плошай. Вот почему из Сызранского педагогического училища перевезено в тольяттинское целое физкультурное отделение — 60 студентов второго курса. Через два года Тольятти получит своих преподавателей физкультуры. Но уже сейчас осуществлена задача, поставленная два года назад: чтобы преподаватели физкультуры в школах все были дипломированными специалистами. Теперь с тольяттинскими ребятишками занимаются 26 преподавателей с высшим и 24 со средним специальным образованием.

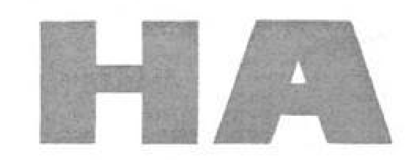
Но не только преподаватели физкультуры в школах и тренеры спортивной школы работают с детьми. В самой старой школе города, оставшейся в наследство еще от затопленного Ставрополя (здание стояло на горе и уцелело), уже десять лет преподает бокс на общественных началах инженер В. М. Дроздов. Сам боксер-перворазрядник, он вырастил за это время много отличных спортсменов, и теперь его школьный кружок стал фактически городской секцией по боксу.

Большое распространение получило в городе Тольятти общественное начало в физкультурной жизни. Учитель математики Александр Константинович Никитин, страстный яхтсмен, и зимой и летом готовит рулевых и матросов. Токарь электротехнического завода Виктор Козлов, боксер первого разряда, каждый день ровно в одиннадцать часов выстраивает в цеховом пролете своих товарищей и проводит с ними физзарядку. И Козлов не одинок в своем пристрастии. На заводе, где он трудится, как и на других предприятиях города, спортивными секциями руководят многие тренеры-общественники, и притом не на бумаге, а на деле.

Особенно большую роль сыграли организаторы и тренеры-общественники в физкультурной работе в микрорайонах города. В одном из таких районов, где живут рабочие завода цементного машиностроения, четыре года назад был организован детский спортивный клуб «Чайка». Председателем общественного совета клуба стал народный судья А. А. Алексеев, много сил отдает воспитанию ребят пенсионерка, страстная поклонница туризма М. Б. Серова. Сейчас клуб «Чайка» необычайно разросся, к нему тянутся ребята из других районов, а в городе все растут и растут такие же клубы. Главное увлечение ребят — хоккей. Во всех районах города имеются отлично оборудованные хоккейные площадки, а команда «Чайка» участвовала во всесоюзном розыгрыше на приз «Золотая шайба». Дело приняло такой размах, что Василий Федорович Просолов поставил вопрос о платных тренерах. Откуда взять средства? Да очень просто: расходы на тренеров будут входить в квартирную плату...

Читаешь в постановлении партии и правительства о мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта слова о необходимости повышать роль Советов депутатов трудящихся в развитии массовой физкультурной и оздоровительной работы среди трудящихся и учащейся молодежи прежде всего по месту их жительства и видишь тольяттинский клуб «Чайка» и народного судью Алексеева, который не жалеет своего времени для воспитания молодых спортсменов. Видишь Василия Федоровича Просолова, мэра города Тольятти, который сумел увлечь физической культурой и директоров предприятий и партийных и советских работников.

Сейчас массовое развитие физической культуры и спорта становится программой деятельности для всей нашей страны, а тольяттовцы уже многое сделали. Они идут на шаг впереди.



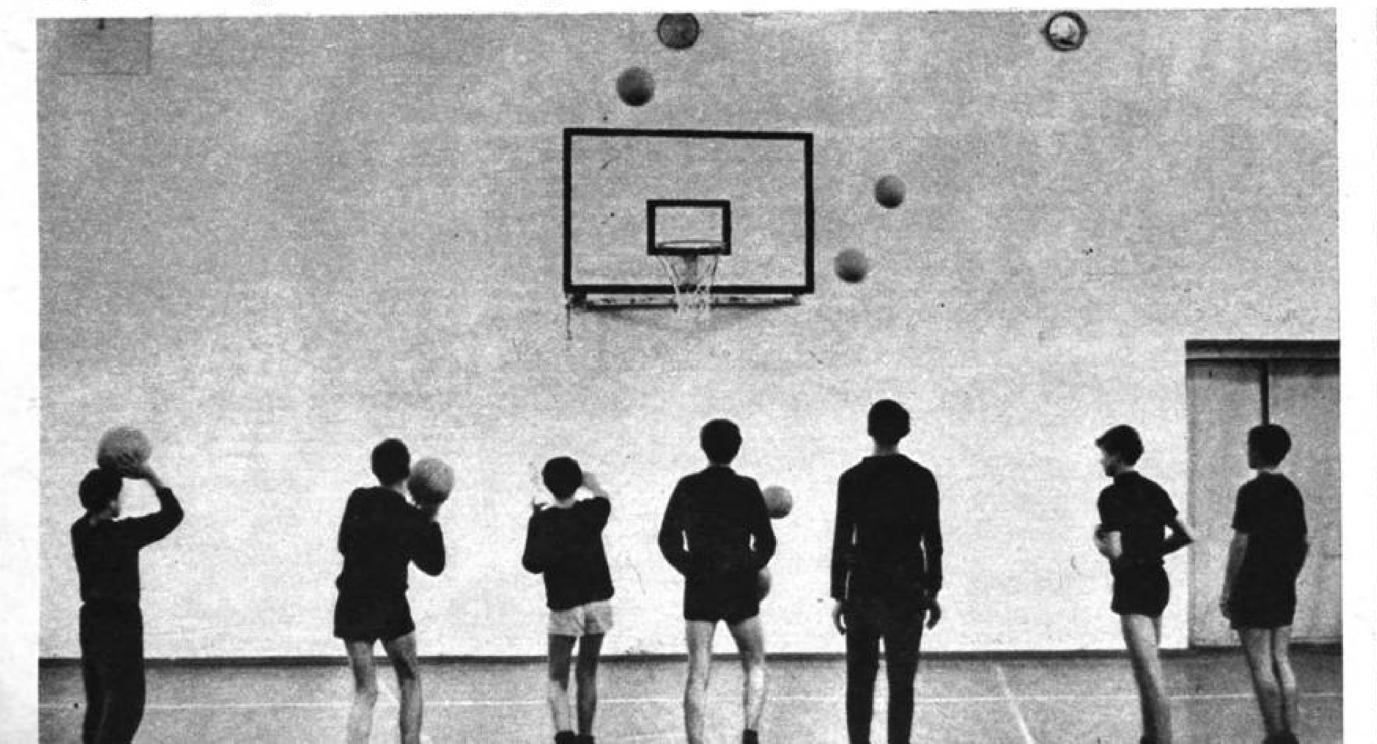
Инженер В. М. Дроздов на занятиях в школе.



Питомец детской спортивной школы баскетболист Саша Парфенов.

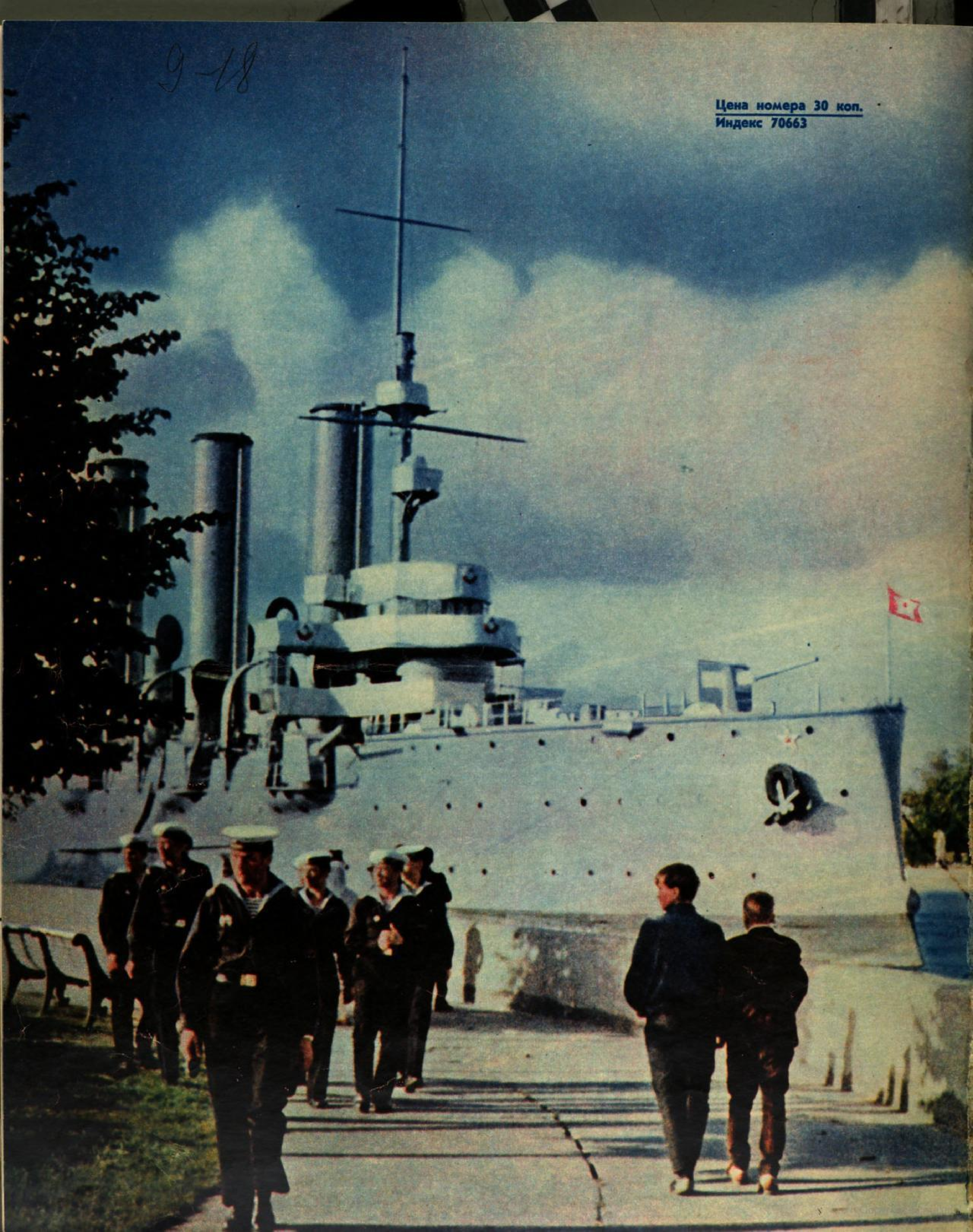
ШАГ ВПЕРЕДИ

Спортивный зал в одной из новых школ города Тольятти.



Туристы из клуба «Чайка».





Цена номера 30 коп.
Индекс 70663